

Н.Н.АЛЕКСАНДРОВ

НООСФЕРА

И МЕНТОСФЕРА

МОСКВА, 2013

УДК 740

ББК 85:103 (2)

А 056

Александров Н.Н. Ноосфера и ментосфера. Научное издание. – М.: Изд-во Академии Тринитаризма, 2013. – 180 с.

В книге рассмотрено соотношение ноосферы и ментосферы, общества и культуры, управления и манипуляции.

В работе использована оригинальная авторская концепция, основанная на методе экзистенциальной системогенетики и системокинетики.

Для широкого круга читателей гуманitarной ориентации.

Редакционная коллегия:

А.И. Субетто, доктор философских наук, доктор экономических наук (науч. редактор);

Н.А. Селезнева, доктор технических наук;

Т.В. Зырянова, кандидат педагогических наук (отв. редактор).

© Александров Н.Н., 2013.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть I. НООСФЕРА И ОБЩЕСТВО

1.1. НООСФЕРА И МЕНТОСФЕРА

Тематический контекст русского космизма

Ментальный взрыв глазами русского авангарда начала XX века

Глобальное изменение менталитета

Русский космизм как целое

Неклассическая наука и проективность XX века

1.2. МЕНТОСФЕРА И НООСФЕРА

Ментосфера

О менталитете человечества

Типы единого менталитета человечества

Уровни менталитета по отношению к историческим циклам

Ментальные формации

1.3. КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Часть 2. УПРАВЛЕНИЕ В МЕНТАЛЬНОЙ СФЕРЕ

2.1. МЕНТАЛИТЕТ И ПРОБЛЕМА УПРАВЛЯЕМОСТИ

2.2. ДВА ТИПА УПРАВЛЕНИЯ И ПАМЯТИ В ОБЩЕСТВЕ

Организация и организм

Тип памяти 1

Тип памяти 2

Два контура управления в обществе

Симулякры как имитация второго контура

Инструментальный рационализм

Заключение

2.3. НА ПУТИ К МАНИПУЛЯТИВНОМУ ОБЩЕСТВУ

Часть 3. МЕНТОСФЕРА И КУЛЬТУРА

- 3.1. КОСМИЗМ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ БУДУЩЕГО**
- 3.2. МИРОВОЗЗРЕНИЕ И КУЛЬТУРА**
- 3.3. МИФ КАК СОДЕРЖАНИЕ СОВРЕМЕННОГО МЕНТАЛИТЕТА**
- 3.4. МЕНТАЛИТЕТ И НАУЧНАЯ ПАРАДИГМА**

Часть 4. НЕБОЛЬШИЕ РЕПЛИКИ ПО ТЕМЕ

- 4.1. О СМЕНЕ МЕНТАЛЬНЫХ ПАРАДИГМ**
- 4.2. МЕНТАЛИТЕТ И СОЗНАНИЕ**
- 4.3. КАЛЕНДАРЬ МАЙЯ И КАМИКАДЗЕ**
- 4.4. ПОПУЩЕНИЕ БОЖЬЕ ИЛИ ЛИШЕНИЕ РАЗУМА**
- 4.5. ПРИЗНАКИ ФАШИЗМА И ЭГРЕГОРЫ**
- 4.6. ЗАПИСКИ ОБ ЭВОЛЮЦИИ**

Н.Н.АЛЕКСАНДРОВ

НООСФЕРА

И МЕНТОСФЕРА

МОСКВА, 2013

Часть I. НООСФЕРА И ОБЩЕСТВО

1.1. НООСФЕРА И МЕНТОСФЕРА

Вопрос о соотношении ноосферы и ментосферы до сих пор не ставился по ряду причин. Учение о ноосфере в последние полстолетия существовало как некая иллюзорная самозавершенность, хотя материалы недавних конференций демонстрируют, что это далеко не так [16]. Что касается *ментосферы*, то термин и само это представление (при всем многообразии публикаций о менталитете) пока только вводится нами в науку и здесь мы ставим целью систематически его обозначить и отличить от учения о ноосфере. К такому сопоставлению нас подводит логика развития неклассической науки XX века и начала нынешнего. В ядре различия ноосферных и ментосферных представлений находится проблема соотношения рационального и иррационального, причем не столько даже в познании и практике, сколько в глобальной истории: возникает вопрос о возможности управления историей со стороны человека и мы получаем несколько вариантов ответа на него, в зависимости от исходной точки зрения.

Чтобы разобраться с этим, нужно обратиться к истокам, благо они находятся не так далеко от нас и исторически, и топически.

Тематический контекст русского космизма

Для начала скажем о том, что в силу специфики самой этой темы мы неизбежно будем обращаться к максимально возможному планетарному масштабу, а потому – к русскому философскому космизму и В.И. Вернадскому как признанному отцу ноосферного учения.

По отношению к русскому космизму существуют попытки представить дело так, что это вовсе и не течение в философии и культуре. Например, М. Хабемайстер (Германия) утверждает, что якобы, русского космизма не существовало, поскольку не было живой традиции и преемственности идей. А ведь это говорит автор, который познакомил Запад с работами Н. Федорова. Такого же рода осторожные сомнения высказывают и некоторые наши авторы. Но

такой участи затирания и замалчивания не избежала в истории ни одна серьезная теория, особенно русская, когда ее интерпретировали на Западе – вспомним хотя бы участь таблицы Д.И. Менделеева.

Мы же, напротив, утверждаем, что русский космизм есть наиболее яркое проявление нового глобального менталитета человечества (формационный менталитет), начало которого приходится примерно на 1920 год. И, с другой стороны, в космизме реализуется парадоксальная суть русской культурной традиции XIX-XX веков, которая по основаниям общинно-средневеково-языческая, а по управленческой верхушке – западная, выросшая в ходе догоняющей модернизации Петра I, его предшественников и последователей. Своеобразное «прорастание» в западную научную традицию этого глубинного русского культурного основания и породило такие не совсем привычные для аналитического Запада образования, как целостность восприятия космоса на уровне мифа, организмичность и всеодушевленность и т.д. В западной науке такая ветка тоже намечалась и русские ученые золотого и серебряного веков учились, конечно же, у немцев. Между тем в итоге все это было выражено в русском космизме философским языком европейской культуры, но совершенно оригинальным образом. Поэтому можно смело сказать, что:

- а) русский космизм имеет корни во всей допетровской русской культуре, в ее глубинных архетипах;
- б) он наследует синтетические потенции всей еврокультуры;
- в) русский космизм отображает новейший общечеловеческий менталитет и фиксирует начало его последней во времени ментальной формации.

Третий момент, на котором нужно остановиться особо, это единовременность и ментальное *единство всех проявлений русского космизма*, среди которых философия и наука – только часть, может быть и не самая яркая. Будучи по образованию дизайнером, я специально изучал литературу и искусство 20-х годов XX века, причем, мне повезло и кое-что я изучал, беседуя с живыми авторами, по первоисточникам, а не по позднейшим причесанным пересказам и текстам.

Суммируя, могу сказать, что в философии, науке, искусстве и дизайне начала XX века присутствует весь набор признаков, свидетельствующих о начале предельно большого (формационного) ментального цикла человечества. Наиболее простые и очевидные признаки – проявления ментального хронотопа и степень интенсивности, энергетической избыточности их выражения в искусстве. Этот энергетический взрыв известен также как «взрыв пассионарности» в российском суперэтносе, что имеет один источник. Ниже мы будем говорить о науке, но наиболее явно эти признаки проявлены все-таки в искусстве. С него и начнем.

Ментальный взрыв глазами русского авангарда начала XX века

При исследовании менталитета мы в качестве его «экрана» используем искусство [3]. Перед русским искусством на грани веков стояла проблема выражения витавшего в воздухе новейшего менталитета человечества, это хорошо видно по работам, дневникам и переписке практических всех деятелей культуры того времени. И первое десятилетие после революции, вошедшее в историю как «эпоха расцвета русского авангарда», эту задачу выполнило. Аналогичные резонансные явления наблюдались и в еврокультуре, например в немецком БАУХАУЗе, в итальянском футуризме, во Франции и Голландии. Но то, что в Европе было художественной модой, в России стало предметом интенсивного синтеза, нашедшего выход далеко за пределы искусства.

Футуризм – от «футурум», будущее. Уже из этого ясно, что будущее было тем главным объектом, на которое направлялось творчество футуристов. Следует отметить, что *время* здесь вообще впервые стало объектом пристального внимания художников. Некоторые из них стали реальными пророками, способными это будущее предсказывать. «В терновом венце революции грядет шестнадцатый год» – это футурист В. Маяковский. Пророчествам В. Хлебникова, синтетического научно-художественного гения, сегодня посвящены специальные исследования. Причем, что очень важно, будущее в работах художников и писателей на переломе XIX-XX веков *очень отдаленное*, а пространство их работ – космическое. Невозможно здраво объяснить, почему в стиснутых войной и

голодом Петрограде и Москве художники рисовали парящие космические города будущего и межпланетные капсулы.

Любивший корни слов поэт Велимир Хлебников сконструировал новое слово для обозначения человека, живущего будущим, – «будетлянин». Первое десятилетие после 1920 года характеризуется преобладанием в общественном менталитете активного будущего. Расцветает фантастика, типа «Аэлиты» А. Толстого, будущее активно живет у В. Маяковского в виде «гостей из будущего» (фосфорическая женщина) и перемещения его героев в будущее («Клоп»), в его поэме пролетарии летят на самолетах не где-нибудь, а в открытом космосе. И даже в развлекательной советской фантастике 20-х годов бравые комсомольцы преследуют ставленников капитализма не иначе как на обратной стороне Луны.

Хлебников называл себя Председателем Земного Шара, а своего друга – художника Казимира Малевича – Председателем Пространства. Пространство в менталитете располагается в диапазоне от бесконечно большого до бесконечно малого. Здесь речь идет о космосе, и Малевич заявляет об этом прямо на своих картинах. В своих печатных трудах Малевич писал, что его художественные эксперименты с парящими фигурами высвобождают неизвестную ранее энергию космоса и что на такой энергии можно физически летать. Он чувствовал энергетическое поле будущего времени почти физически и осваивал его в том пространстве, в котором жил менталитет его эпохи – в предельно большом.

Огромное, космическое пространство присутствует тогда во всем искусстве, даже у художников традиционных: это отражено, например, и в сферической перспективе Петрова-Водкина, и в картинах традиционалистов – Кустодиева, Малявина, Юона, Рылова и т.д. Так что космизм происходящего виден повсеместно, но стилистически новое воплощение он получает именно в русском художественном авангарде. И у Хлебникова, и у большинства архитекторов и дизайнеров первой трети XX века этот космизм сквозит во всем – во ВХУТЕМАСе дипломники рисуют города будущего в космосе, в стратосфере, всепланетные монорельсы и т.д. Но это пока откровенно невозможные утопии, а далее эта тенденция перерастает в предельный гигантизм уже вполне реальных

проектов, например, в проекты Дворца Советов у нас и аналогичные гигантские проекты Дворцов Труда в Германии и т.д. Этот гигантизм очевиден и в США – эпоха строительства небоскребов была в самом разгаре и они стали такими же символами, как египетские пирамиды.

В авангарде обнаружилось, что невозможно иллюзорными средствами выразить бесконечность космического пространства. Примерами экспериментов здесь являются супрематизм К. Малевича и «проуны» (проекты утверждения нового) Эль Лисицкого, живопись, графика и дизайн А. Родченко, В. Степановой и Л. Поповой. Выражение бесконечно большого в формальных средствах всегда однотипно: только предельная простота, лаконичность и бедность геометризма позволяет выразить эти всеобщие смыслы, отсюда характерная «чертежность» стиля 20-х. Но еще в недрах доколумбовских, египетской, индийской и многих других ранних цивилизаций были найдены приемы изображения бесконечного и вселенского при помощи все тех же геометрически простых фигур и комбинаторных построений из круга, квадрата и равностороннего треугольника – отсюда стилистическое сходство ранних пирамид и храмов в любом конце планеты. Из этого же набора предельных знаков конструируется и весь синтаксис русского изобразительного авангарда первых десяти лет после революции. Но это – особый разговор, к этой теме мы подробно обращаемся в нашей последней монографии [3].

Итак, мы говорили о *мерности ментального хронотопа*: времени (будущее) и пространства (бесконечно большое) в искусстве первой трети XX века, которое эволюционирует параллельно с философским космизмом. Это – единый хронотопический индикатор, который может быть дополнен третьим, социологическим, индикатором. Огромное, и связанное с будущим, пространство в менталитете всегда отражает *диктат жестко организованного общества*, здесь преобладает свобода общества, игнорирующая интересы отдельной личности. Речь идет не только о приходе к власти политических лидеров с тенденциями «государственного подавления личной свободы», причем сразу во многих странах мира после 1931 года, хотя это тоже является проявлением исторической

циклической закономерности. Речь идет о появлении в этот момент истории первых институтов Человечества – Лиги Наций (регулирование проблем в пространстве Земли) и Лиги Времени. Именно этот период стал моментом рождения всех первых институтов, организаций и органов глобализации.

Чтобы рассмотреть этот индикатор материализовано, вернемся к искусству. Искусство допускает только само общество в качестве героя, и на первых порах это действительно – «герой-масса», как в фильме С. Эйзенштейна «Броненосец Потемкин» или в картинах Юона «Рождение новой планеты» и «Пролетарий» Кустодиева. Первоначальный этот «герой-масса» виден и в литературе («Железный поток» Серафимовича, «Конармия» Бабеля и т.д.), отсутствие индивидуализированных героев наблюдается в театральных постановках Мейерхольда, в феериях Маяковского и т.д. Переход от героя-массы к привычному супергерою-личности произошел позже, уже в 30-е годы, причем и у нас (папаницы, северные летчики, Чкалов, стахановцы и т.д.), и в Америке (Линдберг, образ супермена), и в Германии – вся мифология нацизма.

Итак, мироощущение первой трети XX столетия характеризуется огромным пространством, преобладанием в менталитете будущего времени и беспредельным диктатом общества над личностью, где от личности требуется полное самопожертвование. Перед нами начальный этап становления нового формационного общечеловеческого менталитета. Это легко подтвердить, если обратиться к началу предыдущих циклов формационного менталитета, где мы увидим таких же супергероев. Тогда обнаружится, что Геракл, христианский святой и коммунист советской закалки имеют гораздо больше общего, чем различного: идеи всемирны, на все времена, а их самопожертвование абсолютно и бескорыстно.

Таким образом, комплекс идей, выраженных за десятилетие после 1920 года в области литературы, искусства и дизайна содержит идеи глобальные, принципиальные, космического масштаба и ориентированные в очень отдаленное будущее человечества. Этот комплекс идей максимально энергетизирован, что порождает чувство «ослепительности», излучаемое этим искусством, и эта

мощная энергетика выражена предельно простыми формальными средствами, которые к тому же являются ментальными архетипами всего человечества. И вот что интересно, это искусство как никогда в истории человечества, подходит близко к науке. Оно не просто пророчествует, а вычисляет, как это делали, например, художники В. Хлебников и А. Родченко.

В философии и науке, напротив, весьма оживляется синтез с искусством. Прежде всего это утопии и антиутопии, иногда вполне литературные, как «Красная звезда» основателя тектологии А. Богданова (Малиновского), фантастические произведения К. Циолковского, стихи и живопись А. Чижевского и т.д. Различие между утопиями художественными и научными стирается: «Мы» Замятина в принципе не отличается от «Красной звезды» Богданова.

Завершим эту тему разграничением. Ментальный хронотоп един, а в искусстве, науке и философии изучение будущего времени и пространственный космизм сливаются только внутри русского космизма – и в этом феномен его целостности. А далее мы различаем собственно проблематику времени (циклизм, овладение временем у В.Н. Муравьева) и пространственный космизм, ведущий к нынешнему техническому и экологическому космизму.

Глобальное изменение менталитета

Мы попытались проиллюстрировать, что к моменту появления философии русского космизма в истории человечества наступал новый менталитет. Попробует определить, в чем его отличие от предыдущих фаз глобального менталитета. Три индикатора для этого мы уже ввели ранее, но здесь гораздо важнее отличить качественную специфику этапов развития глобального менталитета.

Ментальное время античности – круговое. Его сменяет линейное теологическое ментальное время средневековья, которое, в свою очередь, в Новом времени сменилось на естественное ментальное время природы [1]. По представлениям ученых Нового времени космос имеет в основе естественные равномерные циклы, откуда и произошел переход к равномерным цилиндрическим циклам, как основной модели развития в менталитете Нового времени. Отсюда и ментальная

уверенность в равномерности социального прогресса и его принципиальной бесконечности. Отсюда и преемственность геометрии Евклида у Декарта – прямоугольная основа устойчивой сетки пространства.

К концу XIX века обнаружилось, что исследуемые циклы в большинстве своем далеко не константны, и нужна новая модель для их объяснения. Так возникает релятивная картина мира, где работает закон неравномерности развития. Такую релятивную картину времени можно представить в моделях конических циклов и импульсов, причем не прямых по осям, а кривых (и потому близких к геометрии Лобачевского). Именно такой переход и произошел в менталитете на грани XX века, причем во всех ментальных проявлениях времени-пространства. Мы зафиксировали его в искусстве, но с начала XX века некий «взрыв идей», причиной которого является новый ментальный ключ, проявляется и в науке.

В целом эти пять ментальных формаций в истории – это фазы ее конической диаграммы:

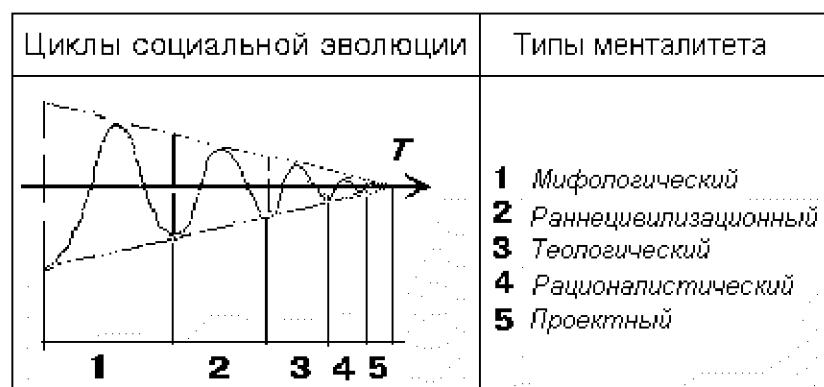

Рис. 1. Ментальные формации в истории.

Глобальность науки 20-х годов, ее макромасштаб, ее обращенность в общечеловеческое будущее можно назвать универсально-концептуальной. Важно отметить, что в русском варианте она приобрела характер общечеловеческий и кооперативный (коллективизм: Мы), а в западном – сохранила личностный и конкурентный (индивидуализм: Я).

В этот момент истории актуализируются предельно всеобщие представления о человечестве Н. Федорова, биосферные и затем ноосферные понятия у В. Вернадского, наблюдается «поток космических идей» у К.

Циолковского, А. Чижевского, Н. Бердяева, Н. Умова, Н. Холодного, П. Флоренского, Н. Кондратьева, П. Сорокина и других [8]. Весь «русский космизм» этого периода истории (как в науке, так и в искусстве) соизмеряется с масштабами всей эволюции, всей истории, всей планеты и даже космоса – предельными масштабами, доступными тогда человеческому воображению. Таким образом, происходящее в искусстве и в науке имеет единый ментальный ключ и его хорошо видно: он отражен в макромасштабности глобального ментального хронотопа.

Подобные макромасштабы в истории менталитета наблюдались только четыре раза: в древнейших космогонических мифах первобытно-общинного мира, на заре первых цивилизаций (например, в Египте, в Анатолии, в Индии, в Китае, у инков и майя), при рождении четырех религиозных конфессий в раннем средневековье, в начале Нового времени (Коперник, Декарт, Ньютона, Кеплер и т.д.). Это признак начала всякого нового ментального формационного цикла. Причем, в ходе истории наблюдается относительный рост макромасштаба, хотя сказать, что египетский или теологический космос меньше нашего определенно невозможно. Зато можно сказать, что эти моменты объединительные, судьбоносные для громадных масс людей – и в этом смысле ментальный масштаб растет. В XX веке он впервые начинает включать в себя все человечество, причем не только наличное, а вообще все и во все времена. Это можно выразить такой схемой:

Рис. 2. Эволюция ментального масштаба в истории человечества.

Если в чем и состояла роль русского космизма, а также если в чем он и был однородным, так это в выполнении актуальной исторической задачи: русский космизм как целое в философии, науке и искусстве осуществил необходимую для человечества глобальную рефлексию. И никто другой и ничто другое этого не проделали – у Запада такого течения в культуре нет.

Русский космизм как целое

Для начала скажем, что объединяет всех русских космистов. В их работах Человечество уже существует как единый новый организм, новое целое с новыми свойствами. А следует сказать, что всякий принципиально новый менталитет и должен выдвинуть свою моно-идею. Например, в Новом времени это единый Разум и монады Лейбница, в средневековье – единый Бог монотеизма, в античности – мир Идей, и Креатор в мифе. В ситуации нынешнего дробления всего и вся на части разговор о едином человечестве воспринимается большинством в штыки, но говорить об этом и изучать того же Вернадского в вузах заставляют две взаимосвязанные сферы – экономики и экология; здесь-то никуда не деться от наступающего планетарного единства. Надо сказать, что XX веке в западной науке неоднократно предпринимались попытки подменить это русское понимание западным: такова, например, направленность теории коммуникативной (открытой) рациональности. Но это не равноправный синтез всего, что есть в человечестве (как мыслил это Н.Я. Данилевский), а поглощение одним ментальным типом всего прочего ресурса – совсем другое будущее «единство человечества» размером с «золотой миллиард». Русские космисты, понимая, что невозможно остановить рост человечества, распахивают ему путь во Вселенную. Теоретики «золотого миллиарда» уходить с Земли явно не желают и потому готовы пустить под нож все лишние миллиарды людей.

Вторая черта единства всего русского космизма – организм человечества существует в максимальном хронотопическом масштабе – это все люди во всех трех модусах времени, и это – вся Земля как единое обитаемое целое и космос как новое пространство нашего обитания. Полный контекст русского космизма – человечество в пределах Вселенной. Масштаб этого контекста у каждого из космистов разный. У Федорова это вся Вселенная, Циолковского волнует скорее галактический масштаб, Чижевский в теории гелиотараксии удерживает масштаб Солнечной системы, а Вернадский – Земли, планеты. Кстати, научный путь Вернадского был обратным самому космизму, от более простой формы, от идеи биосфера он перешел к ноосфере. Таким образом, в русском космизме как

философско-научном течении есть альтитуда и мы наблюдаем не просто вложенность сфер от Вселенной до Земли, а внутреннюю эволюцию этой вложенности по авторам и по историческим срокам их появления, от большего – к меньшему. Вернадскому в этом ряду выпал масштаб Земли и в основном поэтому его воспринимают как автора предельного, но вполне реального – и сегодня, когда можно облететь Землю за считанные часы, в особенности. Масштаб Солнечной системы и выше – из разряда экзотики и фантастики 60-х, хотя технически и этот уровень понемногу осваивается. Но всему приходит свое время, а если говорить о переходе человечества в новое состояние, ценностью следует считать именно эту альтитуду вложенных миров, осмысленную русскими космистами по отношению к новому организму – человечеству.

Смена масштаба хронотопа у космистов приводит их к новому пониманию целого (Человечество как часть космического Разума), а отсюда, от целого, возникают новые цели бытия и новая космическая нравственность. Человечество становится подсистемой некой большей системы, не подчиниться законам которой оно не может. Человек теперь – не последняя ступень в эволюции Разума, что делает эволюцию открытой. Будущие этапы эволюции человечества, открытость его к эволюции – это новая перспектива за завершающейся сегодняшней «историей».

В прошлом, в истории культуры Циолковский видел предчувствие этого нового состояния, даже некие символы. В будущем есть новая нравственность: человек ответственен в своих действиях не только перед собой, но и перед будущим всех (всего космоса). Это сродни ответственности перед всевидящим Богом. Целью становится служение человечеству не только нынешнему, но и будущему. В основе всего этого лежит уверенность в нашем космическом предназначении. Федоров говорит об этом предельно масштабно: мы, носители Разума на Земле, призваны спасти Вселенную.

Третья черта единства русского космизма – это активный эволюционизм, базирующийся на рефлексии и проективности. Эволюция во Вселенной начинает самопроектироваться с момента возникновения разумного Человечества и его

активного вмешательства в ход эволюции. Активный эволюционизм, начиная с Н. Федорова, воссоединяет познание и проектирование, хотя выступает еще под прикрытием науки – Федоров ищет некие надчеловеческие, космические и общеисторические детерминанты. На самом деле, открыв надсистемную эволюционную нишу для человечества в космосе, он проектирует для него и возможные пути перехода в иное состояние.

Что касается рефлексии и проективности, то в отличие от русского космизма в западной науке это две разные линии. Научный эволюционизм XIX века дает картину «пассивной» эволюции, где эволюционирующий не может вмешиваться в сам «проект» эволюции. Отсюда научный детерминизм, главная роль законов, приспособление к ним, но отсюда же и уверенность в прогрессе на базе НТР. К началу XX века этот подход сменяется на новый. У А. Бергсона можно услышать внутренний вопль эволюционирующего живого мира, что и приведет к линии западного экзистенциализма. Это рефлексирующий, но все еще пассивно эволюционирующий мир, в котором у человека есть только выбор. Ничего о новом целом и о человечестве в этом атомарном мирке не говорится.

Проективность, активное освоение будущего, возможна в разных масштабах: у Н. Федорова это – все человечество в масштабе вселенной, в то время как в pragmatizme Д. Дьюи это «я» (или группа вплоть до государства или блока государств). Произвол «моих целей» порождают иллюзию личной свободы: как помыслим, так и будет. Это и порождает инструментальный рационализм, быстро становящийся «технологическим фашизмом» с начинкой из волонтеризма.

В противоположность волонтаристическому pragmatизму XX века, русские космисты от Н. Федорова до В. Вернадского ищут и находят новую группу незыблемых надсистемных детерминант – от биосферных и ноосферных до вселенских, и отсюда выстраивают систему новых целей и ценностей для единого человечества в его будущей истории.

Человек сейчас входит в общество в качестве подсистемы. Следующий этап – вхождение общества (земного человечества) в качестве подсистемы в

Солнечную систему. Об этом и писал К.Э. Циолковский, как и о следующих этапах – вхождении нас в новом качестве в Галактику и далее. Это прогноз восхождения по альтитуде вверх, при котором, вообще-то, меняется сама система. В этой картине мира человеческие амбиции уже на первом этапе резко меняются, единому человечеству противопоказан индивидуализм атомарного человека, но точно так же вреден и абсолютный альтруизм – крайность, лишающая человека его особого единичного статуса. Нужна середина, «особое» в тройке «общее, особенное и единичное».

Точка, известная как конец стихийной истории, осмыслялась в науке и раньше. Есть гомеостатическая идея о всесторонне развитом человеке, но она как бы только оптимизирует то, что есть в природе человека и в социуме. Можно говорить о ней как о самом желательном, в чем-то обязательном условии. Такое решение проблемы – социальное, это развитие всех возможностей сегодняшнего человека в самом благоприятном варианте, который способно предоставить ему общество. Но у нее есть и другой возможный исход. При переходе из царства необходимости в царство свободы, при выходе на новый уровень общности, нынешняя морфология человека может измениться и в нем откроются новые функции. Сегодня человек использует какие-то считанные проценты возможностей своего мозга. Для чего-то же мыносим в себе этот колоссальный эволюционный резерв? Об этом, в форме гипотезы о ряде последовательных преобразований человека в новых средах и в космосе, писали Н. Федоров и К. Циолковский. Но вот мы уже стоим рядом с этой уникальной точкой перехода и никаких попыток понять и отследить это не наблюдается. Колossalная инертность традиционного мировоззрения – вот что мешает всерьез воспринять идеи русского космизма.

* * *

Читая лекции по русскому космизму, я обнаружил, что в развитии всей русской философии есть жесткая логика, ведущая к этому итогу в виде русского космизма. Суть нового этапа на грани веков ясна – от поликультурного взгляда Н.Я. Данилевского (культура человечества как целое) и теософии Вл. Соловьева

(богочеловеческое творчество как общее) к активной эволюции у Федорова (к развернутым уровням общего), и далее – все конкретнее: особенное у Циолковского (моносубстанция Вселенной, монизм атомов, человечество как целое, космоэтика) и единичное, вполне конкретное у Чижевского (физические факторы истории, гелиотараксия) и Вернадского (геосфера, биосфера, перерастающая в ноосферу). Далее в этом ряду пойдут проективные шаги, технические системы, инженерия.

Эту тенденцию в культуре можно назвать исконно русской, поскольку в ней проявились устремления всечеловеческие, кооперативные, лишенные ориентации на сиюминутную пользу. С нашей точки зрения это невероятное «забегание вперед» во всем, в том числе в масштабе истории («мировая революция»), было обусловлено, как минимум, тройным циклическим резонансом – для России одновременно завершились тысячелетний, трехсотлетний и столетний социально-культурные циклы.

Таким образом, наряду с «западной», ориентированной на прагматизм и проективность, линией в развитии новейшего менталитета в культуре в тот же момент времени проявилась кооперативно-объединительная «русская» линия, выраженная в идеях космистов.

Если попытаться хотя бы гипотетически представить, что было бы в случае развития этой ветки советской науки, которая была удушена в 30-е, скажем, тектология, генетическая социально-экономическая теория Кондратьева, всеобщий проектivism, конструктивизм, жизнестроение – если бы все это полноценно реализовалось, то могло бы получиться бурно развивающееся общество с возрастающим потенциалом интеллекта. Отвлечемся от того, что это исторически невозможно, и тогда мы получим проект нашего с вами будущего. Таким образом, вполне возможно, что 20-30-е годы – это отложенная историческая альтернатива нашего будущего. Вот почему идеи «русского космизма», включая и идеи В.И. Вернадского, – это особая ядерная структура, содержащая базис для общечеловеческой культуры будущего. Но понять это следует уже сегодня, хотя бы потому, что к будущему нужно вовремя начинать готовиться.

Неклассическая наука и проективность XX века

Можно трактовать описываемый здесь ментальный переход и как следующую ступень в освоении форм материи – от доминанты естествознания (абио-био) в Новом времени к социодоминанте в XX веке (стадия познания с использованием в качестве главного объекта социума). В результате утверждается новая точка зрения на историю – как идеально детерминированную. А раз так, ею тут же, в первой трети XX века, пробуют управлять в глобальных масштабах. Вместе с тем это и переход от естественно-научной картины мира к проективной.

Применительно к науке можно констатировать, что исследования повсеместно разворачиваются в плане универсального осознания системности мира и закономерностей его генезиса, но с ориентацией на управляемость, а значит – на определенный прагматизм. Новый набор идей был осознан, например, в физике: в теории относительности Эйнштейна, идеях Минковского, Резерфорда, Бора, Планка и других известных физиков. Их никак нельзя назвать безобидными учеными чудаками: от их первых формул до первой атомной бомбы прошло всего тридцать лет. Но это только одна, самая нашумевшая часть прагматически-проектного культурного взрыва 20-х, охватившего все сферы. В качестве главного идеолога о нем во весь голос говорил Д. Дьюи, и не только говорил, но и действовал в диапазоне от личности до государства.

Возникла эта линия и у нас, где она имела всеобщий ракурс «управляемости». В этот момент времени появляется всеобщая организационная наука – «текнология» русского позитивиста А.А. Богданова [9]. В ней сохраняется универсальная всеобщность, вот почему взгляды Богданова в значительной мере определили весь комплекс последующих системных идей, а главное – их ориентацию. Это прежде всего принцип системности мира, содержавший ряд идей будущей кибернетики. Здесь Богданов также впервые выдвинул системную теорию кризисов (теорию системных кризисов) [4].

Ведущая идея Богданова – управляемость, и идея цели у Дьюи (цель как целое) – самые актуальные идеи начала XX века. Хайдеггер и экзистенциалисты по сути говорят о том же – наличие себя как цели. Сама эта идея повлечет за

собой целевую селекцию знания (НОТ, проектность, плановая экономика и т.д.) и не содержат никакой морали, кроме аморальности. С моралью Дьюи приходилось выкручиваться, а на государственном уровне во всех развитых странах повсеместно конструируется идеология, которая частично подменяет ранее бывшую мораль. Идеология – простейшая рационализация морали на уровне социума и его групп.

В науке на этом историческом отрезке можно было наблюдать возникновение целой совокупности новых общесистемных и генетически ориентированных теорий. Их взлет приходится на 20-30-е годы XX века, когда познаваемость и управляемость слились. Становление комплекса системных и системно-генетических идей в первой трети века шло как бы параллельными путями в естественном комплексе наук, а также в философских и гуманитарных науках. Но их единой основной была объективная и объектная ориентация. Образцом по-прежнему считается комплекс естественных наук, вот почему у А.Л. Чижевского причины исторической динамики ищутся в естественных детерминантах – гелиотараксии [12]. Аналогичными были установки и в других секторах гуманитарной сферы. Так, в нашей психологии, в 20-е годы XX века установка на объективность и управляемость была задана Л.С. Выготским, а комплекс четко выраженных системных идей был развит П.К. Анохиным в теории функциональных систем. Их идеи, по содержанию близкие к богдановским, задают системную основу психологии. И Богданов, и Выготский, и Анохин, и многие другие говорили прежде всего о достижении управляемости внутри социума и по отношению к человеку, и нет ничего удивительного, что этот набор идей вскоре был реализован в социальной практике государственного управления.

Рядом с учеными, например, в советской архитектуре, идеи управляемости развиваются в конструктивизме, рационализме и выросшей из них концепции «жизнестроения». «Тектология» Богданова и «жизнестроение» – это, в принципе, одно и то же, поскольку Богданов строит новую, управляемую ментальную конструкцию мира и делает это на метатеоретическом уровне, над науками. Он вычленяет некие предельные инварианты, такие же предельные, как

геометрические фигуры в супрематизме Малевича, парящие в абстрактном Космосе. Архитекторы-жизнестроители делают то же при помощи формы и среды и опираются при этом на «объективную» психологию.

* * *

Разведение науки и проектирования – это тот момент, который Вернадский осознавал. Вот почему он был и масштабным ученым, и организатором-управленцем в науке в масштабе страны.

Можно рассмотреть этот вопрос аксиологически. Предельными типами ценностей выступают Истина, Добро, Красота, Польза. Они образуют четверку, совпадающую по свойствам с множеством других инвариантных четверок (мы пишем об этом в книге «Числовые инварианты в менталитете»). Науку и общественный интеллект мы связываем прежде всего с Истиной, подчеркнем, с Истиной, а не только знанием. А прагматизм и проектирование – с Пользой. Это – различие длиннопериодного и короткопериодного. А к разряду среднепериодных образований, в которых и живет менталитет, мы относим калокагическое единство Добра и Красоты.

Наука в форме поиска истины присутствуют все, т.е. «Мы» в масштабе всего человечества. Проектирование имеет в виду субъект – я, или группу (вплоть до государства) и ее интересы. Отсюда и связь проектирования с прагматизмом. Соотношение прагматизма и проектирования очевидно: наука есть всеобщее знание, прагматика есть проект дела, т.е. технология, техника. Например, А.К. Гастев в книге «Как надо работать» дает только технологию. Получается, что и Гастев, и Дьюи только рационализируют vorhandенное, уже сложившееся в самой культуре для целей этого человека или этого сообщества.

Они сделали шаги к проектированию новых деятельности, даже новых сфер деятельности, предваряя более поздние приемы модернизма и постмодернизма: декомпозиция деятельности на блоки и новая целевая компоновка из этих блоков была ими осознана. А что возможно здесь дальше? Инструментальный рационализм при наличии глобальных целей, но без осознанных глобальных детерминант, превращается в машину все более интенсивного хищничества.

Антитезой ему являются только идеи русского космизма, внутри которого тоже есть свой проективизм (этот термин употребляет Н. Федоров).

Сферное учение Вернадского создано естественником, и хотя «сферных учений» в науке XIX-XX веков было предложено немало, убедительность его самых широких построений основана прежде всего на работе «Биосфера» [6]. Против такого достоверного обобщения возразить нечего, и кажется, до сих пор никто не посягнул на незыблемость биосферизма, в то время как теория Дарвина в этой же области знания непрерывно критикуется с момента публикации. Более того: Вернадскому приписывается ряд идей и терминов, которые он трактовал совершенно иначе, чем это сейчас принято, и среди них – ноосфера. В чем же феномен теории Вернадского? Прежде всего в том, что мы называем «ментальным резонансом» в культуре: 20-е годы XX века нуждались в глобальных обобщениях и Вернадский даже вошел в моду, выступая с лекциями в Париже. Говоря проще, он выразил в форме науки то, что было присуще этому ментальным ожиданиям времени.

* * *

Основная мысль, которая возникает при чтении русских космистов, – только достижение системной стадии под названием «единое человечество» создает возможность для интеграции его в более высокие уровни космоса. Первым из них является Солнечная система, затем Галактика, галактические объединения и Вселенная. Конечная известная нам стадия есть БОГ.

Сам этот переход качественно новый в истории и потому должен привести к появлению у человечества и у его атома – человека новых свойств и новых возможностей.

Ученые-циклисты начала XX века и его первой трети трактуют саму суть проблемы с позиций разума, рациональности. И никак иначе это быть не могло, если посмотреть на постановку этой проблемы циклически. Поясним.

Если человечество становится организмом, подобном Человеку, то у него возникает та же троичная конструкция: Дух (Логос) – Душа – Тело (Сома). Это

можно представить и как противоречие, образующее третье (Жизнь во времени), и как иерархию:

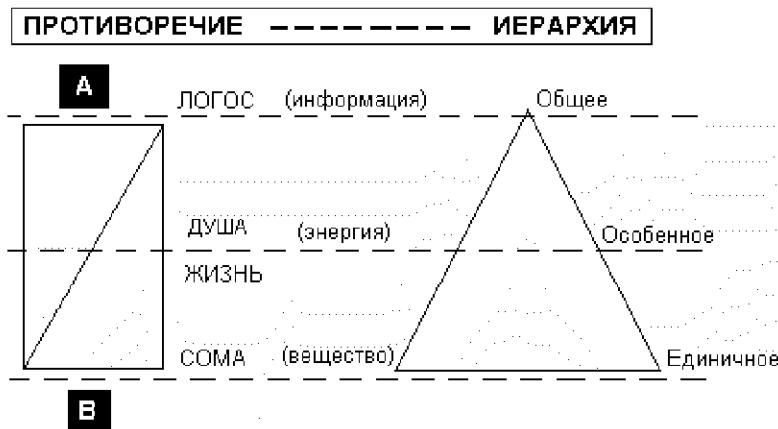

Рис. 3. Человек – противоречие во времени и трехуровневая конструкция.

Аналогии этому пониманию в теориях провести достаточно просто:

1. Дух человечества, его Логос = ноосфера, сфера разума (общественный интеллект).
3. Тело, Сома человечества состоит из двух материальных частей:
 - 3.1. Человечество как все люди жившие, живущие и будущие (по Н. Федорову).
 - 3.2. Технос, вторая природа, возможно – единая экономическая основа цивилизации (единая мировая экономика).

Остается вопрос – что в этом ряду есть Душа у человечества? Наш ответ состоит в том, что душа человечества есть его живущая во времени Ментосфера, о которой ниже. Некоторые составляющие этой универсальной сферы обозначались и ранее в понятиях «психосферы» Земли и т.п. Но системно, в контексте всех трех уровней человечества, об этой области впервые говорится в наших работах.

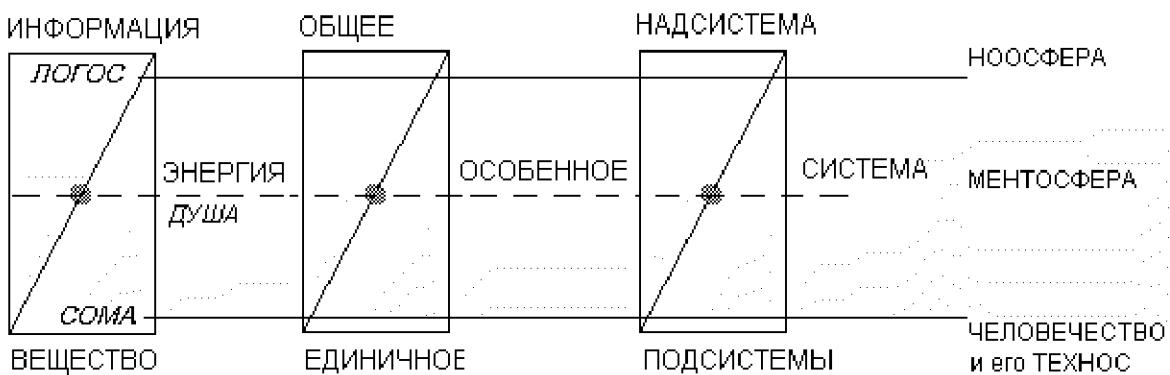

Рис. 4. Системный характер ментосферы.

Теперь ответ на вопрос – почему в начале XX века у космистов обсуждается по преимуществу только сфера разума (и ее решающая роль в социальном управлении). Ответ в следующей схеме:

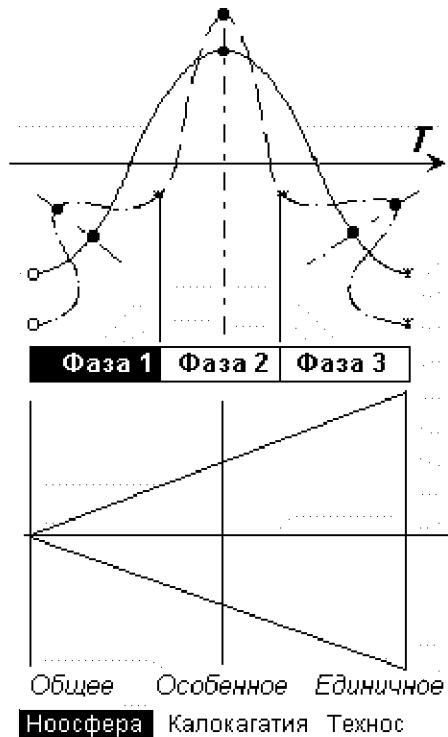

Рис. 5. Цикл XX века и специфика трех его подциклов.

Первый этап, как видно из схемы, связан с общим и через него – со всеобщим, кстати, выходящим в надсистему, за пределы системы. Отсюда и поклонение Разуму (Логосу) в человеке и вера в его космические силы. Проявление Разума в нас – проявления надсистемные, а вот к каким уровням космоса они принадлежат, это мы узнаем только после перехода через этот уровень интеграции. Разум всегда считался Божественным, и недаром.

* * *

Если посмотреть на этот ментальный век в целом, то в науке XX века речь идет о трех исторических циклах различающихся прежде всего степенью общности в постановке вопросов [14]. Движение идей идет от общего и интегрированного к частному и дифференциированному:

– в первой трети XX века (ментальный цикл 1920-1953) ставятся проблемы предельного философского уровня (Вернадский, Хайдеггер, Тейяр де Шарден и т.д.) [13], выдвигаются идеи глобальные (типа тектологии Богданова) или

обобщающие целую отрасль или сферу знания (Чижевский, Кондратьев, Сорокин, Вавилов, Анохин, Винер и т.д.) [10];

– во второй трети (цикл 1953-1986) происходит новое обращение к этим же первоосновам, но уже с функционалистической и другой, скорее целостной (рацио + иррацио), точки зрения, учитывающей и всеобщий, и локально-прикладной аспекты (культурогенез, техногенез и т.д.); здесь очень актуальна всякая коммуникация – А. Моль, Ю. Хабермас, А.А. Леонтьев и многие другие.

– в последней трети (цикл 1986-2019) с одной стороны, происходит определенное подведение итогов в области теоретического знания и осмысление сложных инвариантных составляющих этого знания. Но основной тенденцией становится локальность, мелкотемье, а не глобальная цельность – в науке побеждает прагматизм прикладников. Главное же состоит в том, что и обобщающие и прикладные работы не выходят за набор идей, выдвинутый в первой трети века.

В описанной исторической последовательности идеи В.И. Вернадского принадлежат как периоду взлета «русского космизма» первой трети века, где они были только обозначены, так и будущему, где их ждет развитие и реализация [7].

Отсюда вторая мысль, и она отнюдь не очевидна, и не содержится напрямую у космистов: переход невозможен и пока человечество не синтезируется ментально, т.е. пока его душа не станет единой. Проблема синтеза менталитета человечества уже сама по себе не стихийная, а выступает как проектная задача нынешнего этапа истории. Сейчас на Земле живут, как минимум, четыре типа менталитета: евроамериканский, анатолийско-исламский, китайский и индийский (индо-буддийский).

Единственный способ синтеза менталитета мы видим в выходе над всеми типами менталитета в область инвариантов. Какие они, можно обсуждать, но они есть, и это все, что здесь можно о них сказать.

Противоположностью выхода «над» типами является подмена или доминантное поглощение одного типа другим. В принципе, в мире уже есть

понимание того, что живут четыре разных ментальности. И уже были предприняты попытки поглощения всего ментального поля одним типом, причем, со всех четырех сторон (например, античных авторов первыми адаптировали арабы, а не христиане-католики).

Одна из последних научных попыток в этом ряду – теория Ю. Хабермаса. Вся эта «коммуниктивная и открытая» рациональность – не путь к синтезу, хотя бы потому, что это все равно рациональность. Он обращается к сфере коммуникативности, к калокагатии, с вершиной рациональности, т.е. к Добру и Красоте с позиций Истины + Пользы.

Да и «диалог культур», который еще недавно так любили преподносить нам как панацею, – из той же оперы. Он ставит задачей породить понимание чужого, но что последует дальше? Дальше pragmatика, которая у евроамериканского типа всегда одинакова: это практика поглощения чужого ресурса без попыток изменить свою суть.

Отсюда – будущая роль в истории человечества всего русского ядра: этноса, культуры, науки. Россия быстро освоила и даже способна была синтезировать западную науку, но сама эта наука, как и техника, по сути своей остается западной. Здесь у нас есть высочайшие достижения, но не в этом ценность живого русского ядра в человечестве. Россия призвана синтезировать единый менталитет человечества. Можно сказать точно, что никакая другая культура или этнос на эту роль в истории просто не претендуют, нигде нет ни такой цели, ни такой ценности. И наоборот, наша культура XIX-XX веков именно этим синтезом во многом и занималась, вот почему «нам внятно все – и острый галльский смысл, и сумрачный германский гений». О чем именно идет речь, можно понять, если раскрыть состав ментосферы.

А пока, для полноты, закончим разговор о соматической части конструкции Дух – Душа – Сома.

Человечество как все люди жившие, живущие и будущие (по Н. Федорову) иногда трактуют вульгарно. Теорию Н. Федорова о воскрешении всех живших можно ведь понимать и как восстановление единого Генома Человечества. Такой

Геном есть у Биосфера, мы можем найти его и у Человечества. Зная его, нет необходимости реально воскрешать всех, поскольку в любой момент можно «воскресить», репродуцировать любого человека из Человечества, жившего, живущего и будущего. Важнее всего это целое, которое и таит в себе загадку нового, космического уровня существования человечества, и содержит возможность фактического бессмертия личности. Недаром Циолковский призывал искать в прошлой культуре человечества нечто, что принадлежит всему человечеству – знаки того, что человечество есть частичность в иерархии космоса. Уровнем выше у разумного космоса должен быть свой Геном, куда в качестве единицы, части, входит наш Геном Человечества и т.д. Если верен закон «онтогенез в филогенезе», раскрытие этой тайны – пропуск не в пустой физический космос, куда мы уже слетали, а в населенный космос, частью которого мы потенциально являемся, но пока еще не стали.

Вторая вещественность Человечества – технико-экономическая. Здесь есть два варианта: техническое освоение вещественности вне себя или освоение себя как гибкой и сменяемой Сомы. О последнем говорили и Федоров, и Циолковский – самопостроение и самовосстановление организма, принятие любых необходимых телесных оболочек в других средах, конечное превращение разумного существа в поток лучистой энергии. Пока это воспринимается как экзотическая фантастика, но работать над эти несомненно нужно: это важнейший вариант связи Логоса и Сомы подразумевает не только сохранение Души, но и ее бессмертие. Нынешняя техника, построенная в основном на абиотической основе, никуда в этом смысле не прогрессирует – она в принципе не может вывести нас далеко от Земли, поскольку набор ее вещественности ограничен, а сам человек телесно приспособлен к Земле, ее параметрам. Выход за пределы Земли, как правильно предполагает Циолковский, требует смены Сомы, в которой, конечно, будут свои ограничения, связанные с Солнечной системой.

Что касается идущего сейчас «научно-технического прогресса» и его последствий, то он позволяет говорить только о реализации предупреждения Н. Федорова о тупике утилитаризма, который все у планеты берет и ничего не

восстанавливает. Сама идея «единой мировой экономики» реализуется пока только с позиций технотронного фашизма. Она продуцирует на планете новый тип рабовладения, где обладающие современной техникой превращаются в обычных рабовладельцев, насаждающих свои интересы огнем и мечем. В экономическое рабство к ним попадают огромные регионы и даже континенты, развивать которые никто не собирается, их собираются только нещадно эксплуатировать – отбирать ресурсы и сваливать отходы. Но все это уже было в истории, хотя и не на такой глобальной основе. Здесь на пути, якобы, стоит экологический императив, совершенно ни на кого из политиков не действующий, поскольку политика построена на короткопериодной ответственности. С позиций рациональности все прекрасно знают, что идут в пропасть, но движут ими стимулы совсем иного рода – лишь бы шла прибыль. А рационализированные идеология, мораль и искусство держат этот мир на коротком поводке. Что касается идеи информационного общества, которая исходит из этого же технического слоя, то информационная паутина только еще прочнее опутывает жертвы экономико-идеологической эксплуатации. Это вопрос техники, а в технике переход к этому типу экономики не имеет альтернативы, это та же циклическая закономерность. Но сводить все будущее к развитию экономики или техники, это все равно, что сводить полноценное развитие человека к рафинированному культуризму типа «боди билдинг».

Кстати, ноосферизм сегодня нередко пытаются свести к экологии и приплуссовывают сюда биосферную этику Швейцера в ядре которой – благоговение перед жизнью. Но ноосферное представление у Вернадского содержит отнюдь не только экологическое, и вовсе не только земное измерение ноосфера. В нем есть и надсистемное, космическое измерение, идущее как раз от вписанности теории Вернадского в русский космизм. Навести порядок на Земле, закрыв ее если не железным, так золотым занавесом можно только для «золотого миллиарда». Русским в нем места не предусмотрено.

Таким образом, будущее Человечества не только в рациональном разуме, и отнюдь не в информационном обществе и единой мировой экономике. Ядро

будущего сейчас зависит от целей и ценностей – Души Человечества, т.е. содержится в его эволюционирующей Ментосфере. Другого спасения от «тутика утилитаризма» и способа перехода в космос уровнем выше пока не видно. Поставьте себя на место уже развитой коллегиальности разумной Солнечной системы: вы стали бы принимать в свою семью очень рациональную, технически накачанную, но бездушную и безнравственную цивилизацию, не способную управлять собственной Сомой? Ведь первое требование к ней будет состоять в принятии Нравственного Кодекса Солнечной системы – не навреди. Цивилизации с паразитическими утилитарными устремлениями, а пока земная цивилизация именно такая, скорее всего считаются неудачами эволюции и уничтожаются. Причем, скорее всего уничтожит нас коллегиальный разум Солнечной системы, несущий ответственность за эксперимент под названием «Человечество». И вполне возможно, что это не первый эксперимент на Земле такого рода.

И тогда совсем в ином ключе читается В.И. Вернадский: эта тоненькая пленочка биосферы, эти хлипкие вкрапления ноосферы в ней – выращивать ее эволюции было так трудно, уничтожить так легко. Достаточно перекрыть пару «кранов», пока люди сам не уничтожил всю Землю и не сделали ее непригодной для следующего эксперимента, который, быть может, будет более удачным.

Если обобщить сказанное и не сказанное здесь, то разговор можно свести к таким темам:

1. Учение о ноосфере и его место в веере учений 20-х годов, в частности – космизма.
2. Вписанность ноосферы в космическую альтитуду Разума.
3. Статика. Состав и устройство (структура) ноосферы.
4. Динамика. Динамика ноосферы и связанность динамики ноосферы с динамикой менталитета и соматики Земли.
5. Дух – Душа – Тело живой Земли. Ноосфера – менталитет – соматика. Проблема их гармонизации в целостность.

Литература:

1. Александров Н.Н. Эволюция ментального хронотопа. – Кострома: Изд-во КГУ им. Некрасова, 2000. – 434 с.
2. Александров Н.Н. Формула истории. – Кострома: Изд-во КГУ, 2000. – 516 с.
3. Александров Н.Н. Экзистенциальная системогенетика. – Кострома: Изд-во КГУ, 2000. – 750 с.
4. Богданов А.А. Тектология. Всеобщая организационная наука. – В 2 кн. – М.: Экономика, 1989. – (Кн. 1. – 304 с. Кн. 2 – 304 с.).
5. Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. – М.: Наука, 1988. – 520 с.
6. Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. – М.: Рольф, 2002. – 576 с.
7. Моисеев Н.Н. Человек и ноосфера. – М.: Молодая гвардия, 1990. – 351 с.
8. Русский космизм: Антология философской мысли / Сост. С.Г. Семеновой, А.Г. Гачевой; Вст. ст. С.Г. Семеновой; предисл. к текстам С.Г. Семеновой, А.Г. Гачевой; Прим. А.Г. Гачевой. – М.: Педагогика-Пресс, 1993. – 368 с. ил.
9. Русский позитивизм. Лесевич. Юшкевич. Богданов. Составитель, автор предисловия, обзорной статьи и указателя С.С. Гусев. Отв. ред.: А.Ф. Замалеев, А.И. Новиков. – СПб.: «Наука». 1995. – 363 с. – (Истоки отечественной мысли).
10. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. Исследования изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. / Пер. с англ. В.В. Сапова. – С-Пб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного Института, 2000. – 1054 с.
11. Субетто А.И. Ноосферизм. Том первый. Введение в ноосферизм. – С-Пб: КГУ им. Н.А. Некрасова, КГУ им. Кирилла и Мефодия, 2001. – 591 с.
12. Чижевский А.Л. Космический пульс жизни. Земля в объятиях Солнца. Гелиотараксия. – М.: Мысль, 1995. – 768 с.
13. Тейяр де Шарден. Феномен человека. – М.: Наука, 1987. – 240 с.
14. Юдин Э.Г. Методология науки. Системность. Деятельность. – М.: Эдиториал УРСС, 1997. – 445 с. (Философы России XX века).

15. Философия русского космизма. Сборник научных статей / Ред. Пирожкова Л.Ф. – М.: Фонд «Новое тысячелетие», 1996. – 376 с.
16. Вернадскианская революция в системе научного мировоззрения – поиск ноосферной модели будущего человечества в XXI веке (коллективная монография). Под научн. ред. А.И. Субетто.- СПб: Астерион, 2003. – 592 с.

1.2. МЕНТОСФЕРА И НООСФЕРА

Ментосфера

Наш главный ракурс – ментальный, и менталитет выступает той призмой, через которую можно «вывернуть» тему ноосферизма. Однако здесь нужны некоторые пояснения и уточнения, поскольку единой теории менталитета пока нет, а есть отличающиеся подходы к ней.

С нашей точки зрения, при разговоре о менталитете основным контекстом выступает тройка взаимосвязанных форм: общественный интеллект, менталитет и общественное сознание. Они различаются прежде всего масштабом, рабочими диапазонами.

Общественный интеллект оперирует знанием, он накапливает знание для управления будущим – вот почему он «настроен» на длиннопериодные волны и надсистемный масштаб. Знание древних греков для нас не устарело, и теорема Пифагора все еще преподается в наших школах. Такова специфика знания: оно входит в копилку человечества надолго, а то и навсегда. Знание тоже развивается, но в идеале знание есть то, что пригодно всегда и наполняет особую «долговременную память» человечества.

Это очень важно понять, применительно к трактовке ноосферы у В.И. Вернадского. Дело в том, что Вернадский несколько раз уточняет, что он связывает понятие ноосферы с наукой, и только с наукой. Научная мысль в его трактовке есть часть структуры биосферы, очень близкая по функции к современному понятию *«общественный интеллект»*. И тем не менее это разные понятия, что обусловлено самим местом их в истории, в ментальном цикле XX века: «ноосфера» – продолжение и развитие на новой ступени естественно-научного понятия «биосфера», а «общественный интеллект» – абстракция лежащая уже за пределами философских вершин естествознания, в пространстве синтеза всех наук, но ближе всего она все же к социальной философии как части философии в целом.

Противоположностью *общественному интеллекту* выступает «*общественное сознание*». В нашей трактовке это инструмент непосредственного погружения в настоящее и реакции на происходящее, а в отражающем смысле – это экран *текущего времени*, через который общество ведет мониторинг, «бодрствует», по О. Шпенглеру. Здесь – предельно короткопериодные волны и мизерный масштаб. Сознание поставляет материал для пополнения знания, но оно не содержит «знаний» в обычном понимании. Можно воспринимать реальность и активно реагировать на нее, но при этом не иметь «знаний» – так живут простейшие организмы.

Если рассмотреть вопрос аксиологически, общественный интеллект мы связываем прежде всего с Истиной, подчеркнем, с Истиной, а не только знанием, а общественное сознание – с Пользой.

Отсюда определяется место менталитета. Он удерживает целое, почему и мы говорим о нем как об особом единстве на пересечении долговременных и краткосрочных образований общественной «психики». Знания, управляющие будущим, нужны нам лишь изредка, когда мы принимаем решения на определенный период и тем самым проектируем будущее. Знания – материал проектный, все остальное время эти знания лежат как бы на складе культуры. Сообщения о происходящем из сознания подтверждают или опровергают действенность принятого проекта. Но такая аналогия хороша для роботов, поскольку показывает, как работает связка Истины с Пользой.

Как только возникает управление на основе накопленного знания, на основе познанного, идет селекция знания для принятия решений. При этом не обязательно иррациональное в знании отметается: Гитлер достаточно долго и успешно руководил Германией и побеждал в войнах, хотя в основе его идеологии лежал эзотеризм, теософия, астрология и т.д. И у него, и у Сталина машина управления обществом была по основе идеологической, а отнюдь не знаниевой.

На грани между Истиной и Пользой существует совершенно иной механизм управления. Общество управляется не только при помощи знания, какой бы природы оно ни было. По исламским террористам видно, что ими управляют

отнюдь не знания, а иррациональные убеждения и прагматизм. Назвать их поведение иррациональным тоже трудно – это поведение спланированное и осмысленное. Значит есть и нечто третье, что участвует в управлении обществом, группами и отдельными людьми. И это третье порождают *калокагатические регуляторы общественного поведения*.

Парадоксальность менталитета состоит в том, что он работает во времени, во многих иерархических диапазонах сразу. Кроме того, в менталитете используются некие целостные образы, архетипы, устойчивые групповые представления и т.д. Менталитет имеет калокагатическую окрашенность, т.е. в его основе лежит связанность Этического и Эстетического. Мы доказываем, что они особо не привязаны ни к каким формам знания, а вполне самостоятельны. Они задают целостные образы мира и установки к действию. Эти установки имеют как долговременный, так и кратковременный характер. И единственное, что реально отображает состояние этой сверхсложной ментальной сферы, – это искусство. Посредством изучения искусства удалось увидеть, что сама эта сфера строго упорядочена и имеет свою уровневость и циклику.

Не нужно пытаться возложить на знание то, что знанию не принадлежит. Мы имеем здесь дело с *аксиологией*, а не с гносеологией, с процессами воспитания, а не с образованием и обучением. И конфликт между мифом и рациональным знанием, о чем говорил не только Налимов, – это конфликт двух линий в истории. Функция мифа вовсе не в том, чтобы дать знание, но в том, чтобы дать целостную образную опору и задать мотивацию.

Не редуцировали ли мы тем самым категорию общественного интеллекта до ее рациональной составляющей? Да нет же – и в самом общественном интеллекте полным-полно всего иррационального, и обществом можно управлять на основе одного лишь иррационального знания. Но все равно это будет особый, *знаниевый, тип управления будущим*. Поведением общества *реально* управляет не только знание, и чем глубже в историю, тем меньше эта функция принадлежала знанию. Не только наша политика, но и власть все время оглядывается не на знание, а на установки, нравственные нормы, весьма неясные приоритеты своего «электората».

Знает ли человечество, что успешно идет к экологической катастрофе? Знает. И что, оно управляет своим будущим на основе этого очевидного знания? Нет. Здесь и лежит разрыв между должным и сущим, хотя речь идет о самом важном – о выживании. И поэтому мы говорим: до тех пор, пока мы не научимся ментальному управлению, проектированию менталитета, никакие знания современное общество не спасут. Теория ноосферы, как и теория общественного интеллекта была бы изумительно хороша для социализма, если бы он однажды приобрел планетарный масштаб. Таким образом, это проявления связанные, о чем с несомненной фундаментальностью говорит А.И. Субетто в первом томе «Ноосферизма» [11].

В менталитете есть не только *отражение* социального бессознательного. Менталитет не столько отражает, сколько реально *управляет* поведением обществ, групп и отдельных людей. Пока это происходит за счет глобальной ментальной программы, колossalной инертной силы менталитета, можно сказать, почти безо всякого участия людей. Что проку воевать с конкретными чеченцами или талибами, если их ментальность самовоспроизводится на новых поколениях, как Гидра? Никто не отрицает, что системы воспроизведения проектируют и снабжают конкретные люди, но что движет ими?

Ни малейшего сходства нет между знаниевым и ментальным управлением, и нельзя их сводить к чему-то одному – это не только разные способы управления обществом, у них еще и механизмы разные.

Приписать менталитету одну только культурно-этническую основу и тем самым подвести его под общественный интеллект как одну из «устойчивых» составляющих – значит сузить проблему до этно-культурно-топической типологии менталитета, близкой к теориям Мечникова и Гумилева. Но это далеко не все, что содержится в менталитете, и такое мнение противоречит ряду наших основных утверждений:

- о существовании единого менталитета человечества, а он есть;
- о существовании единого формационного менталитета, а его наличие очевидно;

– об особой ментальности цивилизаций (культур), который описывают Данилевский, Шпенглер, Тайнби, Сорокин.

С позиции управления будущим, злой разум обречен на исчезновение с лица Земли. Прямо на наших глазах совершается экспансия научно-технического разума, замешанного на власти денег, Пользы, и это он гонит планету в пропасть. Это не злой разум, но это – *полезный* разум. Можно заранее сказать, что он уничтожит если не Землю, то человечество. Если что-то ему и противостоит, так это – ментальные механизмы, обладающие колоссальной исторической инертностью.

Образование, основной механизм воспроизведения современного общества, обеспечивается знанием. И мы имеем сегодня в результате знаниеное общество, не намного отличающееся от общества информационного. В педагогическом смысле менталитет обеспечивает не образование, а *воспитание*. Добрый человека можно *воспитать*, но этого качества никогда не добиться за счет самого правильного образования. Никаким образованием не создашь художника, ибо актуальное восприятие красоты лучше всего воспитывается в мастерской признанного мастера. Зато знанием художника можно изуродовать, и тому была масса примеров в советское время. Но не получилось сделать из писателей инженеров человеческих душ! Вот почему образовательное общество в его чисто знаниеевом виде не решает проблемы будущего.

Будущее всегда рождается при посредстве утопий. Ментальное управление обществом тоже утопия, но утопия, в чем-то конкурирующая с информационным и образовательным обществом. Конкурирует она там, где концепция образовательного общества не имеет реальной основы. Запад, упрощенно говоря, уже запустил основные механизмы образовательного общества. А вот исламские и некоторые другие страны упорно придерживаются традиции «воспитательного общества». Эта, вторая, модель консервирует общество, но зато придает ему невиданную устойчивость во времени. Спрашивается, а так ли нам нужно все быстрее и быстрее покорять природу и конкурировать с соседом? Не лучше ли искать гармонию и просто по-доброму жить в этом прекрасном мире?

И последнее: следует точно отличать теологическое ментальное доминирование средневековья и доминирование ментальной составляющей в нынешнюю эпоху *идеальной детерминации истории*. Возврата к ранее существовавшему типу целостного ментального доминирования уже не будет, но будет новый синтез, в котором менталитет будет искусственно конструироваться и проектироваться. Пока это возможно лишь рационально (других способов проектирования мы не знаем), но не исключены и все иные варианты.

Все сказанное позволяет нам дополнить идею ноосфера как сферы разума идеей существования ментосферы – единого общечеловеческого менталитета. Мы достаточно обозначили здесь их различие, а более детально это сделано в ряде наших монографий [1-3]. О некоторых аспектах этого явления следует поговорить подробнее.

О менталитете человечества

Менталитет обычно понимается как некая бессубъектная структура, суть которой мы раскрыли в наших работах. С нашей точки зрения, существуют различные *уровни менталитета*, и у каждого уровня можно выделять свой *субъект*, выступающий носителем данной ментальности. По Г. Спенсеру, это особый субъект: он рассредоточен во времени и пространстве. Уровневый подход такого рода позволяет нам сразу обозначить: поскольку есть человечество как целое, постольку есть и менталитет, присущий всему человечеству.

Менталитет человечества мы различаем по отношению к двум гипотетическим субъектам, носителям иного менталитета. Во-первых, это – менталитет внеземных цивилизаций, гипотетически существующих. Во-вторых, менталитет нашего человечества может отличить от других, опять же пока гипотетических, предшественников человечества на планете Земля. И то, и другое – «виртуальные» глобальные менталитеты, но выстраивать такие типологии, помещая в них менталитет нашего человечества как особый тип, допустимо и даже необходимо. Может иметь место и некий третий вариант, о котором мы пока не подозреваем.

Таким образом, менталитет человечества можно отличать от менталитета тех цивилизаций, с которыми человечеству предстоит столкнуться в будущем, либо от менталитета тех цивилизаций, которые когда-то были на Земле в прошлом, либо, если говорить о синхронности, от так называемых «параллельных» с нами во времени, но неизвестных нам цивилизаций или иных аналогичных организованностей высокого уровня.

Поскольку существует единый менталитет человечества, его необходимо осмыслять и изучать: *из чего он состоит, и как он функционирует*. Ключевой вопрос: что объединяет в единство менталитет человечества. В менталитете человечества заложена единая структура, которая удерживает его как целое. Объединительным началом выступает некий набор ментальных инвариантов – он есть во всех типах менталитета, во всех культурах, у всех цивилизаций на Земле. К. Юнг, В. Выготский, «школа Анналов» только начали изучение этого направления. Кроме ментальных инвариантов, можно изучать некие логики и герменевтические приёмы, которые постоянно используются на протяжении всей истории человечества. Если бы их не существовало, мы вообще не смогли бы понимать друг друга, коммуницировать с другими по менталитету народами, а мы это делаем постоянно.

Типы единого менталитета человечества

Единый менталитет человечества складывается *из четырех составляющих его типов*. Мы их можем группировать попарно, например Запад и Восток, и попарно внутри – как различающиеся ментально (как на основании топики, так и на других основаниях).

В конце XIX века И. Мечников задал типологию на базе топоса, создав теорию четырех великих исторических рек, на берегах которых возникли первые цивилизации. Но дело не только в геоклиматической детерминантне, породившей эти различия. В каждом из культурных регионов есть свои *ментальные ключи*. Менталитет человечества как целого матрицируется в типы. и пока не очень понятно, что именно определяет привязку ментального типа к той

или иной культуре, мы принимаем это как сложившуюся данность: существует четверка типов менталитета, и носители этих типов (ментально различные культурные ядра), расположенные в разных регионах Земли, параллельно проживают разные истории.

Уровни менталитета по отношению к историческим циклам

Разновидности проявления менталитета во времени также иерархические, но эта хроно-иерархия иная, чем топо-иерархия: она – нечетная.

Первый уровень менталитета – единый менталитет человечества. На этом верхнем уровне нами исследован цикл генезиса человечества (история общества) в контексте становления форм движения материи. Этим определяется специфика генезиса общества по отношению к другим известным видам генезиса, что, в свою очередь, позволяет установить новые способы прогнозирования будущего развития за счет обращения к более ранним этапам генезиса материи как к структурным инвариантам.

Но существуют и другие уровни, о которых мы говорим в нашей работе. В этом ракурсе обнаруживаются свои разновидности и носители. Есть формационный менталитет, культурно-цивилизационный и цивилизационный. И у каждого такого подразделения есть свои носители, свои субъекты, живущие во времени (где и заданы их границы). Например, это – цивилизации, группы цивилизаций одной культуры и т.д. На одном и том же топосе во времени могут существовать разные цивилизации (например, византийская – арабская).

Ментальные формации

Второй уровень менталитета – уровень ментальных формаций.

Ментальные формации – это большие отрезки истории социума, которые имеют единый признак: на протяжении одной ментальной формации менталитет человечества качественно не меняется. Определим качественную устойчивость как «ментальный ключ», или «ментальную платформу». Сказанное относится ко всем четырем типам внутри единого менталитета человечества. Можно более-

менее достоверно утверждать это и по отношению к древнему миру и его этапам, и к средневековью, а вот в Новом времени глобальная смена менталитета произошла не везде, и на то есть причины. Главная причина – закон неравномерности исторического развития, применимый и к менталитету. Здесь необходимо понять сложные взаимоотношения топического и хронического доминирования: они, несомненно, взаимосвязаны и подчинены ряду законов (постепенное перемещение цивилизации с юга на север, рационализация Запада по отношению к Востоку и т.д.).

Если есть цикл, то при исследовании цикла могут быть выделены определённые устойчивые фазы этого цикла. Сейчас в глобальном общеисторическом масштабе таких *ментальных ключей* выделено пять, поэтому мы говорим о существовании в истории пяти ментальных формаций.

В первобытном обществе существовала своя ментальная основа, мифологическая по своему ядру и звериная по окраске. В античности мифология стала антропоморфной и политеистической. В средневековье ментальная платформа приобрела черты интеграционные – и возник монотеизм. В Новом времени европейский человек отрекся от Бога и стал опираться только на свой разум, что породило не столько капитализм, сколько особый менталитет научно-технической цивилизации. К этому типу цивилизации мы относим и исторический социалистический эксперимент, он по идеологии – просвещенческий. Его искусственно свернули у нас с ликвидацией СССР, но он продолжается и в Китае, и в ряде других стран.

Ментальный глобальный конфликт, с которым мы имеем дело на сегодняшний день, состоит прежде всего в том, что одновременно сосуществуют не только топо-типологически разные, но и хроно-исторически разные ментальности: люди на Земле живут сегодня в разных ментальных формациях, по сути, в разных исторических временах и пространствах. Ментальность того же ислама, если ее оценивать формационно, средневековая, она может как угодно модернизироваться (как правило, в светских ее проявлениях и институтах власти), но внутри нее воспроизводятся прежде всего средневековые ценности и

представления о мире и человеке, социальные структуры и т.д. Попытки возврата к «золотому веку», истокам и т.п. обрачиваются всегда одинаково – появляется фундаментализм и какие-нибудь очередные талибы. И здесь для нужд глобальной политической практики нужна такая наука, как «ментальная конфликтология», а ведь вопрос о ней пока даже не поставлен.

* * *

Мы постоянно говорим о наступающей эпохе ментального проектирования как о необходимости. Здесь первым будет тот, кто глубже проникнет в структуру менталитета и сумеет выработать соответствующие инструменты и механизмы. И в этом ракурсе – и идеологически, и методологически, для нас наибольший интерес представляют глобальные научные идеи В.И. Вернадского и всех русских космистов начала XX века. Они говорят нам о способе – как человечеству стать на необходимый уровень нового организма под названием «человечество».

Но, поскольку этот ментальный цикл последний в истории, продолжения можно ждать не на путях перехода пассионарности к новой стране, а на путях интеграции многих стран, их блоков и объединений в новой общечеловеческой ментальности. Она заложена равным образом в идеях русских и зарубежных космистов и философов, творивших на грани веков, в момент великого ментального перелома.

Все сказанное выше послужило историческим контекстом для формирования учения В.И. Вернадского. Мы постарались показать, насколько его учение в целом соответствовало сути глобального менталитета человечества в XX веке. Идеи Вернадского были сформированы на начальном этапе становления нового формационного менталитета, который иногда называют неклассическим. Эти идеи активно изучаются, но нам хотелось бы внести в этот процесс дополнения – изучается не все и не полностью.

1.3. КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Ментосфера и проблема масштаба исторических циклов

Менталитет выступает той призмой, через которую мы рассматриваем историю человечества. Однако здесь нужны пояснения и уточнения, поскольку единства в понимании термина «менталитет» в литературе пока не наблюдается.

С нашей точки зрения, при определении специфики менталитета основным содержательным контекстом выступает тройка взаимосвязанных форм: *общественный интеллект, менталитет и общественное сознание*. Они различаются прежде всего уровневыми характеристиками и циклическими масштабами.

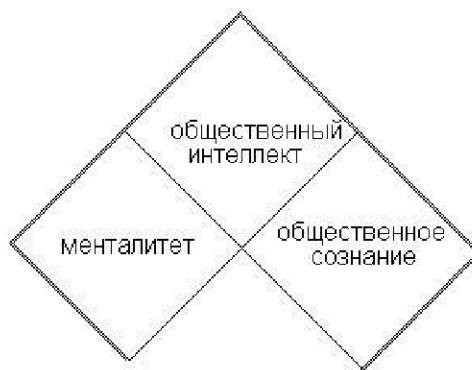

Рис. 1. Три основных понятия в рамках темы.

«**Общественный интеллект**» – это абстракция социальной философии как части философии в целом. *Общественный интеллект* оперирует знанием, он накапливает знание для управления будущим – вот почему он «настроен» на длиннопериодные волны и держит надсистемный масштаб истории. В обществе это уровень, присущий институту науки, а наука вне людей и всех любых групп, она принадлежит всему Человечеству.

Если рассмотреть вопрос аксиологически, с позиций четырех ключевых типов ценности (Истина, Добро, Красота, Польза) *общественный интеллект* мы связываем прежде всего с Истиной, подчеркнем, с Истиной, а не только знанием.

Но тут следует задать странный вопрос: а живет ли интеллект? Поскольку он представлен во времени только посредством нас. И ответ будет – скорее нет.

«Общественное сознание» в нашей трактовке – это инструмент непосредственного погружения в настоящее. Это экран *текущего времени*, через который общество ведет мониторинг, «бодрствует», по О. Шпенглеру. Но сам по себе этот общественный механизм «бодрствования» загадочен. Как загадочно само «существование» и Душа.

Чтобы говорить об этом, нужно установить взаимоотношения между сознанием человека и сознанием групп (общественным сознанием). Субстанциально это проблематика Человека и Эгрегора. Но мы ее тут касаться не будем.

Остается еще одно понятие, и его специфику лучше всего определить аксиологически и функционально. Тем самым определяется *срединное место менталитета* – он связан с Добром и Красотой, ценностями и образами.

«Менталитет», как минимум, удерживает в обществе «картину мира» как целое и содержит в себе блок ценностных норм (программ) данного общества или группы. Мы говорим о его месте как находящемся на пересечении долговременных и краткосрочных образований общественной «психики». Между тем в системном смысле это пара: непрерывное «бодрствование» и ментальное целое. Например, по аналогии, в человеке его Душа обеспечивает «бодрствование» существования, а его Дух (Воля) – его содержание во всей целостности, его ценности и программы поведения и деятельности. А то, что целостно в человеке, в обществе функционально разведено через кооперацию деятельности.

Пары в этом построении нет только у «общественного интеллекта». Хотя обнаружить ее несложно: это *деятельность*, связанная с материальным преобразованием. А та пара, о которой мы сейчас говорили, в искусственном техническом варианте есть «коммуникация»:

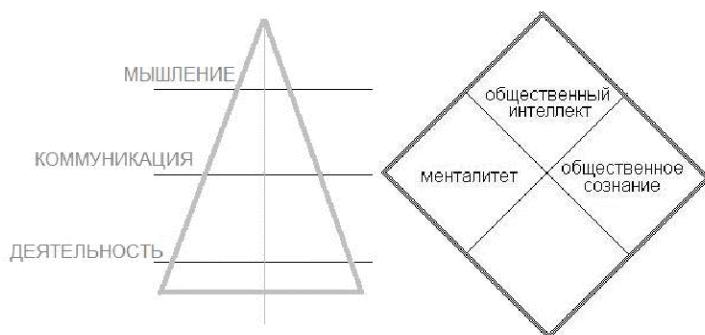

Рис. 2. Иерархическое место трех понятий.

Но вернемся к менталитету. Итак, между Истиной и Пользой действуют калокагатические регуляторы общественного поведения, и их источник – ментосфера. Менталитет не просто имеет «калокагатическую окрашенность», как иногда пишут, в самой его основе лежит глубинная связанность Этического и Эстетического.

Если перейти в ракурс типов деятельности, в обществе этот уровень представлен институтами и деятельностями *коммуникации и управления* (в более ранних проявлениях – искусства, этики, институтов власти и религии и т.д.). Менталитет является содержанием существующей в обществе коммуникации. И есть аспект формы выражения этого содержания (связанный с образами). Таково место менталитета в широком иерархическом и типологическом освещении. Хотя мы здесь затронули только пару-тройку ракурсов.

В менталитете иногда видят «отражение социального бессознательного», о чем и пишут в публикациях. Но менталитет ничего не «отражает», он реально управляет *поведением* обществ, групп и отдельных людей. Это происходит за счет глобальной ментальной программы, колоссальной инертной силы менталитета, можно сказать, безо всякого «сознательного» участия людей. Это особый контур управления в обществе, и он не сводится к «духовной власти».

В обществе есть и второй, рациональный контур управления, которому мы посвятили немало места в наших текстах. Он связывает мышление и деятельность, а ментальный контур «обходит» техническими ухищрениями. В управленческом смысле мы здесь имеем дело с ноосферой, субстанциально – с Мышлением. Синонимичные в данном контексте термины – мышление, ноосфера, общественный интеллект – мы разведем как понятия в другой статье. Пока это все разные ракурсы одного содержания, верхний блок нашей схемы.

Все сказанное позволяет нам дополнить идею **ноосферы** как сферы разума идеей существования **ментосферы** – сферы единого общечеловеческого менталитета. Более детально это сделано в ряде наших публикаций [1-3], и, особенно, в двух главах «Ментосферы», опубликованных на АТ.

Ментосфера соединяет два образования, которые мы только что рассматривали: менталитет + бодрствование. Это Дух и Душа вместе.

Такая постановка вопроса позволяет нам отличить наше понятие ментосферы от двух близких:

- *пневматосфера* как сфера Духа, духовной связи, духовная оболочка Земли (П.А. Флоренский).

- *психосфера* как сфера бодрствования (табло сознания, поле коллективного сознания на планете, коллективная Душа), как «сознание биосферы» проявленное и в обществе (А.Л. Чижевский, Н.Н. Ланге, О. Рейзер).

Иерархия масштабов менталитета и его уровневые носители

К сожалению, в попытках описать специфику менталитета последнее время ищут одну только *культурно-этническую* основу. Это сужает его понимание до этно-культурно-топической типологии менталитета, близкой к теориям Л. Мечникова и Л. Гумилева и т.д. Такая постановка вопроса противоречит ряду наших основных утверждений о менталитете. Это утверждения:

- о существовании *единого менталитета человечества*, а он есть;
- о существовании *единого формационного менталитета*, что очевидно;
- об особой *ментальности цивилизаций* (культурно-цивилизационных образований), который описывают Данилевский, Шпенглер, Тайнби, Сорокин.

И уже потом этносы, государства и группы с их менталитетом.

Разведем их для начала просто по уровням гегелевской иерархии:

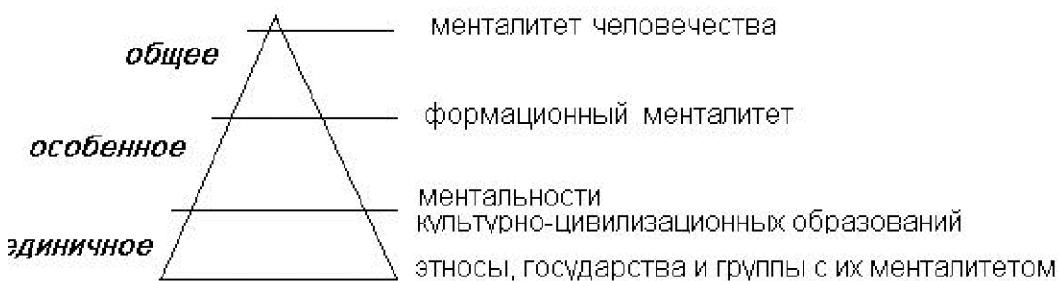

Рис. 3. Иерархически разные разновидности менталитета.

Предельно большим в иерархии будет такое расширение понятия «менталитет», которое применимо к человечеству и действительно на протяжении всей

его истории. Здесь можно попытаться использовать ряд производных, отображающих разные грани вопроса и образующихся за счет «масштабных» приставок **макроменталитет**, **мегаменталитет**, **метаменталитет** или же **надменталитет** и т.п., – вариантов достаточно много. Простейшей матрицей для данного хода является системно-уровневая тройка «**надмир** – мир – **подмир**».

Надсистемный уровень «менталитета человечества» задает *структурку содержания*: это прежде всего **глобальный ментальный хронотоп**. Такова развертка уровня «**общего**». Для человека это высший, родовой уровень.

Перейдем от надсистемы к системе. Собственно «**менталитет**» у нас фигурирует на *формационном уровне*, потому что в пределах трехуровневой модели именно **ментальная формация** является системой. Все, что присуще макроменталитету, применимо и здесь, различие состоит в уменьшении масштаба. Обязательно существует и специфическое качество, присущее только системному уровню, уровню «**особенного**».

На подсистемном уровне (культурно-цивилизационные группы, *фазы ментальной формации*) можно говорить о **микроменталитете**. Здесь набор специфических показателей резко увеличивается, ведь мы перешли в определенном смысле к «**единичному**» в нашей иерархии.

Итак, обозначим три иерархических уровня:

мегаменталитет – человечество в целом, история в целом (**макроментальная цикличность**), надсистемный уровень, общее;

менталитет – формации (**ментальный цикл**), системный уровень, особенное;

микроментальность – культурно-цивилизационные группы в их фазах (**микроментальная цикличность**), подсистемный уровень, единичное.

Рис. 4. Уровневые разновидности менталитета.

Все уровни вместе можно объединить таким общим термином, как «ментальность» и накрыть понятием «ментосфера». Он применяется в этой роли, когда нет необходимости исследовать менталитет дифференцированно или в случае выделения общих моментов, свойственных любым уровням менталитета.

* * *

Вторая основная проблема сводится к *носителю* и его масштабу: «кто», какой субъект выступает в качестве носителя «ментальной системы».

Варианты наших уровней таковы:

- если это – *человечество в целом*, то мы имеем дело с уровнем мегаменталитета – и тогда нужно анализировать мегаинварианты, характерные для всех его проявлений в прошлом, настоящем и будущем;
- если это – *формационный менталитет*, то круг сужается, но опять-таки под определение *носителя «ментальной формации»* должны попадать не только европейские (и приближенные к ним или исходящие от них), но и все прочие формационные проявления;
- если это – *культурно-цивилизационные фазы*, то их «ментальные системы» имеют локальный характер и их уровень – подсистемный.

Мы захватываем все уровни и исследуем различие между мегаментальными инвариантами, формационными составляющими менталитета и микроментальностью культурно-цивилизационных групп и локальных цивилизаций.

О менталитете человечества

Уровневый подход позволяет нам сразу обозначить: поскольку есть человечество как целое, постольку есть и менталитет, присущий всему человечеству.

Менталитет человечества мы различаем по отношению к двум гипотетическим субъектам, носителям иного менталитета. Его можно отличать от менталитета тех сверхцивилизаций, с которыми человечеству предстоит столкнуться *в будущем*, либо от менталитета тех сверхцивилизаций, которые когда-то были на Земле *в прошлом*. Или уж, если говорить о синхронности, от так

называемых «параллельных» с нами во времени, но неизвестных нам сверхцивилизаций или иных аналогичных организованностей высокого уровня.

Поскольку существует единый менталитет человечества, его необходимо осмыслять и изучать: из чего он состоит, как он функционирует и т.д. Ключевой вопрос системного типа: что объединяет в единство менталитет человечества.

В менталитете человечества заложена единая структура, которая удерживает его как целое. Объединительным началом выступает некий набор *ментальных инвариантов* – он есть во всех типах менталитета, во всех культурах, у всех цивилизаций на Земле. Э. Дюркгейм, К. Юнг, Л.С. Выготский, В.М. Бехтерев, «школа Анналов» только начали изучение этого направления. Кроме ментальных инвариантов, можно изучать некие *логики и герменевтики*, которые постоянно используются на протяжении всей истории человечества. Если бы их не существовало, мы вообще не смогли бы понимать друг друга, коммуницировать с другими по менталитету народами, а мы это делаем постоянно.

На самом деле это очень важная и очень обширная тема. Важна она для нас потому, что у «русского мира» в человечестве есть такое предназначение, как стать объединительным ядром Человечества. А потому – ну не узкобойные же прагматики с их жадностью будут заниматься этой темой – только мы с вами.

Ментальные формации

Первый уровень менталитета – единый менталитет человечества. Мы не раз говорили, что на его существование в истории можно посмотреть как на целостный цикл. И это самый объемлющий надсистемный цикл истории.

Второй уровень менталитета – уровень ментальных формаций.

Ментальные формации – это большие отрезки истории общества, которые имеют единый качественный признак: на протяжении одной ментальной формации менталитет человечества принципиально не меняется. Определим такую качественную устойчивость как **«ментальную парадигму» формации**. В отличие от научных парадигм здесь фигурирует свое и только свое содержание: **картина мира и формационные ценности** (нормы, программы).

Мы привыкли видеть существование таких ментальных парадигм в Древнем мире и Средневековье как однородное – хотя, может быть, это просто действует «дымка времени». А вот в Новом времени, напротив, видная явная неравномерность: глобальная смена менталитета (картины мира) произошла только в Европе, а дальше идет ее экспансия и т.д. Эта очевидная неравномерность требует сегодня постоянной модернизации ряда традиционных обществ, хотя, скорее всего, так в истории было всегда.

Отсюда главная причина исторических событий – закон неравномерности исторического развития, через который отразились сложные взаимоотношения топического и хронического доминирования: постепенное перемещение цивилизации с юга на север, рационализация Запада по отношению к Востоку и т.д. Жизнь ментальной парадигмы в цикле формации мы исследуем в наших монографиях.

Сейчас в глобальном общеисторическом масштабе таких *ментальных парадигм* выделено пять, поэтому мы говорим о существовании в истории пяти ментальных формационных циклов.

Эволюцию ментального хронотопа мы рассмотрели в специальной монографии [1], поэтому здесь проговорим только самое существенное. В первобытном обществе существовала ментальная основа, мифологическая по своему ядру и звериная по окраске. В античности мифология стала антропоморфной и политеистической. В средневековье ментальная платформа приобрела черты интеграционные – и возник монотеизм (в разнообразии, как четыре конфессии). В Новом времени европейский человек стал опираться только на свой разум, что породило менталитет научно-технической цивилизации. К этому типу цивилизации мы относим и исторический социалистический эксперимент, он по идеологии – просвещенческий. Его искусственно свернули у нас с ликвидацией СССР, но он продолжается и в Китае, и в ряде других стран.

Ментальный глобальный конфликт, с которым мы имеем дело на сегодняшний день, состоит прежде всего в том, что одновременно существуют не только топо-типологически разные, но и хроно-исторически разные большие ментальности: люди на Земле живут сегодня в разных ментальных формациях, по

сущи, в разных исторических временах и ментальных пространствах с разными ментальными парадигмами. Все это можно разводить, расклеивать, понимать, примирять и образовывать нормальные эволюционные сочетания изо всего этого. На то нам и Разум придан, чтобы мы осуществили эту работу по синтезу и завершению истории без этой вечной резни.

Главная проблема сегодняшнего времени – что с этим делать? Как из этого выращивать единое человечество. И опять, это наша, сугубо русская проблема – она есть в нашем менталитете, всегда была там. Больше она никому не нужна в ее полноценном эволюционном варианте. Прочие «глобалисты» ведь хотят только одного: сделать из Земли комфортный для себя рай с золотым унитазом, в подвале которого будет концлагерь и крематорий.

Культурно-цивилизационные системы

Третий уровень, уровень фаз ментальных формаций, уровень подсистемный и связанный в нашем наборе с «единичным».

Вводимое здесь понятие – «культурно-цивилизационная система», – является сборочным. Мы только что представили читателю достаточно точное разведение цивилизации и культуры (Системогенетика ментосферы // »Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16449, 25.03.2011). И потому будем трактовать интересующие нас понятия следующим образом:

- исторически конкретная «культура» характеризуется ***системной ментальной общностью***, она объединена у нас общей *парадигмой формационного менталитета*;
- «цивилизация» есть предельно большая *машина из людей* в данный момент истории, ее цикл обычно короче культурного (ниже уровнем);
- ***культурно-цивилизационная система*** разворачивается как ***историческое множество цивилизаций, объединяемых устойчивой общностью культуры***. Это ряд сменяющихся форм организованности социальных машин, обладающих устойчивой и качественно неизменной ментальностью (картиной мира, ценностями и т.д.)

Например, мы можем говорить о десятке параллельно существовавших «ранних цивилизаций» рядом с Древним Египтом, приходивших на историческую арену и уходивших с нее, но в совокупности мы говорим *о культуре определенного ментального типа*, об определенной исторической разновидности культуры, с характерным и узнаваемым оттенком менталитета, мифами, богами способами выражения в искусстве и т.д. При этом мы связываем такой тип и со способом общественной организованности (цивилизацией), нормативностью, социальной стратификацией, производством и т.д. Но удерживает их как целое отнюдь не «способ производства», а ментальная парадигма. Дух, а не материя.

Кстати, к данному типу «ранних цивилизаций» мы относим и идентичные по содержанию и по формам организации цивилизации доколумбовой Америки, хотя их ментальности немного различаются. Тем не менее, аналогичные исторические этапы, проживаемые в разных местах и в разное время, порождают во многом аналогичные *формы культуры* и искусства. Мы показали это в потоке иллюстраций (Генезис пространствоощущения в истории // »Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16425, 09.03.2011).

Циклов формационного менталитета пять: первобытность, античность, средневековые, Новое время, ХХ век. А фаз формационного менталитета (культурно-цивилизационных систем) – как минимум, по три в каждом.

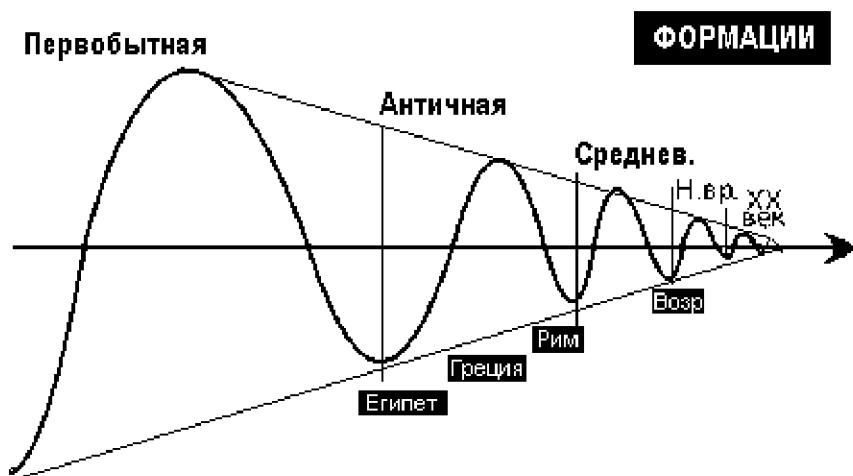

Рис. 5. Циклы формационного менталитета.

Это 15 ментальных модификаций.

Хотя в первобытности нет «цивилизаций», первобытный менталитет имеет отличимые **культурные фазы**:

1. Палеолитическая.
2. Мезолитическая.
3. Неолитическая (переходная энеолитическая).

Поэтому в истории как целом мы можем насчитать только 12 ментальных модификаций в рамках культурно-цивилизационных групп.

Менталитет ранних цивилизаций античности и его **культурно-цивилизационные группы**:

4. Египетская.
5. Греческая.
6. Римская.

Менталитет средневековья и его **культурно-цивилизационные группы**:

7. Византийская и раннероманская.
8. Романо-готическая.
9. Возрожденческая.

Менталитет Нового времени и его **культурно-цивилизационные группы**:

10. Английско-голландский раннебуржуазный тип.
11. Классический буржуазный тип.
12. Имперская фаза капитализма.

О менталитете Новейшего времени и его модусах мы поговорим ниже.

Таким образом, **«культурно-цивилизационная система»** в нашем конкретном исследовательском контексте – это прежде всего **типологически конкретное ментальное образование**, модус, имеющий как свои повторяющиеся, так и свои неповторимые формальные признаки в разных цивилизациях как в составляющих ее модусах.

Мы вводим понятие культурно-цивилизационной системы, чтобы обозначить *наиболее крупные фазы внутри формационного менталитета*. Понятие о культурно-цивилизационных системах располагается у нас между ментальной формацией, с одной стороны, и цивилизациями как оформленными проявлениями

машины общества – с другой. В истории они и присутствуют – как отчетливо наблюдаемое *объединительное единство менталитета* разных цивилизаций.

Главной особенностью культурно-цивилизационного организма и подтверждением его существования в истории служит *переход доминирования* от цивилизации к цивилизации при сохранении единства объединяющей их культуры. Таков, например, крито-микенский переход, этруски и т.д.

Последний тип формации Новейшего времени еще продолжается.

Он также имел у нас в стране три внутренние фазы, и мы их подробно рассмотрели (см. *Циклическая троичность* // »Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.15966, 27.06.2010; *Советский человек как конкурирующий проект* // »Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16167, 20.11.2010; *Ослепительность будущего* // »Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16228, 16.12.2010).

Это:

- сталинский государственный социализм (особый тип цивилизации, госсобственность и моно-идеологическая власть);
- хрущевско-брежневский классический социализм (особый тип советской цивилизации, где правили «ведомства»);
- номенклатурный капитализм (постсоциализм с реставрацией частной собственности и декоративной имитацией западной демократии).

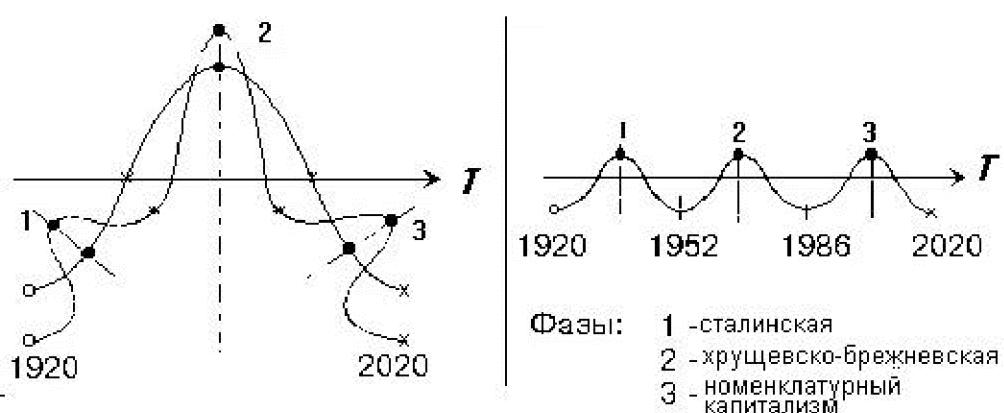

Рис. 6. Три фазы (три цивилизации) в цикле культуры Новейшего времени.

Если говорить о нашем времени, а оно для нас единственно актуальное, то можно утверждать: мы живем в новой, по сути, цивилизации (машине из людей), иной, чем до 1991 года. Это номенклатурный капитализм, который кажется парадоксальным только на первый взгляд. На самом деле это оборотная сторона цивилизации сталинского социализма: теперь все поменялось на противоположный знак, а вот «номенклатура» как несущая бюрократическая сила осталась та же. Что поменялось? Фанатики идеи и бессеребрянники из номенклатуры сталинского «ордена меченосцев» превратились в одиноких хищников (каждый сам за себя); накопленная колossalными усилиями госсобственность – в их частную собственность; «общее дело» той цивилизации – в бегство от любых проявлений общности (косить от армии, не платить налоги и т.д.). Все ментально объединительное в любых группах (нация, род) целенаправленно разрушается и преследуется как чума. Зато намертво у источников денег и ресурсов везде стоят те же родовые кланы или криминал с номенклатурой. Что уж говорить о государстве – ничего более хилого в организационном отношении и представить себе невозможно. Да и кто мы сейчас geopolitically: руины империи. Такова наша неприглядная нынешняя цивилизация и срок ее жизни уже исторически истекает.

При этом накрывает нас ментальным единством все та же родимая *советская культура* (*плюс прошлые слои российского менталитета*), с ее, до боли знакомым, менталитетом: мы ностальгически смотрим все те же, советские, фильмы и любим их больше всяких американских супербоевиков от которых всех тошнит, мы слушаем и интерпретируем все те же, советские, песни, интересуемся подробностями из жизни все тех же людей из нашего культурного прошлого. Иногда и от этого уже подташнивает, но что есть, то есть. Пока цикл не завершится, культура не может «сменить пластинку». В ней нет новой парадигмы.

* * *

Завершая данную тему, обозначим, что наше прочтение связки «формация – культура – цивилизация» по уровням «общее – особенное – единичное» (надсистема – система – подсистема) сопоставимо с ярусами пары «содержание и форма». Формационный менталитет и есть само глобальное *содержание*, а

цивилизация есть **форма** существования данного общества. Что касается культуры в этом промежутке, то кроме свойства накрывать собой, своим качеством, исторический ряд цивилизаций, она имеет отличимую форму выражения в коммуникации. Культура – это исторический механизм, трансформирующий глобальную содержательность ментосферы (т.е. содержание + смысл менталитета) в уникальную форму выражения в коммуникации.

Из множества определений культуры мы в данном случае применяем альтитудное, иерархически-уровневое и циклическое (всякая культура живет свой цикл, **культура выступает как циклический хроноорганизм**). *Культурогенетика* невозможна без подобного понимания, и нам оно представляется наиболее плодотворным в нашем полиуровневом и полицентрическом контексте. Это означает, что циклический механизм общего синхронно проявлен в единичном, что обеспечивает особенное – культура.

1.4. ИМПЕРСКАЯ ФАЗА РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ОГБРАЗОВАНИЙ

Поскольку мы взяли масштаб всей истории, хотя говорим для примера о евроамериканской и нашей исторической ветке, это позволяет нам установить наличие особой имперской фазы в развитии ментальных цикло (эти фазы обозначили выше), а также – о чертах и признаках сходства таких фаз.

Прежде всего, речь идет о закатной, завершающей фазе ментально-формационных циклов. Сюда мы относим: неолит, Римскую империю, Возрождение (с барокко), ментальный девятнадцатый век (1820-1919.)

Аналогичные тенденции мы обнаружим и в завершающих фазах в любом культурном цикле. Иногда они более явные (например, имперские устремления фараонов Нового царства, имперские амбиции Наполеона), иногда выражаются скорее стилистически, формально.

Наконец, имперские тенденции присущи всякой завершающей фазе развития цивилизаций. Это не следует связывать исключительно с военной экспансией, ибо суть «имперскости» другая. Но тем не менее в качестве примера можно назвать эпоху заката греческой цивилизации, которая разразилась походами Александра Македонского и установлением эры эллинизма.

Очень коротко пройдем по набору индикаторов [16]. Они присущи циклам всех обозначенных уровней.

Все эти периоды характеризуются *преобладанием свободы личности над свободой общества*, что, в принципе, и порождает основные «имперские» тенденции. Это – политическое стремление к единовластному правлению (император), гедонизм, стоицизм и цинизм как окрашенность мировоззрения. Опора на личный интерес обязательно сопровождается культом денег, будь то эпоха возрождения или наше время. В культурном отношении доминирует «человек, создавший самого себя», и это не только уникально образованные купцы той же эпохи Возрождения, но и откровенные профессиональные авантюристы. Тот же первый римский император Гай Юлий Цезарь славен не тем,

что он был первым императором, а тем, что и этот традиционный титул, и свою завоеванную власть он наполнил совершенно новым содержанием сам, лично. О его образованности говорят его «Записки», о его авантюристичности – его военные походы и экспедиции. Он жаден до власти, умеет конвертировать ее в деньги, он гедонист и откровенный циник, но вместе с тем стоически переносит все тяготы и удары судьбы. И это – культурный образец имперской. Мы можем усмотреть его даже в неолите (эпоха «военных демократий»).

Если мы возьмем хронотоп, то получим характеристики временного и пространственного типа. Менталитет имперской всех уровней обязательно обращен в прошлое. Это важнейшее положение, ибо из него следует: имперская не имеет будущего. Более того, она и настоящим не живет. Ее стремление – стать равным великим образцам архаического прошлого, потому имперская всегда несет с собой примесь «возрождения» чего-то. Например, у нас наблюдается возрождение архаического капитализма в его никогда не бывавшей и потому фантастической форме «свободного рынка».

Пространство, в данном случае ментальное мироощущение – малое, меньше меры человека. Отсюда преобладающий *интерес к частной жизни*: в это период написаны «Сатирикон», «Золотой осел», «Декамерон», это период нашего «серебряного века» с той же тенденцией смакования и разоблачения частной жизни, начиная от Г. Успенского и А. Чехова. Это, наконец, наша тошнотворная пресса и телевидение с программами «За стеклом», «Окна» и т.п. Перемещение интересов в сферу частной жизни биологизирует культуру, расцветает эротика и сексуальные извращения как разновидность гедонизма, преобладает культ утонченной еды, запахов, тактильных ощущений и т.д. Одежда и мода этого времени достигают апогея сложности и дороговизны.

Малое пространство порождает культуру виллы – древнеримские образцы получили свое подлинное продолжение в вилах барокко и особняках модерна. В нашем времени это называется «коттедж».

Уже этого набора вполне достаточно, чтобы обозначить культурные черты имперской. Но наша общая тема лежит при этом как бы в стороне. Это и так и

не так. Суть в том, что социологические и политические особенности поведения социальных общностей уже заданы ментально. Отсюда такой очевидный признак эпохи «имперской» как *политизированность* структуры общества. Политизированность означает переход к наиболее коротким циклам управления. Это по сути равно обращению к прошлому, ибо стратеги никому не нужны, нужны авантюристы. Из общества исчезает потенциал будущего, структура общества перегружена формой и потому не способна выжить. Свободных мест в общественной структуре нет, наступает стагнация. Отсюда попытки всех правящих в это время выпустить пар за счет войн, т.е. мобилизовать общество, поставив его на грань выживания. Это прямой путь к гибели, поскольку к этому моменту времени армии, как правило, весьма ослаблены. Но почему же тогда все великие полководцы-авантюристы живут именно в эти эпохи?

Ответ прост: pragmatism эпохи имперской порождает перекос в техническом преимуществе у тех, кто лидирует. Стагнация овладевает всеми странами, но тогда преимущество получает наиболее технически продвинутая, авантюристичная, эгоистичная и циничная армия под руководством соответствующего «императора». Рим имел техническое превосходство, благодаря новым типам вооружения, а морально – благодаря эгоистическим материальным стимулам. Современная армия США та же – она стоит на грани новой империи и играет техническими мускулами. Она сильна благодаря эгоистическим материальным стимулам. И это означает только одно – война неизбежна, стоит появиться подходящему амбициозному «императору».

Литература:

1. Александров Н.Н. Эволюция ментального хронотопа. – Кострома: Изд-во КГУ им. Некрасова, 2000. – 434 с.
2. Александров Н.Н. Формула истории. – Кострома: Изд-во КГУ, 2000. – 516 с.
3. Александров Н.Н. Экзистенциальная системогенетика. Изд. 2-е. – М.: Изд-во Академии Тринитаризма, 2011. – 750 с.

4. Богданов А.А. Тектология. Всеобщая организационная наука. – В 2 кн. – М.: Экономика, 1989. – (Кн. 1. – 304 с. Кн. 2 – 304 с.).
5. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. Исследования изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. / Пер. с англ. В.В. Сапова. – С-Пб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного Института, 2000. – 1054 с.
6. Субетто А.И. Ноосферизм. Том первый. Введение в ноосферизм. – С-Пб: КГУ им. Н.А. Некрасова, КГУ им. Кирилла и Мефодия, 2001. – 591 с.
7. Чижевский А.Л. Космический пульс жизни. Земля в объятиях Солнца. Гелиотараксия. – М.: Мысль, 1995. – 768 с.
8. Тейяр де Шарден. Феномен человека. – М.: Наука, 1987. – 240 с.

Часть 2. УПРАВЛЕНИЕ В МЕНТАЛЬНОЙ СФЕРЕ

2.1. МЕНТАЛИТЕТ И ПРОБЛЕМА УПРАВЛЯЕМОСТИ

Двухполушарная «психика» общества

В психике общества – два начала: общественный разум и общественное сознание. Соединяясь, эти два начала участвуют в третьем, которое мы и называем менталитетом. В нем рациональная мысль не отделена от эмоций сознания, как и в самом человеке. Это трудно применить к категории общественного интеллекта, тем более, что она иерархически не дифференцирована [15].

Менталитет не есть рациональный разум (он не опирается на знание, он не озабочен Истиной). Вместе с тем он содержит устойчивые формы метазнания, преемственно эволюционирующие, он живет в синкетических символах – многозначных и вместе с тем достаточно единообразно интерпретируемых всеми. Способы удержания знания в менталитете синкетичны и пока слабо изучены: менталитет легче описать, чем определить.

Двигаясь по пути отрицательных определений, мы выяснили следующее: менталитет – это не наука; менталитет – это не идеология.

Менталитет не тождествен сознанию, ибо сознание озабочено Пользой; для сознания он слишком консервативно неизменен, инертен. Поэтому о менталитете часто говорят как об «окрашенности» общественного сознания. На самом деле он удерживает константные рамки общественного сознания на больших исторических циклах. Менталитет здесь служит руслом, внутри которого, текут, сталкиваясь, многочисленные струи.

Исходя из сказанного, мы заключили: ядро менталитета – этико-эстетическое. Это – ценности долговременного действия, которые определяют повседневную деятельность людей. Этическое – это ментальная дуальность (что есть Добро и что есть Зло). Эстетическое – это хронотопическая модель менталитета, с позиции гомеостатики.

Таким образом, в качестве синкетической картины мира менталитет определяет жизнь людей сверху вниз (идеи), вертикально; а в качестве ценностей (через установки) – горизонтально.

В итоге феномен менталитета можно описать при помощи соединения двух схем: схемы иерархии уровней общества (человечество – общество – человек) и схемы двухполушарной общественной психики («рацио» – «иррацио»).

Это порождает всю возможную совокупность проблем, которых мы так или иначе коснулись:

	Разум (Рацио) Интеллект Рац.М.	Менталитет	Чувство (Иррацио) Сознание Иррац.М.
Человечество	Разум Человечества	Менталитет Человечества	Сознание Человечества
Общество	Разум Общества	Менталитет Общества	Сознание Общества
Человек	Разум Человека	Менталитет Человека	Сознание Человека

Рис. 1. Совокупность ментальных проблем.

Управление обществом через общественный интеллект и менталитет

Основным контекстом в нашем предыдущем изложении выступала тройка взаимосвязанных форм: общественный интеллект, менталитет и общественное сознание. Они различаются прежде всего масштабом, рабочими диапазонами.

Общественный интеллект оперирует знанием, он накапливает знание для управления будущим – вот почему он настроен на длиннопериодные волны и надсистемный масштаб. Знание древних греков для нас не устарело, и теорема Пифагора все еще преподается в наших школах. Такова специфика знания: оно входит в копилку человечества надолго, а то и навсегда. Знание тоже развивается, но в идеале знание есть то, что применяется в культуре всегда и наполняет особую долговременную память человечества.

Противоположностью ему выступает «общественное сознание» в нашей трактовке, которая отличается от многих других. Это инструмент

непосредственного погружения в настоящее и реакции на происходящее, а в отражающем смысле – это экран *текущего времени*, через который общество ведет мониторинг, «бодрствует», по О. Шпенглеру. Здесь – предельно короткопериодные волны и мизерный масштаб. Сознание поставляет материал для пополнения знания, но оно не содержит знаний. Можно воспринимать реальность и активно реагировать на нее, но при этом не иметь никаких знаний – так живут простейшие организмы. Подобные устройства есть и в очень сложных организмах; для аналогии – у нас в глазу, по В.П. Зинченко, есть особая «память предопознания», которая работает задолго до того, как мы начнем различать образ при помощи мозга [124]. У нее очень узкий временной диапазон, но некоторые практически значимые реакции для выживания она обеспечивает.

Общественный интеллект мы связываем прежде всего с Истиной, подчеркнем, с Истиной, а не знанием (смотрите выше различие категорий, понятий и знаний), а общественное сознание – с Пользой.

И, наконец, место менталитета. Он удерживает целое, почему и мы говорим о нем как об особом единстве на пересечении долговременных и краткосрочных образований. Знания, управляющие будущим, нужны нам лишь тогда, когда мы принимаем решения на определенный период и тем самым проектируем будущее. Знания – материал проектный и обеспечивающий деятельность. Сообщения о происходящем из сознания подтверждают или опровергают действенность принятого проекта. Но такая аналогия хороша для роботов, поскольку показывает, как работает связка Истины с Пользой.

Как только возникает управление на основе накопленного знания, на основе познанного, идет селекция знания для принятия решений. При этом не обязательно иррациональное отметается: Гитлер достаточно долго и успешно руководил Германией и побеждал в войнах, хотя в основе его идеологии лежал эзотеризм, теософия, астрология и т.д. И у него, и у Сталина машина управления обществом была по основе идеологической. Но совсем другое дело, как эти машины были технически устроены – они были построены рационально.

На грани между Истиной и Пользой существует совершенно иной механизм управления. Общество управляется не только при помощи знания, какой бы природы оно ни было. Неужели не видно по талибам, что ими управляют отнюдь не знания? А назвать их поведение иррациональным тоже трудно. Значит есть и нечто третье, что участвует в управлении обществом и людьми. И это третье порождают *калокагатические регуляторы общественного поведения*.

Парадоксальность менталитета состоит в том, что он работает во времени, во многих иерархических диапазонах сразу. Кроме того, в менталитете живут некие целостные образы, архетипы, устойчивые групповые представления и т.д. Менталитет имеет калокагатическую окрашенность, т.е. в его основе лежит связанность Этического и Эстетического. Мы доказываем далее, что они особо не привязаны ни к каким формам знания, а вполне самостоятельны. Они задают целостные образы мира и формируют у людей установки [319]. Эти установки имеют как долговременный, так и кратковременный характер. И единственное, что реально отображает состояние этой сверхсложной сферы, – это искусство. Посредством изучения искусства удалось увидеть, что сама эта сфера строго упорядочена и имеет свою уровневость и циклику [15].

Не нужно пытаться возложить на знание то, что знанию не принадлежит. Мы имеем здесь дело с *аксиологией*, а не с гносеологией, с процессами воспитания, а не с образованием и обучением. И конфликт между мифом и рациональным знанием, о чем говорил не только Налимов, – это конфликт двух линий, которые мы уже рассматривали на примере герменевтики [256-258]. Функция мифа вовсе не в том, чтобы дать знание, но в том, чтобы дать целостную образную опору понимания мира и задать мотивацию [13].

Не редуцировали ли мы категорию общественного интеллекта до ее рациональной составляющей? Да нет же – и в самом общественном интеллекте полным-полно всего иррационального, и обществом можно управлять на основе «иррационального знания», как Гитлер. Но все равно это будет особый, *знаниевый, тип управления будущим*. Критика теории общественного интеллекта с позиции ментальных механизмов управления состоит в том, что поведением

общества *реально* управляет не только знание, и чем глубже в историю, тем меньше эта функция принадлежит знанию. Не только наша политика, но и власть все время оглядывается не на знание, а на установки, нравственные нормы, весьма неясные приоритеты своего «электората».

Знает ли человечество, что успешно идет к экологической катастрофе? Знает [140]. И что, оно управляет своим будущим на основе этого очевидного знания? Нет. Здесь и лежит разрыв между должноым и сущим, хотя речь идет о самом важном – о выживании [301]. И поэтому мы говорим: до тех пор, пока мы не научимся ментальному управлению, проектированию менталитета, никакие знания современное общество не спасут. Теория общественного интеллекта была бы изумительно хороша для социализма, если бы он однажды приобрел планетарный масштаб.

В менталитете есть не только *отражение* социального бессознательного. Менталитет не столько отражает, сколько реально *управляет* поведением обществ, групп и отдельных людей. Пока это происходит за счет глобальной ментальной программы, колоссальной инертной силы менталитета, можно сказать, почти безо всякого участия людей. Что проку воевать с конкретными чеченцами или талибами, если их ментальность самовоспроизводится на новых поколениях, как Гидра? Никто не отрицает, что системы воспроизведения проектируют и снабжают конкретные люди, но что движет ими?

Ни малейшего сходства нет между знаниевым и ментальным управлением, и нельзя их сводить к чему-то одному – это не только разные способы управления обществом, у них еще и механизмы воздействия на человека разные.

Приписать менталитету одну культурно-этническую основу и тем самым подвести его под общественный интеллект как одну из «устойчивых» составляющих – значит сузить проблему до этно-культурно-топической типологии менталитета, близкой к теориям Л.И. Мечникова (гео) и Л.Н. Гумилева (этно). Но это далеко не все, что содержится в менталитете, и такое мнение противоречит ряду наших основных утверждений:

- о существовании единого менталитета человечества, а он есть;

- о существовании единого формационного менталитета, а его наличие очевидно;
- об особом менталитете цивилизаций, который описывают Шпенглер и Тойнби, и т.д.

Проблема не снимается за счет введения в механизмы общественного интеллекта «единства науки, культуры и образования». Это – непомерно расширительное толкование. Искусство, наверное, тоже входит в культуру, но никто не станет утверждать, что рождением художественных образов управляет общественный интеллект, субстратом которого является знание. Религию не отнесешь к этому перечню, но и она неплохо управляет обществом, используя те же механизмы культуры и образования и даже местами науки.

Утверждение о том, что формы познания Добра, Красоты и Пользы являются особыми комплексами знаний, нет нужды комментировать. Формы познания их, да, но отнюдь не само содержание ценностной сферы. Думать так – значит допустить непозволительную редукцию аксиологического через гносеологическое. А ведь *содержание менталитета как раз сплошь аксиологическое*. Может ли общественный интеллект познавать менталитет? Да, но пока очень незначительно. А проектировать менталитет и управлять им общественный интеллект не может почти совсем. Познавать ценностную конструкцию менталитета и управлять менталитетом – это пока две разные задачи, и они не обязательно решаются посредством знания. Тут экспансия просвещенческого знания буксует, сколько ни наращивай объемов знания, сколько ни вводи в знание иррациональной компоненты.

Не понятно, как именно общественный интеллект способен синтезировать в себе истину, добро, красоту и пользу, если его субстратом является знание. Это уже будет не интеллект, это будет Благо, а Благо принадлежит только Богу. И, по сути, такая трактовка общественного интеллекта и делает из него «бога, но без Бога» – это просвещенческий вариант Творца. Если говорить о реальности, то категория общественного интеллекта в ценностном плане пока выглядит как

синтез Истины и Пользы, а категория менталитета опирается на синтез Добра и Красоты. Не нужно сводить одно к другому и пытаться включить одно в другое.

С позиции управления будущим, злой разум обречен на исчезновение с лица Земли. Прямо на наших глазах совершается экспансия научно-технического разума, замешанного на власти денег, Пользы, и это он гонит планету в пропасть. Это не злой разум, но это – *полезный* разум [80]. Можно заранее сказать, что он уничтожит если не Землю, то человечество. Если что-то ему и противостоит, так это – ментальные механизмы, обладающие колоссальной исторической инертностью. Если нам завтра покажут, как именно Разум собираются сделать добрым, нам всем следует поверить в божество общественного интеллекта. А пока внутри разума мы калокагатии не обнаруживаем. Императив выживания человечества ввести внутрь знания в сегодняшнем мире просто некуда.

По сути, образование обеспечивается знанием. В педагогическом смысле менталитет обеспечивает не образование, а *воспитание*. Добрый человека можно *воспитать*, но этого качества никогда не добиться за счет самого правильного образования. Никаким образованием не создашь художника, ибо актуальное восприятие красоты лучше всего воспитывается в мастерской признанного мастера. Зато знанием художника можно изуродовать, и тому была масса примеров в советское время. Но не получилось сделать из писателей инженеров человеческих душ! Вот почему образовательное общество в его чисто знаниевом виде – это утопия. А ничего другого, кроме знания, судя по массе публикаций, нет.

Если мы понимаем, что менталитет управляет людьми, то первая мысль у всех такая: нужно попробовать «вскрыть» менталитет, чтобы управлять менталитетом, проектировать его. Это – основной пафос и нашей работы, но в ней задается главный вопрос: а где гарантия, что от этого всем станет лучше?

Будущее рождается при посредстве утопий. Ментальное управление обществом – тоже утопия, но утопия, в чем-то конкурирующая с информационным и образовательным обществом. Конкурирует она там, где концепция образовательного общества не имеет реальной основы. Запад, упрощенно говоря, уже запустил основные механизмы образовательного общества. А вот исламские и

некоторые другие страны упорно придерживаются традиции «воспитательного общества». Эта, вторая, модель консервирует общество, но зато придает ему невиданную устойчивость во времени. Спрашивается, а так ли нам нужно все быстрее и быстрее покорять природу и конкурировать с соседом? Не лучше ли искать гармонию и просто по-доброму жить в прекрасном мире? И то, и другое – однобоко. Хочется середины. У нас еще есть выбор.

Управление менталитетом как утопия

По отношению к разным типам менталитета можно применять разные *управленческие воздействия*. И итоговый принцип ментального управления развитием социума – это разновидность принципа идеальной детерминации истории, а идеальная детерминация построена на понимании необходимости управлять не только, скажем, едиными эколого-материальными ресурсами Земли, но и устранять конфликты ментального типа, что управленически гораздо сложнее и требует новых типов институтов планетарного масштаба. Что происходит в мире после теракта в Америке? Открытое столкновение двух глобальных типов менталитета, причем обе стороны готовы стоять насмерть, и на пороге – едва ли не новая мировая война. Почему? А потому, что ментальные процессы пока неуправляемы ни с той, ни с другой стороны. Необходимо уходить от стихийной истории к истории проектируемой и управляемой, и проектировать в ней нужно прежде всего новый синтетический менталитет человечества, в котором все типы менталитета соединились бы в единстве. А это – задача России, и мы стремились показать логику этого вывода.

Такое направление, как *ментальное управление историей*, еще только предстоит освоить в XXI веке, поэтому нас ожидает, как минимум, «век менталитета».

* * *

В порядке самокритики гипотезы управляемого менталитета выдвинем два тезиса.

Во-первых, менталитет иерархичен, и уровни его стратифицированы. Но говорить о равной управляемости всех этажей (тем более из одного «центра») пока нельзя, ведь границы, задающие эту стратификацию, имеют разную проницаемость. Социум – это многоэтажное здание, но у его уровневых этажей – разная «прозрачность». Их границы для взгляда извне вовсе не одинаково проницаемы, что-то поддаётся наблюдению извне, но есть такие вещи, которые вообще не выходят наружу. В них можно проникать другими способами, и мы это делаем. Так, раскладывая хронотоп, можно говорить о стратификации пространства на этих ярусах, и тогда проявляется феномен неравенства направлений пространства. Это – один из существенных аспектов современных дискуссий в философии.

Однако тезис о переходе человеческой цивилизации в состояние управляемой социо-природной эволюции за счёт ментального управления вовсе не подразумевает, что всё многоэтажное здание социума мы делаем управляемым для некоего ментального субъекта. Для реальной управляемости не нужно стремиться к тотальности, управлять нужно немногим из многоного, но это немногое должно быть ключевым. Это – очень старый принцип, описанный еще в древнекитайских поучениях.

Во-вторых, ментальные структуры, как считается в литературе, бессубъектны. И более того, обычно противопоставляют систему управления как источник нормативности и ментальные структуры как альтернативные этому источнику нормативности.

Мы же считаем, как и Н.Я. Данилевский [96], и многие другие, что общество имеет некоторые свойства организма и акцентируем ракурс психической жизни данного организма, соотнося его с психикой человека в аспекте «канала коммуникации». Но, кроме того, мы допускаем существование таких промежуточных «организменностей», как культурно-цивилизационная группа и цивилизация. Организменности разного уровня в пределах единого организма, да еще и имеющие свою топику и хронос, свою психику и т.д., – это довольно сложное гипотетическое построение, требующее развития и осмысления. Да и

организменность – только одна из равновозможных гипотез, для полноты нужно опровергнуть и все иные.

Деперсонифицированность, бессубъектность ментальных структур – это пережиток когнитивизма. При применении «понимающего» подхода и с использованием механизмов герменевтики и рефлексии эта проблема исчезает, а менталитет приобретает свою субъектную основу.

Поскольку главным субъектом проявления менталитета был и остается человек.

История как «история ментальная»

Зададим самоуверенный вопрос: что наблюдаемо в истории, и мимо чего проходят пишущие о ней? И ответим сами себе в том же ключе.

Во-первых, наблюдается полное непонимание того, что ***история есть история ментальная***, все остальное вторично: и наука, и экономика, и религия, и идеология и т.д. [14].

Смена типов устойчивого менталитета хотя бы в одной европейской ветке истории демонстрирует логику истории, а значит, ее целое, цели и финиш.

Никакого отношения к истории общественной ментальности человек не имеет, кроме одного. Он пустая форма, биологический носитель, наполняемый ментальным содержанием, на каждом этапе истории – своим. Ну очень гибкая форма, эта rubber soul. Отсюда – его маски: гражданина полиса, соборного прихожанина церкви, рачительного экономического человека, современного универсального потребителя.

Французы XX века (Л. Февр [320] и др.) продемонстрировали, что их средневековые предки в своих письмах и закладных предстают как запрограммированные менталитетом. И даже М.М. Бахтин, критиковавший их, показал в своей «смеховой культуре» [34] всего лишь оборотную сторону все той же медали.

И что же тогда все великие достижения человеческого духа – ничто? Нет, тут все нормально – человек ценен именно своими креативными качествами.

Но вот только в свете ментальной истории и достижения человеческие подчинены выбору историческому, а не столько личному. *У человека есть только один личный выбор – выбор медиума*: выразить свое время, свое состояние общественной психики, ментальность своего мира людей. Философ ли он, поэт ли, изобретатель или ученый, экономист, спекулянт или рабочий – у каждого в своем времени есть своя степень свободы, свой предмет деятельности, с его диапазоном и границами. Но даже если он опаздывает или опережает время, его продукт будет нужен последующим поколениям – в свое время. Пришло ведь время печатать Ахматову, Цветаеву и Зощенко; но вот «и радио есть, а счастья все равно нет».

Наступающий предел истории страшен в одном отношении: вопрос о будущем человеке нам не известен. До этого человек, вот такой, еще был нужен. Но нужен ли он будет в этом виде после конца социальной истории?

Ответов – два, пессимистический и оптимистический.

Антропный принцип [28] гласит: человек есть то, что так долго и упорно творил космос, вершина его эволюции, острие эволюционной иглы. И цели человека тоже как-то лежат в этом русле. Но чем это лучше ментальности более ранних исторических периодов? Скорее это логичное продолжение линии ментальных моделей, в структуре которых человек имел свое законное место. И он занял в конце истории единственно возможную ячейку: он *итог космического творчества*. Очередная маска человека.

Это говорят нам оптимисты. А пессимисты придерживаются другого лозунга. Очень хочется верить в человека, но против него столько обвинений!

Эксперимент с историей, или альтернативистика

Историки с важным видом любят произносить одну банальность: в истории нет сослагательного наклонения. Но это – подход юных натуралистов, а не философов и ученых. Впрочем, даже историки иногда позволяют себе вольности с сослагательным наклонением (С.Г. Смирнов [277])!

Если вы достаточно образованы, проведите еще один грандиозный мысленный эксперимент: давайте выбросим из истории всю европейскую и

евроамериканскую линию как надоевшую и одиозную. Хватит с нас этого европоцентризма и опостылевшего американализма [123]!

Мир просто не доберется до эпохи научно-технического прогресса, оставшись в вечном средневековом состоянии. Неподвижное равновесие Византийского мира, Поднебесной, Индии и империи ислама будет дополняться только неведомыми им американскими и австралийскими сообществами, путь которых в данном случае нам неясен, но скорее всего он такой же.

А если убрать из истории и теологическую картину мира? Могли бы бесконечно длить агонию античные сообщества и первые цивилизации? Могли бы, хотя зрелище позднего Египта весьма тоскливо.

Наконец, бесконечная первобытность. Еще тоскливее. А может, нет? Первобытные племена тоже по-своему счастливы: они ближе к природе, к которой мы так стремимся по воскресеньям.

Впрочем, достаточно!

Хорошо, что у истории нет сослагательного наклонения.

Заключение

По сложившейся традиции подведем итоги этой главы в коротких тезисах, сочетание которых раскрывает логику представления материала по данной теме.

Во-первых, мы старательно отличали менталитет от всего, что с ним сходно и находится рядом: от общественного сознания и совокупного общественного интеллекта, от идеологии и деятельности.

Во-вторых, мы установили для менталитета циклику и показали уровни ее организованности.

Далее мы рассмотрели, как менталитет может быть представлен в науке и какова история исследований менталитета в науке – на уровне схемы. Но эта краткость обусловлена темой – у нас есть и более развернутые публикации по данному вопросу.

Кроме того, нас в этих рамках удерживает тема. К ней и вернемся.

Есть один момент, и он сложен для однозначного толкования, – это возможность ментального конструирования. Если не брать во внимание блистательные игры концептуалистов (А. Азимов, С.Б. Переслегин и др.), ментальное конструирование пока утопия. Как выразился один из самых ярых и законченных интеллектуальных инструменталистов, искусство существует, чтобы блокировать наш выход к мышлению. Говоря об искусстве, по сути, он говорил о менталитете.

Да, менталитет нередко блокирует интеллект. Они конкуренты, но так уж устроено общество. И ментальная линия истории, линия сохранения стабильности, скорее женская.

А как же будущее? В применении к этой линии социума конструирование реальности будущего пока невозможно. Это – *первая сигнальная система общества*, система безусловных рефлексов. И все, что мы можем сегодня, – это познать ее и попытаться задать в проекте интеллектуальные суррогаты типа идеологии. Интересно, почему никому не приходит в голову изменить безусловные рефлексы в организме? Общество – сложнее, а мы тем не менее хотим это осмыслить.

2.2. ДВА ТИПА УПРАВЛЕНИЯ И ПАМЯТИ В ОБЩЕСТВЕ

Два контура управления в обществе

В управлеченческом ракурсе возникает две разновидности управления, образующие *единое двухконтурное управление* в обществе. Например, «духовная власть» и «светская власть», менеджер и неформальный лидер.

Группой-организмом в определенном смысле «управляет» **харизматический лидер**, способный воздействовать на уровне подсознания, оперирующий образами и записывающий людям программы поведения за счет ценностной ориентации. Такой лидер должен обладать сильной интуицией (быть подключенным к Памяти-1, чувствовать будущее и волю коллективного организма как медиум) и харизмой (нет лидера без харизмы). Отсюда – лидер практически незаменим; только изредка харизматического лидера может сменить лидер, но только «с еще большей харизмой».

Если говорить о роли Памяти-1 в этом контуре, то она определяющая. В традиционных обществах была даже особая функция Хранителя Коллективной Памяти. Называлась она в конкретике по-разному, но такой человек свое дело всегда знал: он был настроен на контакт с эгрегором, вопрошал и получал ответы. Сюда мог попасть только природный медиум.

Харизматического лидера в рациональных теориях менеджмента презрительно называют «неформальным», что звучит как нечто вторичное и даже досадно мешающее формальному лидеру. Но это сейчас, и в основном в экономике (в политике и попсе харизма – это все).

В истории же неформальный лидер был первым и долгое время единственным типом лидера. В ряде стран этот тип и поныне доминирует. Нередко ему придавали и машинные функции (единственное духовно-светское управление синкретического типа), но впоследствии этот второй контур отделился от первого. Сенат и Синод стоят рядом, но это уже были два министерства. Хотя реальное влияние обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева все еще было колossalным.

Те, кто работали с Памятью-1, в конце Нового времени в основном ушли в тень, но они как сила никуда не исчезли. И никуда не ушла она сама, эта память. Иррациональная и невидимая Память-1 как ядро ментального целого все так же удерживает единство огромных масс людей, руководит их поведением в моменты выбора и принятия судьбоносных решений. Это, кстати, и есть то, чего наши рапин-модернизаторы не понимают, когда переносят нечто «очевидное» для них с запада в Россию. Для них ведь то, чего не видно, того и нету. Им Макса Вебера может и преподавали, но усвоили они из него только понятие «бюрократии». А влияние протестантской этики на становление и сегодняшнее состояние западного мира – это для них несущественно. Несущественный такой себе фундамент той цивилизации.

С этим противоречием «не того» фундамента и «правильной» надстройки много веков боролись в Российской империи. Петр Первый начал с шести сподвижников, а сегодня пропорция неведомо какая. Хорошо бы померять.

Машиной из людей управляет формальный «управляющий» (менеджер). Это особое «место» в функциональной структуре организации, которое иногда называют ЛПР (лицо, принимающее решения). ЛПР работает в основном на рациональном уровне, применяет разумные идеи (среди них и теоретические), руководствуется установленными процедурами и здравым смыслом. Это рациональный уровень, Разум (Ум), отнюдь не сводится к науке: сюда относятся все разновидности Ума-Разума. Это особая тема.

Управляющий заменим по принципу, поскольку это место водителя в машине. Место ЛПР в организации всегда остается, наполнение человеческим материалом периодически меняется. Поэтому западные президенты спокойно воспринимают свое пребывание на постах как временное. А чем более традиционное общество, с развитой Памятью-1, тем больше в нем стремление к увеличению срока пребывания на посту и «пожизненному найму» таких гос-топ-менеджеров. Как в Италии и так далее.

Управление в группах-организмах осуществляется через чувства и потоком образов. Тут работают невербальные каналы коммуникации. Носитель здесь –

имидж, образный мессидж. Примером такой коммуникации является все, чем оперируют церкви, политические партии и брэндинг.

Управление в машинах из людей – знаковое по форме. Его еще называют «семиотическим управлением». Здесь работают вербальные языки; по форме это буква (слово), число (цифра) и иконический знак (типа лого).

В теориях менеджмента различение организма и организации присутствует, хотя и под другими названиями. Например: организационная культура и рациональная организация (исследование систем управления). Но фиксируется это разделение эмпирически – так есть. Мы же выводим его из структуры общества, что влечет за собой многое чего сопутствующего.

Организация и организм – основа двух типов памяти

Из схемы общества, которую мы обсудили, явствует, что в общественных системах есть люди и техника (состав), а организованы эти два компонента двумя способами: организменным и машинным.

Организменный тип – это тип организованности людей на основе эгрегора (группа; устойчивая группа, обладающая собственным поведением).

Машинный тип организованности людей и техники носит название «организация» (машина).

Соответственно мы имеем два типа памяти в обществе. Они отдельны и она же взаимосвязаны.

Тип Память-1

Группа – это сообщество людей, объединенных иррационально, на уровне подсознания. Поведение группы напоминает поведение природного организма. Это естественные программы типа рефлексов, где *внутренним образом записан некий коллективный опыт группы*. Здесь, в эгрегориальной области, дислоцирована **коллективная «Память 1»**, которую мы в большинстве называем «интуицией». Чем она является на самом деле, ответить можно только гипо-

тетически, но ее наличие можно тестировать, с нею можно иррационально взаимодействовать. И мы делаем это постоянно, хотя и неосознано.

В основе соединения людей здесь лежит коммуникационная пара деятельности: коммуникация + ценностная ориентация, хотя я не считаю эти названия Кагана удачными. В человеке это имеет опору в паре его состава: Душа + Воля. Воздействие на Душу человека происходит через образы (имиджи), целью воздействия является программирование поведения человека. Запись программ происходит за счет потока образов. Из четверки ценностей здесь связаны Красота и Добро (горизонтальная связка).

Что характерно, все описанное работает только в настоящем времени, здесь и сейчас. Подключение к банку памяти-1 происходит в процессе социализации очень рано, или не происходит вообще (реальные «маугли»).

Тип Память-2

Машина из людей строится рационально, на уровне сознания. Это сознательная организованность людей. «Поведение» машины искусственное (не естественное), поэтому его нужно проектировать и здесь человек выступает как проводник разума (см. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности). Такое поведение невозможно без культуры с участием техники, где сконцентрирован и *внешним образом* записан опыт деятельности организации. Здесь дислоцирована «память 2», которая нуждается в постоянной актуализации: это понятия «амбар» и «арсенал» деятельности.

Из четверки ценностей здесь связаны Истина и Польза. В ракурсе деятельностином – это связь Познания (производство идей) и Материального преобразования (производство вещей). В человеке эта конструкция имеет опору на два блока: Разум и Тело (Сома). Данная связка – вертикальная.

Во времени Разум оперирует с будущим, а Тело уже есть, т.е. оно априори связано с прошлым. Таким образом, это удивительная парная конструкция типа конденсатора: связанность будущего с прошлым.

Симулякры как имитация второго контура

Политика, религия и брэндинг – по принципу организменный тип управления. Так общество ориентируется на отдельных «лидеров влияния», медитативно определяющих и аккумулирующих колебания «общественного мнения» – эгрегора, его ценностные и поведенческие стереотипы. Это контур – чувственный и ценностный. Способ работы в нем: медитация и прочие способы удерживать подключенность к своему эгрегору.

Но в истории XX века такие ресурсы воздействия постоянно подминаются и подменяются вторым, рациональным типом управления, сопровождаемым рационально спроектированной массированной пропагандой и пиаром. Так возникает перекошенный тип одноконтурного управления с рациональной имитацией чувственного контура.

Нынешнее западное общество есть по большей части совокупность *симуляков*. И сказать за это «спасибо» следует Д. Дьюи и прочим «рационализаторам» цивилизации. Сегодня под симулякром, по-бодрийяровски, понимают «изображение без оригинала, презентация чего-то, что на самом деле не существует». Например, нет веры, но все демонстрируют походами в церковь ее наличие. Нет демократии, но есть убедительная политическая пиар-картинка. Нет любви, но суют под нос сплошной секс, хоть в Интернет не заходи. И т.д.

Итогом одноконтурного управления стала имитация политики (и демократии), а также религии (в основе которой лежит вера) за счет идеологии и брэндинга. Эта имитация была видна даже при явной диктатуре Сталина и Гитлера. Формальный лидер здесь присваивает себе свойства и лидера духовного, употребляя для этого всю мощь СМИ. И что мы видим в кинохронике: толпы визжат в истеричном восторге. Результат получен, можно строить и отправлять на фронт или на Великие Стройки.

Инструментальный рационализм

Откуда растут ноги всего этого?

Философский рационализм Нового времени в начале XX века превращается в прикладной и инструментальный, все больше проникая в гущу жизни. Лозунг *рационализации жизни* был выдвинут Джоном Дьюи. Мы до сих пор использу-

зум его установку: пора перейти от чисто философских проблем к решению человеческих.

Очень скоро этот подход приобрел очертания «научной организации труда». Сферой интересов прагматической науки первого периода стал *труд*, причем во всех возможных проявлениях, в первую очередь в промышленности и в самой науке. Ставилась задача сделать всякий труд более интенсивным и более продуктивным, и на этом поприще капитализм и социализм устроили настоящую гонку.

Технократический ум подходит к любой науке с *требованиями немедленного эффекта*. Из постановки задачи и рождаются разного рода техники. Например, **психотехники**, ориентированные исключительно на повышение производительности труда. От педагогики и медицины, своей недавней вотчины, психология отклонилась в сторону промышленности – возникла индустриальная психология, или “психотехника”. Ее базой стала экспериментальная и дифференциальная ветви психологии. Подобно всякой технической системе, человека начинают испытывать на прочность и выносливость: его тестируют и выясняют его параметры, его реакции и пороги ощущений, экспериментально изучают мышление и поведение человека в самых разных условиях. С помощью психотехники определялись такие важные параметры, как оптимальные пределы рабочего времени, понижение уровня аварийности, личная психофизиологическая предрасположенность человека к определенным профессиям и т.п. Со временем из этих поисков родились и современная эргономика, и инженерная психология, но в первый период это было нечто единое – психотехника.

Объективность, как основная ориентация новой психологии в данный период, привела к изменению доминанты: психология перешла от изучения *сознания* человека к изучению его *поведения*. Реализовалась линия работ Сеченова, и одно из направлений этой линии возникло уже на Западе.

В самой прагматичной стране мира – в США – рождается психологическая школа бихевиоризма. Ее лидер, Д.Б. Уотсон, сформулировал свои основные идеи еще в 1913 году: сознание не поддается изучению, но эмоции могут быть управляемы по заданной программе.

Как всякая новая научная модель, он поначалу страдал крайней упрощенностью и сводился к отношению “стимул – реакция”. Бихевиоризм ориентирован физиологически и в целом опирался на биологию: действие он сводил к уровню отражения физиологических раздражителей. Методология бихевиоризма – дифференцирующая, поскольку опирается на сумму отдельных актов поведения и на набор отдельных ощущений. Бихевиористы довели объективированность без применения категории “сознания” до некоторого логического предела. “Дикий” бихевиоризм впоследствии обвинят в сциентистском презрении к обыденным представлениям и в антигуманности. Акцентирование биологизма в нем нередко, действительно, устранило человека.

Это течение в науке много раз модифицировалось, но никогда не меняло своей первоначальной смысловой и методологической основы.

Ну и так далее, это длинный разговор, хотя и по теме.

Заключение

Ресурсы Памяти-1 и Памяти-2 разные. Если это понимать, то нужно переходить от идиотизма сплошного рационалистического преподавания по знаниям и техникам (компетенциям и тра-ля-ля) в первую очередь к выражению участника группы: отца семейства, гражданина страны, патриота своего края и т.д. А у нас все это сведено к знаниям и еще раз знаниям, вызывающим отторжение своей пустотой.

Когда тебе преподают какую-нибудь «историю местного предпринимательства» и тебе надо зазубрить кучу дат и фамилий, а потом сдать это бывшему полковнику наподобие устава строевой службы, начинаешь тихо ненавидеть этот тупой регион, поскольку при всей своей пышной «истории» – вот он, лежит в руинах. И тебе в нем предлагают жить? Да пошли они! У нас пока границы открыты и выезд становится все свободнее. Ну пересядут все на чужие симулякры, и что получим в итоге? Историю, которую удавили рациональной петлей.

2.3. НА ПУТИ К МАНИПУЛЯТИВНОМУ ОБЩЕСТВУ

Манипулятивное общество отличается от неманипулятивного своей проективностью. Различие здесь касается искусственного и естественного. **Искусственное проективно. Искусственное воспринимается как манипуляция.**

В чистом виде «естественное» развитие общества присуще разве что первобытности и, может быть, началу античности (хотя это сомнительно). Вся прочая история характеризуется постепенным *нарастанием проективности и ослаблением «естественности»*. Апогея этот процесс достигает в XX веке. Это, конечно, еще не чисто проектное общество, но оно идет в данном направлении.

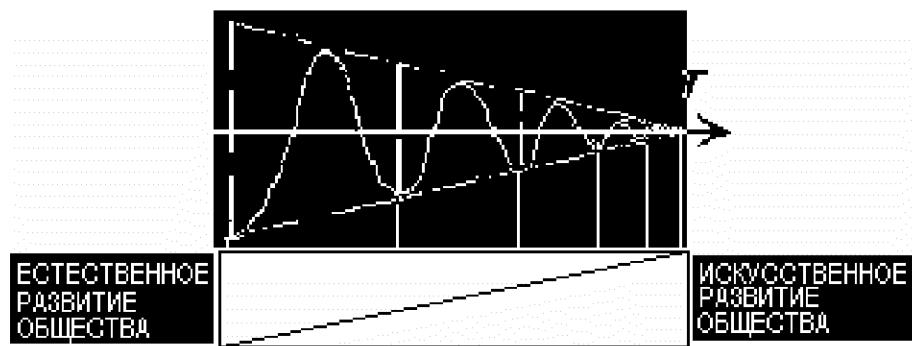

Рис. 1. Движение истории от Е-типа к И-типу.

Подобный взгляд очень близок к технократизму. Поскольку (вспомним основные позиции теории социума) он выражается как связка Истины и Пользы.

Единственная «естественная» программа – программа менталитета. Парadox состоит в том, что именно она и порождает проектный менталитет.

1. Идейные основы «проектного общества»

Эмпиризм и инструментальный рационализм

Европейский менталитет Нового времени можно назвать панлогическим. Основная тема всей классической европейской философии – материализм и идеализм, отвечающие на вопросы о сущности и строении разума и почти тождественного ему мира (параллелизм бытия и познания). Но от первоначальной объективной логики и рационалистического панлогизма, в котором даже история выступала как

осуществленная Логика, объективизм неизбежно двигался к двум своим противоположностям: к *субъективному идеализму и материализму* [15].

Так что, если задаться вопросом, куда двигалась философия XIX века после Г. Гегеля, ответ будет однозначным – и он обусловлен данной исторической циклической логикой: философия двигалась к Ф. Ницше, к его абсолютной отдельности личности от общества и мира. Предельным выражением ее в университетских кругах консервативной Англии стали разного рода учения абсолютного и субъективного идеализма (Мак-Таггар, Ф. Бредли и т.д.). Их суть (отдельность, квантированность человека) совпадала с ницшеанством, но имела менее эпатирующую форму выражения.

Полной противоположностью этому становится «доктрина радикального эмпиризма» психолога и философа У. Джемса [100]. Она по установкам, да и по названию мало отличается от эмпириомонизма нашего соотечественника А.А. Богданова [46]. Возникли они параллельно и независимо друг от друга. Но вот причины возникновения, кроме ментальных, у них общие: наступившая в XX веке маргинализация российского общества и исходная маргинальность, акультурность общества американского.

В центре данного учения находится понятие «чистого опыта», своеобразного материала деятельности, из которого состоит мир. Это понятие ***снимает противопоставленность субъекта и объекта*** и устраняет необходимость обсуждать скользкие вопросы существования души и сознания, противопоставленность духа и материи и т.д. По сути, У. Джемс провел операцию *сведения пары к единичному*, которую потом повторят новые рационалисты [126], с их «нейтральной субстанцией», – ничем не отличимой от того единого, что получил Джемс. При таком подходе (много раз повторявшемся в истории) все остальное становится *модусами* этого единичного и единственного, а взаимоотношения однородных модусов и разнородных парных конструкций сильно различаются. Опыт есть там, где есть жизнь, и этот «непосредственный жизненный поток» весьма похож на бергсоновский, что и позволяет протягивать нити от pragmatизма к экзистенциализму.

Прагматизм, по У. Джемсу, равен истине, но поле интересов этого исследователя – религия и мораль – не давало нужного эффекта всеобщности [100]. Два других поборника прагматизма, Шиллер и Дьюи, с лихвой восполнили этот недостаток. Следует заметить, что соотношение Истины с тремя остальными типами ценности и составляет основную коллизию философской истории XX века. Джемса весьма интересовал ракурс «Истина + Добро» (он даже свел Истину до одной из разновидностей Добра), хотя тут же он отчетливо зафиксировал, что на поиски истины нас направляет выгода (Истина + Польза; истина = польза + удобство + выгода). Как констатирует логик и историк философии Б. Рассел, в итоге мы получаем попытку «игнорировать все факты вне человека» и «одну из форм субъективистского сумасшествия», потому что У. Джемс свел опыт к «потоку сознания».

Американский прагматизм стал едва ли не первой школой на новом континенте, в которой отобразился и самовыразился менталитет этой новой историко-общности. По Д. Дьюи, впервые принцип прагматизма сформулировал Чарльз Пирс [272-273], он же ввел и такие важные термины, как «синехизм» (принцип непрерывности) и «актуальное сомнение», запускающее мышление.

Ключевая фигура эмпиризма в ипостаси инструментального рационализма – Джон Дьюи.

Прежде всего Дьюи проводит целенаправленное разрушение предыдущего «философского фундаментализма»: опыт у него не имеет оснований, привычных, по Аристотелю, «первоначал». Понятие опыта он неимоверно расширяет: от «потока сознания» до всего (все есть опыт, и опыт есть все). В понятие опыта Дьюи включает как чувственный, так и сверхчувственный, как моральный, так и эстетический, как религиозный, так и культурный, как личный, так и социальный его проявления. Опыт у него – это все: жизнь и все типы взаимоотношений человека с природой, включая и саму природу. Кроме того, Дьюи последовательно выступает против любых жестких границ между чем бы то ни было, потому что опыт един и все в нем перетекает. Прагматическая и эмпирическая ориентация Дьюи меняет даже цель философии – теперь она должна не только «вести нас от

одной части опыта к другой», но и служить человеку и помогать ему *двигаться в потоке опыта к его личным целям*. Таким образом, Истина в этой философии впервые стала *орудием*. Дальше оставалось только найти технологию превращения ее в новую дубинку.

Дьюи успешно решает эту задачу, путем преобразования и реконструкции самого опыта. Глобальность и тотальность у него почти большевистская: речь идет о *систематическом совершенствовании опыта во всех сферах человеческой деятельности*, улучшении этого несовершенного мира. Недаром книги Дьюи активно издавались в советской стране, пока он сам не попал в немилость к Сталину за историю с Троцким. Кстати, именно Дьюи принадлежит идея «трудовых армий», которую реализовал Stalin и которую приписывают Троцкому.

Для реализации своих грандиозных целей Дьюи предложил новую концепцию образования (которое он понимал как инструмент изменения социума), она оказала большое влияние и на раннюю советскую школу. Но изменением социума он ограничиваться не хотел: ему нужно было изменить «весь опыт». Если употребить сегодняшние термины, то можно сказать: он предлагал произвести *онаучивание* всех видов и проявлений деятельности, но наукой – в его понимании. И первое, с чего он начал, – реконструкция самой науки, в которой он попытался осуществить *логическую реконструкцию научного метода*. Все его работы, которые он смело называл «экспериментальной логикой», на деле не имели никакого отношения к философии и логике в обычном понимании. Термин «логика» Дьюи использовал для обозначения *своего понимания* процесса познания – это попытка описать и прояснить *процесс приобретения знания и его функционирования в опыте*. Прагматический инструментализм в его терминологии и стал единственным возможным «научным методом» (методом разума), как ранее для О. Конта – его позитивизм. Экспериментальным метод Дьюи становится постольку, поскольку при внедрении испытывает «сопротивление материала». Кроме того, «опыт всегда содержит риск», и в этом утверждении узнается американский стиль.

В модели познания Дьюи приходит к платонизму. На место платоновского мира идей он ставит «эпистеме» (мир подлинного знания), а на место мира вещей – «докса» (мнения, недостоверные знания). Это приводит к разделению не только всех людей на два типа, но и всей философии, мировоззрения – на *идеализм* и *материализм*. Понятное дело, что плоралистическая демократия такую устарелую раздвоенность отбрасывает за ненадобностью. Характерно, что Дьюи ориентирован не только на плорализм, но и на релятивизм, трактуемый как постоянный поиск. Ввиду своей ориентации он считает тщетными все попытки найти некие неизменные сущности. Неизменностью не обладает и человеческая природа: она пластична, как вся Вселенная.

Роль знания, с его точки зрения, состоит в приспособлении к среде, в решении практических задач деятельности. Следовательно, понятия, системы понятий и теории являются орудиями и имеют только инструментальное значение. Истина для прагматика состоит в успешности применения знания. Чисто теоретическая *потребность человека в познании* (по-русски, *правда*) переходит в разряд незначимых отклонений от этой основной линии, хотя и существует в жизни, что с удивлением признает Дьюи.

Дьюи принадлежат несомненные заслуги в теории проектирования. Он сформулировал понятие «проблематической ситуации», впоследствии просто *ситуации*. Этот искатель разработал стратегию снятия неопределенности, переживаемую как «ликвидация затруднений». Истина полезна не вообще, а для решения конкретной ситуации – вот почему Дьюи стремится заменить термин «истина» выражением «обоснованная гарантированная утверждаемость». Ему принадлежит формулировка основных способов трансформации неопределенной (проблемы) ситуации в определенную. Определенность является собой новую реальность, возникшую как итог исследования, а в ходе ее создания меняются и объект, и субъект исследования. Познание изменяет экзистенцию предмета – это принципиальная философская установка прагматизма.

В целом Дьюи добился того, что в США восприняли и приняли его идеологию. Внедрение науки в те сферы жизни, где раньше она и не предполагалась,

стало своего рода традицией. Это оказало колоссальное и все еще не отрефлектированное влияние не только на становление научно-технической революции (НТР), но и на всю сферу жизни социума, включая мораль и сферу образования. Последователям Дьюи стоит напомнить одну его мысль: не следует ставить отвлеченные цели и выдвигать абстрактные идеалы – они непременно превратятся в тотальный абсолют, который приведет к насилию и подчинению человека. Ирония истории состоит в том, что таким тотальным абсолютом со временем стало само учение Дьюи, а сама эта трансформация не раз происходила и с его последователями.

В XX веке в течение тридцати лет был создан *общественный механизм манипуляции личным сознанием*. Поначалу он имел два ярко выраженных варианта: вариант тоталитарной идеологической машины СССР, Германии и ее блока. Позже возник американский вариант, задуманный и развернутый в период холодной войны.

Эти два характерных проявления очень многое объясняют в истории XX века. Во-первых, впервые была создана на уровне государства машина агитации и пропаганды, если говорить шире, – брутальная машина знакового управления массовым и индивидуальным сознанием. Ее суть – в следующем: на место долговременных (длинноцикловых) ментальных конструкций были подставлены краткосрочные идеологемы (короткопериодные образования, в основание которых ложились «вечные» теории К. Маркса и Е. Блаватской). В основном эта машина была ориентирована на действие, направленное вовнутрь общества, – на создание «монолитного социума», что в значительной мере удалось нескольким тоталитарным системам на Земле, но на разные временные отрезки. После демонстрации ее успешных действий на исторической арене родилась и американская программа «промывания мозгов» и «информационного империализма». Она уже была направлена и вовнутрь и вовне. Внутренние варианты скорее дополняли традиционные механизмы сплочения социума, в основном – религиозно-нравственные и рекламно-политические. Характерно, что первоначальная попытка американцев (Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности,

«маккартизм») была не менее грубой, чем сталинская, и вызвала в итоге отторжение у атомарного американского общества. С тех пор механизмы манипуляции стали гораздо тоньше, но демократия оказалась на деле такой же незащищенной в этой сфере, как и тоталитарные режимы.

Идеология семиотического управления обществом начала фигурировать в литературе в 60-е годы, хотя корни ее в 20-х (Л.С. Выготский). Если говорить о нашей стране, то можно подчеркнуть: политическая система применяла ее как единожды запущенную (с постоянными модификациями, но чисто формального толка, в связи с чем уже в 70-е годы она содержательно «выдохлась» и приобрела явно декоративные и самопародийные качества). Наряду с существованием этой *официальной системы* в научной среде возникает несанкционированная рефлексия по поводу возможностей семиотического управления обществом. Она оформляется в идеологию все того же, «инструментального, рационализма», явно идущую от Дьюи и подобных тенденций западной философии XX века, и существует поначалу в форме исследовательской программы, пропускающей через себя естественные и общественные науки с целью извлечения идеального «инструментария, и еще раз инструментария». Очень скоро сугубо *инструментальная специфика* в этом течении полностью вытеснила научную. Цель была зафиксирована изначально однозначно: *управление мышлением через разработку средств*. Основная концептуальная вертикальная схема «мышление – коммуникация – деятельность» близка к линии *коммуникативной рациональности*, развитой в Германии Ю. Хабермасом [333-334].

Два характерных лозунга современного проектирования: «проектируется не «что», проектируется **«как»**, из чего и получается «что», «будущее творится в мысли». Проектирование было выдвинуто в качестве ведущей формы, что стало уже вторым приступом проектivism на нашей советской почве, если считать «жизнестроение» 20-х.

Мы считаем проектирование наиболее актуальной деятельностью в третьем тысячелетии, но только исходя из *идеи необходимости управления социоприродной эволюцией*. Вместе с тем все иные разновидности деятельности по

построению картин будущего (прогнозирование) и будущетворению (прожектирование) мы выводим не только из недр рационализма. Точно так же и деятельность управленческая (планирование, программирование и т.д.) понимается нами значительно шире описанного здесь технократического варианта.

Поскольку Д. Дьюи в рамках своего учения все-таки *решал моральные проблемы* для индивидуалистического американского общества с другим менталитетом, его этические выводы, переносимые на другую почву, способны вызвать лишь разрушение чужих ментальных основ. Именно это мы и наблюдаем сегодня в процессе реставрации капитализма в России.

Нарисованная здесь историческая картина проблемы инструментального рационализма имеет свою историческую логику. Важным последствием обозначенного разделения внутри самого инструментального рационализма стало появление специального блока *знания о методах*, знания, отвечающего на вопросы: как и каким образом? По своему предназначению это – *знание для деятельности*. Если отбросить вписанность деятельности в социум и ее обусловленность менталитетом и общественными отношениями, то можно прийти к выводу, что этому направлению более не нужна философия (поскольку оно не мировоззренческое), ему нет нужды быть знанием об объектах (поскольку оно есть «знание только о методах») и т.п. Такое инвариантное инструментальное знание самообособляется и порождает саморефлексию в виде идеологии и практики методологизма. Выступая как экспансионистская ветка инструментального рационализма (где онтология и гносеология на первых этапах что-то значили), знание о методах активно пропускает через свой фильтр всю человеческую деятельность с той же целью, которую провозгласил Дьюи, – с целью роста эффективности и интенсивности. При этом оно использует все те же, научные, начала и методы: квантирует, комбинирует, конструирует знание и т.д. Это знание еще в 20-х годах освоило проектное начало и наиболее впечатляющих успехов добилось в области социального управления, особенно в СССР. Но ускоренная технологизация и интенсификация всех процессов в обществе оборачивается прежде всего против человека, и это было отмечено Э. Тоффлером [310] почти треть века назад.

2. Тоталитаризм и посттоталитаризм

2.1. Тоталитаризм как архаическая фаза проективности

Тоталитаризм есть прямое подавление множественности единичностью, причем с применением силы. Его цементирует идеология. И это (рациональность + массовость) – лучший признак его архаичности. Перед нами – первая фаза, например, проектного XX века. Под тоталитаризмом понимают предельно массовую и жестокую форму античеловеческой направленности структур социального управления.

Тоталитаризм использует прием проектного «обращивания» любых ценностей на достижение своих целей. Прогрессивные и самые что ни на есть гуманистические идеи в тоталитарном проекте служат в качестве инструментов античеловеческих действий. Это заставляет задуматься: так ли уж они универсальны, и не являлись ли сами эти идеи более ранним проектным подспорьем других проектировщиков? Похоже, это так, поскольку идея прогресса послужила колонизации мира в Новом времени, а идея гуманизма – гедонистической ориентированности западной культуры.

2.2. Нетоталитарная манипуляция сознанием

До пробуждения народа нет манипуляции, а есть тотальное подавление. Пока угнетенные полностью задавлены действительностью, нет необходимости манипулировать ими. Фрайе

Как работает тоталитарная машина, мы показали в сборнике статей «Понимание времени» [12]. И кроме того об этом написано в последние годы так много, что просто и добавить нечего. Поэтому сразу переходим на шаг вперед.

Момент исчерпания идеологии социализма был исключительно удобен для внедрения у нас тех механизмов, которые давно отработаны на Западе и известны как *механизмы манипуляции сознанием в демократическом обществе*. Вот уже полтора десятилетия у нас отчетливо просматриваются все признаки этого нарождающегося явления. Механика машины манипуляции сознанием так же

проста, как и изощрена. Зато очень разнообразны и становятся все более тонкими и всепроникающими ее механизмы и инструменты [374].

Целью манипуляции является достижение пассивности людей. Нет, это не пассивность, похожая на спячку зимних животных, которой мы были поражены в брежневские времена. Это – **принципиальная пассивность выбора своего пути в истории**, которая стоит на перемещении доминанты в человеке: это – активное потребление + пассивность выбора пути (желудки подданных должны быть полны, а головы пусты). У американцев, немцев, датчан и так далее мы встречаем сегодня исключительную настороженность к любым попыткам изменить что-то в этом мире. Перед нами уже достигнутый результат работы машины манипулирования сознанием.

Вот как описывает ее составные части американский профессор Г. Шиллер: «Манипуляция разумом человека есть средство его порабощения». В его работе «Манипуляторы сознанием» сквозят характерные мифы 60-70-х годов XX века, скажем – миф о науке. Но даже с учетом появления множества подобных публикаций на эту тему у нас (например известный политолог С.Г. Кара-Мурза выпустил книгу на отечественном материале и фактически с тем же названием), его подход остается актуальным – в силу простоты. Сказанное им вполне подходит к нам и нашему сегодняшнему состоянию общества.

Почему так? Потому что третьего типа управления массами пока нет в истории: или тиария, или манипуляция. Например в сегодняшнем дне последнюю тенденцию подтверждает массовое распространение психотехнологий [276].

ОСНОВНЫЕ МИФЫ МАНИПУЛЯТИВНОГО ОБЩЕСТВА

Шиллер раскрывает **пять основных мифов**, на которых держится эта система. Они тем более интересны, что почти впрямую воспроизводились в требованиях наших правых. Один раз в истории они даже были реализованы наивным идеалистом С. Альянде; в результате внедрения в жизнь этих принципов он был свергнут и убит. И впереди, видимо, еще не одна демократическая революция, которая пойдет в пасть этому удаву сама. Кратко рассмотрим набор этих мифов.

МИФ ОБ ИНДИВИДУАЛИЗМЕ И ЛИЧНОМ ВЫБОРЕ

В его основе – простенькая подтасовка. Свобода – понятие сугубо личное. Индивидуальные права выше групповых.

Миф опирается на седую древность капитализма, период первоначального накопления капитала и «открытой конкуренции» единичных предпринимателей, которая сама по себе миф, удобный для вестерна. Здесь *личный выбор как бы отождествляется со свободой человека* вообще. Интересно, что от этого останется, когда лично свободные люди осознают, что это они породили всеобщую экологическую катастрофу и что в 2000 году миром уже правят 200 транснациональных корпораций, по сути, кланов.

У частной собственности большие резервы, но это не имеет никакого отношения к личной свободе в мире, где все зависят от всех. Однако, когда тебе говорят, что у тебя есть свобода выбора, и ты чувствуешь ее, выбирая товары и услуги, – это соблазнительно. Но ненадолго, пока не привыкнешь.

МИФ О НЕЙТРАЛИТЕТЕ СИСТЕМЫ

Люди должны верить, что правительство, наука, образование, средства массовой информации не вмешиваются в борьбу социальных сил. В США центральное место в этом мифе принадлежит федеральному правительству. Конгресс, суд и Президент традиционно вне критики. Если и обнаруживаются скандалы и подкуп, то это только из-за личных слабостей нехороших людей. Сама система – вне подозрений.

Последнее время скандальность президентов мало что оставляет от первой части этого мифа. Но все понимают, что публичное опознание Моникой Левински чего-то там у президента лучшая ему реклама. Она не нарушает основ мифа. На это работают даже анекдоты, и вот один из них. Американских женщин опросили, хотели бы они переспать с президентом Биллом Клинтоном? И 73 % ответили: «Как, опять?».

Все средства массовой информации являются деловыми предприятиями, торгающими своим временем и своими полосами. Интересно, как в таких усло-

виях миф об их беспристрастности может держаться так долго? Для этого есть две уловки: исключительно быстрый способ доставки информации и непрерывность идущего потока сенсационной информации. Быстрота иногда доходит до анекдота: известен случай с журналистом, который по наводке информаторов оказался на месте преступления до совершения убийства, в связи с чем и был привлечен как подозреваемый. О плотности информационного потока и говорить не приходится: конкуренция привела к тому, что материалы читать и смотреть очень интересно, все время интересно, бесконечно интересно. Каждая публикация или новость – маленькая или большая сенсация. И так вы барахтаетесь в этом несущемся потоке с рождения до смерти. Времени рефлектировать в подобной ситуации у человека просто нет. А если он попытается соединить все увиденное и услышанное в какую-то картину мира, то у него получится... мозаика.

Достаточно образованные американцы толком не знают, кто и с кем воевал во вторую мировую войну: это – результат манипуляции, известный по социологическим опросам. Информация о нападении Израиля на ОАР в средствах массовой информации была подана так, что через неделю-другую до большинства американцев дошло, что это евреи напали на арабов, а не наоборот. И таких примеров – множество, хотя суть не в примерах. Давайте примерим это на себя: постоянно растет сенсационность нашей прессы, и эту машину уже не остановить. Популярные телепередачи по форме кальки с аналогичной западной телепродукции. Это остро-сенсационные передачи, и в каждом выпуске вы видите новейшие сенсации. Центру подражают на периферии, и все передачи стремятся к поднятию своего рейтинга. Ну как? Большинству это должно понравиться, ведь щелкать ручкой или жать на кнопки означает реализовывать свой личный выбор. Советский телевизор можно было только выключить: не любо – не смотри, – а здесь не выключишь, смотри все, что любо. Мы с вами уже потенциально готовы не думать, мы готовый материал для все более глубокого манипулирования.

МИФ О НЕЗАВИСИМОСТИ НАУКИ

У нас в стране с ним проблемы. Поскольку наука вся была государственной, она даже при очень большом желании и по сей день не может продать себя. А представить себе нигде (!) не работающего и преуспевающего ученого мы пока просто не способны. Между тем в мире таковыми являются многие элитарные учёные.

Раздающиеся сегодня требования раздробить народное образование на множество форм и изгнать из него всякую идеологию – из той же серии. Можно подумать, что идеология индивидуализма – это не идеология. Еще какая идеология! К тому же она удобна для управления, ибо любой клерк до смерти будет жить «великой американской мечтой»: вдруг повезет – и станешь Рокфеллером. Представляете, это при наличии-то 200 мировых корпораций, давно поделивших мир. Надо думать, они потеснятся?

ВСЕ КОНФЛИКТЫ ЗАЛОЖЕНЫ В ПРИРОДЕ ЧЕЛОВЕКА

Когда на коммунальной кухне отношения обостряются до взаимных угроз, начинаешь думать, что поставить человека в такие скотские условия – это лучший способ убедить его, что он родился свиньей. Но, в отличие от тех западных философов, которые говорят, что в природе человека – быть агрессивным, мы-то понимаем, что подобные условия являются испытаниями даже для самой доброй души. В очередях люди вели себя так, будто напились «озверина» кота Леопольда. Природная агрессивность? Но почему-то она не обнаруживается в полупустых супермаркетах.

И как это еще у нас не появился свой теоретик – объяснитель наших неурядиц, исходя из теории природной агрессивности. Его как раз не хватает для полного счастья.

МИФ ОБ ОТСУТСТВИИ СОЦИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ

Когда у нас по телевизору говорят, что в какой-либо западной стране опять урезают средства на социальные программы, мы узнаем, какие колossalные вло-

жения, оказывается, делались и делаются правительствами в социальную политику. Все без исключения социальные программы направлены на то, чтобы стабилизировать общество и успокоить недовольных, будь это даже третья пятая часть населения. Поэтому там безработные живут не так уж плохо и получают порой побольше некоторых наших квалифицированных работающих.

При всем том, что средства массовой информации переполнены сценами насилия (это вызывает беспокойство у психологов, но не у правительств), вы не встретите в них никаких социальных конфликтов. Конфликты всегда или личностные (плохой – хороший, герой – злодей, наши ребята – бандиты), или мелкогрупповые (забастовка, где не поладили профсоюз и предприниматель). Есть один классический пример в истории телевидения: во время студенческих волнений 1968 года в Париже в прямую трансляцию вводили актеров, которые тоже дрались с полицией, а потом начинали хохмить, и все на экране кончалось не кровью, а дурашливым милым студенческим карнавалом. Погибших тоже показывали, но из контекста было ясно, что эти ребята просто перебрали, вошли в раж и пострадали по своей глупости. Способов изменения акцентов действительности у искусства много.

Наши средства массового оболванивания в этом мало отличаются от западных. Надо ж было додуматься, чтобы сценарии фильмов о милиции утверждало Министерство внутренних дел, а сценарии об авиакатастрофах – Министерство гражданской авиации. Мы все выросли на этой манипуляции и на розовых образах следователей. Теперь в газетах можно прочесть, что тогда творилось, – и волосы дыбом встают. Подобная вольготность монополизма и не снилась «Кока-коле», которая долго и скрытно боролась против выпуска фильма о кочующем сборщике фруктов во Флориде. И стоило компании Си-Би-Эс его показать, как она лишилась рекламы. Вот и мы идем от прямого диктата наших монополий к новому диктату: посмотрите, сколько рекламы, рекламы, рекламы! А сколько еще будет!

МИФ О ПЛЮРАЛИЗМЕ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Этот последний миф начинает насаждаться и бурно прорастать и у нас. Подтянется немного экономика – и разнообразие изданий захлестнет страну. Разнообразие привлекательно – вот как подскочил тираж наших журналов! Разнообразие! Выбор! Выбор, между прочим, такой же предмет манипуляции, как и все описанное выше. Ибо сказано: чем быстрее все меняется, тем вернее все остается неизменным. А. Моль выдвинул даже такой принцип: чтобы не менять содержания чего-либо, нужно до бесконечности менять его форму. Вот еще одна любопытная цитата: «За исключением довольно небольшой избранной части населения, которая знает, что ей нужно, и потому может воспользоваться массовым потоком информации, большинство американцев в основном, хотя и подсознательно, попадают в лишенную всякого выбора информационную ловушку».

Приведу цифры тридцатилетней давности, на которые нам и надо равняться сегодня: около 700 станций телевидения, 7000 радиостанций, около двух тысяч ежедневных многополосных газет, 200 фильмов в год – и все это только в США. Американское общество потребителей периодически обнаруживает то одно и то же мыло в шести разных упаковках, то одинаковые таблетки аспирина по разным ценам и для разных целей, то 12 рычагов на электронной электроплите (очень похожей на пульт космического корабля), которые ни к чему не подключены, – бутафория. Изобилие оберточек, то есть формы, а вернее – все той же бутафории, скрывает идентичность содержимого.

Если у вас будет время, проанализируйте основные темы, которые затрагивает наша многочисленная пресса. Перемывание косточек покойникам достигло апогея. Надо думать, что на этом фоне мы начнем говорить о принципах и стратегии нашего сегодня.

Растерянность перед будущим и всеобщий пессимизм основаны на раздробленном, мозаичном сознании. Люди сомневаются: то ли катастроф стало больше, то ли об этом впервые заговорили. В результате этих жутковатых сенсаций большинству хочется спрятать голову в песок, наподобие страуса. Как прикинешь, чем мы дышим (толком ничего не зная), что мы едим и пьем (а это толком никто не

меряет), чем мы рискуем, отправляясь в путь или сдавая детей на попечение педагогам, даже просто вечером прогуливаясь по улице, – так мороз по коже. Это же кошмар, граждане! Откуда же пассивность?

От незнания и русского «авось»: авось пронесет, не заболеем, не отравимся, не погибнем. Ибо что еще, кроме надежды, остается человеку, который не в силах соединить все факты в какую-либо закономерность и увидеть ее скорые результаты? Как говорят на Западе, чтобы стать знаменитым ученым, надо найти источник или всеобщего благоденствия, или всеобщей катастрофы. Мы тоже любим слушать про всеобщую экологическую катастрофу, озоновую дыру или чудо внушения по телевизору. А как же: или апокалипсис, или уж чудо. Думать персонально не обучены.

У человека всегда есть выбор: оставаться игрушкой манипуляции или становиться человеком в истории. Достаточно ее для начала осознать.

Но манипуляцию не только осознают учёные. Уже и у нас появились силы, которые не жалеют сил и средств для налаживания этого давно отработанного механизма демократической манипуляции. Следовательно, непременно появятся и силы, понимающие суть происходящего и пытающиеся бороться с этим.

* * *

Чтобы избежать превращения мира в однополярный и одномерный, индентифицированный и унифицированный, нужна предельно широкая переориентация в вопросах глобализации мира: онтологическая и методологическая, аксиологическая и гносеологическая.

Неманипулятивного общества в XX веке нет и не было. Вопрос в том, чья именно это «манипуляция» – работает это программа человечества, группы или личности.

Заключение

Аналогия того, что мы живем перед революцией, вызывает ряд ассоциаций.

Ничего из того, что было осознано в XX веке, не продвигает нас к пониманию истории и ее прогноза.

Попробуйте мысленно пообщаться с профессором из 1913 года, каким-нибудь ученым-прогностиком. Такой мысленный «разговор» не оставляет сомнений, что и он тогда мог в смысле прогноза почти все, что можем мы сегодня. Он все знал, но он не хотел понимать, что в лучшем случае у него впереди эмиграция или лагеря.

Разница между знанием и пониманием состоит в безличном и личностном отношении к одному и тому же.

Разговаривая с ним из будущего, мы с большой вероятностью уже знаем, как и где он погибнет. Нам известен случившийся вариант истории, а ему еще нет.

Но подумайте сами, стоит ли говорить ему про это? Разве можно предотвратить историю? Как он поступит, если будет знать наиболее вероятный вариант истории? Уедет в Австралию или в Америку? Возможность есть, если человеку есть что спасать. Но тогда ему поможет нечто более высокое, чем наша подсказка.

Пророчество – страшная моральная ответственность. Она личная. Знание безлично.

Смотреться в это зеркало жутковато. Точно так же кто-то смотрит на меня из моего будущего и все знает. Этот «кто-то», может быть, **я сам в рефлексии**. Таким образом, рефлексия есть один из способов видения будущего, не «проектирования», а прогноза. Такой прогноз построен на сверхсложности моего «я». Внутри Я есть иерархия, и эта иерархия содержит не только подсистемную «память о прошлом», но и надсистемную память о «будущем».

Интуиция – множество эволюционных слоев моего «я» *из прошлого*. Она дает мне опыт инстинкта.

Рефлексия – разновидность обращения к «памяти будущего». Вот различие: у А. Бергсона интуиция (сверхсложность) инстинкта противопоставлена разуму в его рациональной ипостаси. Такой разум, действительно, костили (поскольку в нем – мы). Рацио есть содержание повторяющегося, научный прогноз есть прогноз для всех. Он не избирательный.

Популярность массовой астрологии состоит в типологизации, более приближенной к личному, — как там сегодня удача, улыбается всем «скорпионам»? Наконец, можно заказать и свой личный гороскоп, если некуда деньги девать.

Внесоциальный опыт общения с будущим единственный. Душа моя — частица Бога. Потому я могу обращаться к «памяти Бога». Правда, это право я должен заслужить, и никакие ученые степени и прочие справки, что ты не дурак, тут не помогут. Путь есть, но он нелегок.

Уровней общения с надсистемой через себя самого человек может открыть столько, сколько окажется способен. И это — его единственная свобода. Он может проникнуть в такие дали будущего, относительно которых никто сегодня и помыслить не способен.

Ну и что ему с этим потом делать?

Часть 3. МЕНТОСФЕРА И КУЛЬТУРА

3.1. КОСМИЗМ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ БУДУЩЕГО

Иерархический ракурс бытия общества (социума)

Установление *системной иерархии* начинается с ряда: «надсистема – система – подсистема». По отношению к обществу чаще всего употребляется «органический» подход, поскольку общество живет, оно живое. Поэтому речь может идти о трех иерархически разных субъектах, которые также можно трактовать системно и иерархически:

- надсистемный субъект – *человеческий род* (все люди);
- системный субъект – *общество* (группа людей);
- подсистемный субъект – «я» (отдельный человек).

Отметим, что в XX веке ментально доминировал именно системный субъект – общество. Хотя два открытия начала ХХ века: *человечество* как надсистемный субъект и «я» (отдельный человек) как главный подсистемный субъект, были сделаны как раз в начале этого века. Речь идет прежде всего о западном экзистенциализме, опорой которого является атомарная *личность*, «бунтующий человек» А. Камю. Противоположностью этого подхода в философии начала ХХ века явился русский космизм, для которого субъектом становится *все человечество* как единое целое, существующее в глобально понимаемом хронотопе: во все времена, на всей Земле, без единого исключения. Этот надсистемный субъект был заявлен, но пока что даже не осмыслен толком.

Обозначить наличие этих трех субъектов важно уже потому, что само это иерархическое разведение порождает три разных культурологии, каждая по поводу своего субъекта. И главное состоит в том, что невозможно игнорировать их наличие и связанность, из какого бы уровня мы ни посмотрели.

Иерархический ракурс бытия культуры

Когда мы говорим о целом, наиболее адекватным способом представления социума является *органический*, а вот культуры – *системный*. Своебразным бампером между ними является функционализм, но только если не сводит его к системности: он содержит взгляд на общество как на организм и на культуру, как *функцию* этого организма. В органическом варианте культура общества связывается с совокупностью культур личностей. Их связанность дает нам ракурс понимания культуры как двустороннего канала связи: культура общества – культуремы – культура личности.

Системность как подход к исследованию культуры требует фиксации культуры как «системы», и отсюда уже можно разворачивать такие ракурсы как «состав», «структура», «упорядоченность», «цельность», «связность» и т.д.

Что касается раскрытия способов жизни культуры через набор *ее подсистем*, то здесь языком исследования чаще всего становится технико-технологическое описание, трактующее культуру как социальный механизм (*механизм*).

Анализ истории учений о культуре позволяет сделать вывод, что изучать культуру как целое можно в трех обозначенных предельных разновидностях. Эти подходы не исключают, а взаимодополняют друг друга, что дает нам основной набор взглядов на всю проблематику культуры. Их развертывание порождает только аспектные взгляды на культуру.

Уточним, что говоря о культуре, то есть, находясь в системном уровне, мы можем направлять свое внимание либо вверх по иерархии (и тогда фигурируют «функции», а общество понимается как организм), либо вниз по иерархии (и тогда фигурируют или отдельные люди и их культура, или «техники и технологии», исходящие из машинной трактовки культуры как социального механизма).

В более простом виде техника (и любая произведенная ею культурена) овеществлена. Но это лучше продемонстрировать изнутри более широкого ракурса.

Мы уже говорили о субъектности в связи с культурой. Если брать за основу аналогии с человеком, субъект может рассматриваться с позиции: Дух – Душа –

Тело. Приводя это к трем известным типам метаболизма, можно провести аналогии Духа (Логоса) с *информацией*, Тела (Сомы) с *веществом*, и Души (Жизни) с *энергией*.

Дух – (Логос) – Информация

Душа – (Жизнь) – Энергия

Тело – (Сома) – Вещество.

Это порождает три такие основные трактовки культуры:

- культура как проявление Духа (Гегель); культура как совокупность всеобщих архетипов (Юнг);
- культура как некая особая Душа (Шпенглер), живущая во времени; культура как трансляция социального опыта (), культура как коммуникация (Моль), и как общение (Леонтьев); культура как проявление аксиологических установок (Каган), культура как совокупность норм; культура как проявление деятельности (Зеленов), культура как технология (Дьюи, Гастев) и т.п.;
- культура как социальная вещественность, как Сома организма общества в смысле «второй природы», как набор культур, как набор памятников (Кребер); культура как техника и т.п.

Но поскольку в жизни культуры у нас участвуют три разных субъекта, то каждый из них можно описать в этом ракурсе. Возникает матрица из девяти компонентов, которая позволяет классифицировать уже гораздо большее количество теорий культуры:

	ДУХ	ДУША	СОМА
ЧЕЛОВЕЧЕСТВО	1	2	3
ОБЩЕСТВО	4	5	6
ЛИЧНОСТЬ	7	8	9

Заполнить эту матрицу разнообразием исторически разных «теорий культуры» не так уж сложно.

Например, Гегель говорит о духе человечества, Шпенглер – о душе общества, Кребер – о культурной «соме» неких сообществ. Древние греки, говоря о гармоническом развитии человека, называли все три составляющие: и Дух, и

Душу и Тело. Ту же тройку по отношению к человечеству обозначили русские космисты, в том числе и современные: Ноосфера – Ментосфера – Техносфера и Антропосфера. Напомним, что для космистов начала XX века именно преобразование соматики Человека куда важнее, чем все достижения техники. И вот почему: общественную соматику можно свести ко второй природе, она и эволюционирует в истории общества, а соматику очень разного человечества уже нельзя. Есть тут же и такой непростой ракурс как возможность личности управлять сомой при помощи воли (сил Души), а душой – при помощи Духа. Например, все чудеса системы Норбекова строятся на возможность личности управлять сомой при помощи воли (сил Души, подсознания и т.д.). А когда Христос говорит – верой сдвигаются горы, верующему и вода твердь, то перед нами возможности личности управлять не только своей сомой, но и миром внешним; а это означает, что настоящая сила – в Духе. Рационалисты подставили на место Духа Разум и многих чудес достигли в преобразовании внешнего мира. Но тогда возникает вопрос: это все, или Дух шире Разума?

Парадоксально то, что крайности (человек и человечество) как-то подозрительно сходятся на человеке. Образование единого человечества у космистов связывается с бессмертием Человека и его новыми свойствами. Общество и его абиотическая техника – временный вариант существования?

Упрощенно это матрица «типы метаболизма – иерархия социальной общности». В человеке и человечестве (как диалектической паре) мы имеем исторические пределы: человек как результат антропогенеза и как начало общественной истории и – антропокосмизм как ее предполагаемое окончание. Тогда «культура» в истории преимущественно связана с «обществом», что соответствует действительном положению дел в современной культурологии. Но наш подход шире: он раскрывает путь в культурологию будущего, а не только прошлого и настоящего.

Наука смотрит на мир глазами общества, ее инструментом всегда была логика. Есть у общества и душа, которую мы называем, например, менталитетом этого общества. И все это соединяется в общественной соматике (техника и созданная ею вторая природа).

Экзистенциализм смотрит на мир через глаза человека и инструментом нашей экзистенциальности является герменевтика.

Личность также обладает уникальной ментальностью, как и сомой.

А вот посмотреть на мир *через доминанту человечества* мы пока вряд ли можем: ни логики такой нет, ни герменевтики, ни соматики. Зато есть проблема их синтеза и она – важнейшая в культурологии будущего.

Напомним, что в органическом варианте культура общества связывается с совокупностью культур личностей, откуда возникает понимание культуры как двустороннего канала связи: *культура общества – культуремы – культура личности*. Но ведь можно поставить вопросы и шире, включая всю иерархию:

Культура Человечества – Культура Ообщества

Как происходит трансляция из культуры человечества в культуру общества? И наоборот – как происходит накопление достижений общественных культур в *культуре человечества*? Как осуществляется историческая связь целого и части: проявление культуры человечества в культуре доминирующего общества?

Культура Человечества – Культура Личности

А возможна ли трансляция из культуры человечества непосредственно в культуру личности? Это проблема пророка, который говорит от имени надсистемы (и еще не очень поймешь, какого надсистемного уровня, там же тоже своя иерархия). Как ни странно, от имени человечества говорили очень немногие, а может и никто.

Обратный вопрос: а возможна ли трансляция из личной культуры непосредственно в культуру человечества? В некотором смысле да, поскольку путь Христа, Будды или Магомета окрашен их личностью. Но тут проблема в другом: а может ли человек сам, своей деятельностью любого рода, изобрести нечто, не содержащееся в культуре человечества?

Нетрудно догадаться, что рамку системности можно переместить вверх по иерархии, т.е. принять в качестве системы культуру человечества. И тогда – куда ж нам плыть? во что надсистемное нам себя вписывать? Эти вопросы важнее, чем кажется на первый взгляд.

Литература:

1. Александров Н.Н. Эволюция ментального хронотопа. – Кострома: Изд-во КГУ им. Некрасова, 2000. – 434 с.
2. Александров Н.Н. Формула истории. – Кострома: Изд-во КГУ, 2000. – 516 с.
3. Александров Н.Н. Экзистенциальная системогенетика. – Кострома: Изд-во КГУ, 2000. – 750 с.
4. Богданов А.А. Тектология. Всеобщая организационная наука. – В 2 кн. – М.: Экономика, 1989. – (Кн. 1. – 304 с. Кн. 2 – 304 с.).
5. Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. – М.: Наука, 1988. – 520 с.
6. Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. – М.: Рольф, 2002. – 576 с.
7. Моисеев Н.Н. Человек и ноосфера. – М.: Молодая гвардия, 1990. – 351 с.
8. Русский космизм: Антология философской мысли / Сост. С.Г. Семеновой, А.Г. Гачевой; Вст. ст. С.Г. Семеновой; предисл. к текстам С.Г. Семеновой, А.Г. Гачевой; Прим. А.Г. Гачевой. – М.: Педагогика-Пресс, 1993. – 368 с. ил.
9. Русский позитивизм. Лесевич. Юшкевич. Богданов. Составитель, автор предисловия, обзорной статьи и указателя С.С. Гусев. Отв. ред.: А.Ф. Замалеев, А.И. Новиков. – СПб.: «Наука». 1995. – 363 с. – (Истоки отечественной мысли).
10. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. Исследования изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. / Пер. с англ. В.В. Сапова. – С-Пб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного Института, 2000. – 1054 с.
11. Субетто А.И. Ноосферизм. Том первый. Введение в ноосферизм. – С-Пб: КГУ им. Н.А. Некрасова, КГУ им. Кирилла и Мефодия, 2001. – 591 с.
12. Чижевский А.Л. Космический пульс жизни. Земля в объятиях Солнца. Гелиотараксия. – М.: Мысль, 1995. – 768 с.
13. Тейяр де Шарден. Феномен человека. – М.: Наука, 1987. – 240 с.
14. Юдин Э.Г. Методология науки. Системность. Деятельность. – М.: Эдиториал УРСС, 1997. – 445 с. (Философы России XX века).
15. Философия русского космизма. Сборник научных статей / Ред. Пирожкова Л.Ф. – М.: Фонд «Новое тысячелетие», 1996. – 376 с.

3.2. МИРОВОЗЗРЕНИЕ И КУЛЬТУРА

Всеобщность заданной темы подразумевает предельный хронотопический масштаб. Поэтому в качестве топики в данном тексте фигурирует планета, а в качестве хроноса – вся история человечества.

Нашей целью здесь является не столько разграничение, сколько установление связности таких понятий, как «мировоззрение», «менталитет», «культура» и «цивилизация». Метод, при помощи которого мы это будем делать – философская системогенетика. Наш главный ракурс здесь – ментальный и менталитет выступает той призмой, через которую можно «вывернуть» все знание о культуре и мировоззрении.

В избранной теме можно выделить два равновозможных взгляда: культура отражает мировоззрение, культура формирует мировоззрение (выступает в качестве ядра мировоззрения). Оба подхода верны, поскольку в истории степень активности культуры по отношению к мировоззрению всегда различна и подчиняется общему историческому закону. Если мы определим, в чем состоит закон, мы решим по крайней мере поставленную здесь проблему активности культуры по отношению к мировоззрению. Ниже мы будем говорить как раз об этом, а также о том, каков эволюционный сценарий развития культуры в истории.

Определимся для начала с мировоззрением.

Во-первых, отличим «мировоззрение» от близких и подобных терминов в ментальном ракурсе. Такого рода операция всегда подразумевает определенный исследовательский интерес, т.е. свой ракурс. Определимся для краткости, что речь идет о соотношении в мировоззрении рак рациональной, так и иррациональной составляющих. Если рациональная выступает принадлежностью «совокупного общественного интеллекта» [13] (рационализируемая часть мировоззрения), то иррациональная – менталитета (иррациональная оставляющая мировоззрения, мировосприятие, мироощущение, мироотношение и т.п.) [5]. Синкретичность *мировоззрения* состоит в том, что в его структуре есть как парадигмальные, так и

нарадигмальные потенции и интенции. Мировоззрение стягивает единство общественного интеллекта и менталитета.

Ментосфера связана преимущественно с экзистенцией, а экзистенциальный взгляд, и это хорошо видно у Бергсона, Хайдеггера, Гадамера и Сартра, всегда содержит пугающий момент иррациональности. Иррациональным невозможно управлять и в этом смысле экзистенциализм полностью противоположен претензиям рационализма. Но иррациональное до какой-то степени познаваемо и управляемо и оно точно так же эволюционирует. Рационализм понемногу отвоевывает у иррационального пядь за пядью, но это – крохотная часть его космоса. Нам нужно научиться жить с сознанием подавляющей массы иррационального в нашем бытии, что подразумевает иное отношение к миру, иную ментальность.

Это все во-первых.

Во-вторых, поставим вопрос о мировоззрении *типологически*. Сколько предельно больших типов мировоззрения можно насчитать на Земле за всю историю? Если не обращаться к доколумбовой Америке, в афроевроазиатском регионе устойчивых типов мировоззрения четыре. Они были обозначены в работе И. Мечникова «Цивилизации и великие исторические реки» [9], о них говорит и наш современник А. Панарин [10]. Единый менталитет человечества складывается из четырех составляющих его типов. Мы их можем группировать попарно, например Запад и Восток, и попарно внутри – как различающиеся ментально (как на основании топики, так и на других основаниях). Менталитет человечества как целого матрицируется в типы и не очень понятно, что именно определяет привязку ментального типа к той или иной культуре, мы принимаем это как данность. Оснований для такой четверичной типологии можно взять некоторое множество, приведем для примера два.

Мы соотнесли их существование с инвариантом типологической четверки [7], что, в частности, выражено и как *аксиологическая* (и в средние века – теологическая) маркировка доминантных типов мировоззрения:

– Средиземноморье и Европа (христианство) – мировоззрение на основе доминирования Истины;

- Анатолия (ислам) – мировоззрение на основе доминирования Пользы;
- Китай – мировоззрение на основе доминирования Эстетического (Красота);
- Индия (буддизм) – мировоззрение на основе доминирования Этического (Добро).

Если с основными тремя религиями вопрос более-менее очевиден, то Китай изначально имел светское, мирское мировоззрение, выразителями которого стали Конфуций и Лао Цзы. Это мировоззрение, основой которого является церемония (ритуал), а всякий ритуал есть эстетически оформленный (нормированный) хронотоп. В этом смысле жизнь человека во всех ее аспектах предстает как жестко заданная хронотопическая композиция.

Следует заметить, что в этих основных типах мировоззрения используются также разные *ключевые типы выражения*, которых тоже четыре [2], и это – ракурсы многостороннего рассмотрения предмета, специфически проявленная полифокусность. Конкретно это хроно- и топо- (циклическое и геометрическое) а также численное и понятийное отображения (число и слово). Словесно-понятийный тип отображения наиболее развит в западноевропейской философии. Периодически она обращалась также и к геометрическому отображению, где фигурируют геометрические модели-инварианты, отображающие важнейшие характеристики и связи понятийных и числовых моделей. В традициях европейской философии и циклический тип отображения, что демонстрируется нами в монографии «Эволюция ментального хронотопа» [4]. Эти три типа в основном понятны и традиционны для европейской науки, а вот чтобы описать численное отображение (модели на основе числа как структурного инварианта), нам понадобилось выделить и описать методологические и прочие возможности числа в монографии «Числовые инварианты в менталитете» [2].

Европа использует логику Слова, в то время как Китай – логику Числа [8], исламское мировоззрение выражается преимущественно геометрически [11], в индийское – языком циклов. Отсюда различия не только в ключевых основах менталитета (тип выражения ментального хронотопа), но и в науке, и в искусстве

и т.д. Это не означает, что отрицаются прочие способы, это означает, что доминирует один из четырех, что изменяет саму конструкцию сборки. Сборка – это четыре типа представления предмета, которые необходимы для того, чтобы обеспечить полноту его отображения.

В третьих, мировоззрение обладает определенной иерархией, которая позволяет рассматривать его как совокупность уровней. Если в качестве пределов избрать Дух и Материю (Логос и Сому), то мировоззрение по своей сути экзистенциально: оно есть то третье (Душа), что рождается во взаимодействии этих двух начал. В этом смысле его можно рассматривать как *иерархизированную экзистенцию*.

* * *

Подход со стороны всеобщих «статических» аспектов (качество, типология, морфология, иерархия – системные образования) следует дополнить не менее всеобщим динамическим (генетическим) подходом. В нашем варианте это *циклический подход*, поскольку всякое развитие носит циклический характер. Все предельные типы циклов и способы их сочетаний в исследовательских целях мы проанализировали отдельно [5]. Это позволило нам выйти на универсальную инвариантную конструкцию, которую мы обозначили как методологическую метафору «формула истории». Соединение системно-статического и динамико-генетического подходов воедино производится в системогенетике [12].

Мировоззрение характеризуется тем, что на определенных этапах истории остается качественно неизменным. Как бы мы ни характеризовали внутреннее разнообразие средневекового мировоззрения, оно едино и в этом своем качестве отличимо от мировоззрения античности или Нового времени. Какова длительность этих этапов, что выступает скрепами этого устойчивого качества и почему происходят смены мировоззрения – на эти вопросы мы отвечает в цикле монографий «Формула истории» [1-7]. Здесь нам предстоит ответить на эти вопросы очень кратко.

Если говорить о стихийной истории, а другой мы пока не знаем, мировоззрение дислоцируется преимущественно в менталитете, а рационально

рефлектируется в философии. С нашей точки зрения, существуют различные уровни менталитета и у каждого уровня можно выделять свой *субъект*, выступающий как носитель данной ментальности. Но это субъект по Г. Спенсеру – рассредоточенный во времени или пространстве.

Поскольку существует единый менталитет человечества, и его необходимо осмыслять и изучать в первую очередь: *из чего он состоит и как он функционирует*. Что объединяет в единство менталитет человечества, вот интересный вопрос, и он может быть рассмотрен системно. В менталитете человечества несомненно присутствует единая структура, которая удерживает его как целое. Объединительным началом выступает некий набор ментальных инвариантов, присутствующий во всех типах менталитета, во всех культурах, у всех цивилизаций на Земле. К. Юнг и «школа Анналов» только начали изучение этого направления, но они изучили его в своих ракурсах [14]. Можно исследовать не только эти ментальные инварианты, но и некие логики и герменевтические приёмы, которые постоянно используются на протяжении всего развития человечества. Если бы их не существовало, мы вообще не смогли бы понимать друг друга, коммуницировать с другими по менталитету народами, а мы это делаем постоянно. Это, кстати, очень интересная исследовательская задача.

Первый уровень менталитета – единый менталитет человечества. На этом верхнем уровне нами исследован цикл генезиса человечества (история общества) в контексте становления форм движения материи. Этим определяется специфика генезиса общества по отношению к другим известным видам генезиса, что, в свою очередь, позволяет установить новые способы прогнозирования будущего развития за счет обращения к более ранним этапам генезиса материи как к структурным инвариантам.

Самыми длинными циклами, на протяжении которых мировоззрение остается устойчивым, являются ментальные формации (представление о них, также, как и существовании особой *ментосферы* было введено нами) [5]. Ментальные формации – это большие отрезки истории социума, которые имеют единый признак: на протяжении одной ментальной формации менталитет человечества

качественно не меняется. Определим эту качественную устойчивость как «ментальный ключ» или «ментальная платформа». Сказанное относится ко всем четырем типам внутри единого менталитета человечества. Можно более-менее достоверно утверждать это и по отношению к древнему миру и его этапам, и к средневековью, а вот в Новом времени глобальная смена менталитета произошла не везде и на то есть причины. Главная причина – закон неравномерности исторического развития, он применим и к менталитету. Здесь необходимо понять сложные взаимоотношения топического и хронического доминирования: они, несомненно, взаимосвязаны и подчинены ряду законов (постепенное перемещение цивилизации с юга на север, рационализация Запада по отношению к Востоку и т.д.).

Если есть цикл, то при исследовании цикла могут быть выделены определённые устойчивые фазы этого цикла. Такие фазы выделяют все циклисты, в частности, Г. Гегель, это в самом простом варианте «становление», «устойчивость» и «деградация». В истории социума такие фазы приобретают свою специфику, а когда мы избираем ментальный ракурс, то говорим о *фазах развития менталитета*. Сколько этих фаз развития менталитета мы можем выделить? Столько, сколько сможем насчитать *единых для всех ментальных ключей*. Еще в XIX веке принято было делить историю в основном на три фазы: Древний мир, Средние века, Новое время. Что касается количества ментальных формаций в сегодняшнем научном контексте, то их пять. Они сменяют друг друга в истории со своей логикой и моменты смены «ментальных ключей» всем хорошо известны, поскольку сопровождаются социальными катаклизмами. Тем не менее, нужно пояснить, что ментальный переход, например, от античности к средневековью совершается более-менее единовременно и повсеместно, во всех тогдашних очагах цивилизационного развития, хотя способы производства при этом могут и не меняться – в некоторых регионах они не имеют особого отношения к смене менталитета. Азиатский способ производства никак не укладывается в один тип с европейским, а способ производства в Индии (для большей части ее населения) десять тысяч лет назад был примерно тем же, что и

сейчас. А вот менталитет в момент перехода от античности к средневековью сменился везде и одновременно, после чего появились и оформились в институты основные мировые монотеистические религии.

Сейчас в глобальном общеисторическом масштабе таких *ментальных ключей* выделено пять, поэтому мы говорим о существовании в истории пяти ментальных формаций. Состав менталитета в основном и определяет содержание культуры.

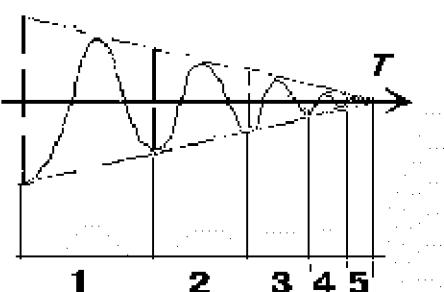
Циклы социальной эволюции	Пять экономических формаций	Типы менталитета
	1 Первобытно-общинная 2 Рабовладельческая 3 Феодальная 4 Капиталистическая 5 Посткапиталистическая	<i>Мифологический</i> <i>Раннецивилизационный</i> <i>Теологический</i> <i>Рационалистический</i> <i>Проектный</i>

Рис. 1. Формации и типы менталитета.

В первобытном обществе существовала ментальная основа, мифологическая по своему ядру и анималистическая по окраске. В античности мифология стала антропоморфной и политеистической. В средневековые ментальная платформа приобрела черты интеграционные и возник монотеизм. В Новом времени европейский человек отрекся от главенства Бога и стал опираться только на свой разум, что породило не столько капитализм, сколько особый менталитет научно-технической цивилизации. К этому типу цивилизации мы относим и исторический советский эксперимент, он по идеологии – просвещенческий. Его искусственно свернули у нас с ликвидацией СССР, но он продолжается и в Китае, и в ряде других стран.

Ментальный глобальный конфликт, с которым мы имеем дело на сегодняшний день, состоит прежде всего в том, что одновременно сосуществуют не только топо-типологически разные, но и хроно-исторически разные ментальности: люди на Земле живут сегодня в разных ментальных формациях, по сути – в разных исторических временах и пространствах. Ментальность того же ислама,

если ее оценивать формационно – средневековая, она может как угодно модернизоваться (как правило, в светских ее проявлениях и институтах власти), но внутри нее воспроизводятся прежде всего средневековые ценности и представления о мире и человеке, социальные структуры и т.д. Попытки возврата к «золотому веку», истокам и т.п. обрачиваются всегда одинаково – появляется фундаментализм и какие-нибудь очередные талибы. И здесь для нужд глобальной политической практики нужна такая наука, как «ментальная конфликтология», а ведь вопрос о ней пока даже не поставлен.

Итак, на этом уровне у нас фигурируют формационные ментальные циклы и вводится основное, методологически важное, понятие «ментальной формации». История человечества предстает как незавершенная пятерка ментальных формационных циклов.

* * *

Второй уровень менталитета, на котором происходят его существенные модификации, это культурно-цивилизационные группы. Поясним его немного подробнее.

Если мы перейдем на уровень ниже формационного, то окажемся внутри ментальной формации, и тогда она выступает как нечто единое и качественно однородное. В этом целом формационном цикле мы обнаруживаем собственные качественные фазы, которые характеризуем как культурно-цивилизационные. В системном ракурсе это – *культурно-цивилизационные системы*. Например, во второй ментальной формации есть некая единая культура раннего периода, которая принадлежит древнеегипетскому сообществу. Но она же распространяется и на очень большой регион вокруг Египта, в котором *ментально* содержится примерно одно и то же, а культурные представления, нормы, образцы, наука и искусство – очень похожи. Цивилизации сюда входят по устройству очень разные, они рождаются и умирают, а культурная составляющая (некое устойчивое качество культуры) сохраняется на протяжении всей этой фазы. В этом состоит *качественная однородность культурно-цивилизационной системы*, а во времени – культурной фазы (культура в истории).

Можно выделять в формационном цикле три такие фазы, но можно взять ещё и промежуточные и тогда получится пять фаз. Например, в том же едином античном формационном менталитете это Египет, Греция, Рим, а при выделении переходных фаз сюда попадает (в качестве переходных) крито-микенская культура и культура этрусков. Античный менталитет не меняется на протяжении 4-5 тысяч лет, а это – его фазовые модификации, их сокращенно три, а расширенно пять.

Основанием типологии для выделения трех или пяти типов или фаз выступает с одной стороны, отличимая неизменность качества менталитета данного уровня, а с другой – установки исследователя. Гегелю и Сорокину хватало приема троичности фаз, а Вико, Шпенглер, Тойнби, Гумилев используют пяти-шестифазовый инвариант. Об этом подробно написано в ряде наших книг.

Культура также обладает собственным качеством, некоторой ментальной неизменностью, но степень общности неизменных элементов внутри нее ниже, чем в менталитете формации. Ментальные основания на переходах от одного культурного цикла к другому циклу могут резко, скачкообразно меняться – это всегда отображается в памятниках искусства и материальной культуры [14].

Итак, каждый формационный ментальный цикл в *надсистемном взгляде* предстает как качественно однородный, а в системном – как имеющий три фазовые модификации: это – инвариантные фазы формационного ментального цикла. Их существование связывается нами с культурно-цивилизационными группами, последовательно сменяющими друг друга в одном ментальном формационном цикле.

* * *

На третьем, подсистемном, уровне можно анализировать генезис (собственную историю) пассионарных культурно-цивилизационных групп. Здесь применим тот же инвариант троичности фаз, нами он описан как *стилистический фазовый инвариант*, связанный с теми или иными цивилизациями. Это позволяет в качестве индикаторов общественного развития использовать произведения искусства и представить систему стилей как *набор инвариантных фаз для каждой цивилизации*.

Выходы

Итак, есть формационный менталитет, культурно-цивилизационный и цивилизационный. И у каждого такого подразделения есть свои носители, свои субъекты, живущие во времени (где и заданы их границы).

Возникает уровнево-циклическая картина истории, отнесенная к четырем типам менталитета. Это сложноорганизованное целое, в котором мировоззрение и культура (в системно-ментальном ракурсе) иерархически разводятся:

- мировоззрение удерживает целостность формационного уровня, это надсистема;
- место культуры здесь иерархически определено как системное;
- место цивилизации – как их конкретно-историческое проявление.

Если мы место системно-уровневой тройки «надсистема – система – подсистема» применим гегелевскую тройку «общее – особенное – единичное», и тройку Логос – Душа – Сома то получим следующую картину:

- мировоззрение есть то наиболее общее, что удерживает качество формации, ее Логос;
- культура есть особенное (а оно, по Гегелю, наиболее богато), Душа;
- цивилизация – конкретно-историческая единичность, и она как способ организованности общества в этом ряду скорее соматическая.

Или, если пойти снизу, логика такая – совокупность цивилизаций удерживается единством культуры, совокупность культур – единством мировоззрения.

Развернем из этого связанный ряд *тезисов*:

- развитие сменяющих друг друга сообществ людей может рассматриваться в ракурсе генезиса единого **менталитета человечества**;
- разновидности человеческих цивилизаций и культур есть одновременно разновидности **мировоззренческих ментальных моделей, образующих в истории непрерывный и закономерный ряд**;
- ментальное **мироощущение** общества в любой момент его развития **может быть зафиксировано** определенным доминирующим ментальным

качеством, способным модифицироваться в *систему модусов нескольких уровней*;

- *мировоззренческие модели* общества могут быть *реконструированы* (прошлое) или *спрогнозированы* (будущее) на основе анализа достаточно полных рядов культурных артефактов.

* * *

Изложенная здесь *концепция* – это *одновременный взгляд* на развитие общества *сквозь ряд уровней*, но для его конкретизации необходима совокупность поуровневых индикаторов и маркеров. Инструментарий в виде многоуровневого набора индикаторов и маркеров представлен в наших работах. Благодаря им развитие общества может фиксироваться детально, многоаспектно, а главное – как законосообразный процесс многоуровневого генезиса.

Обнаруженные нами всеуровневые инварианты доказывают противоположное: *история на редкость единообразна в своей повторяемости как в целом, так и в частях*. Причем она использует на каждом новом и более сложном уровне тот же набор структурных инвариантов, что и на нижних уровнях. Мы можем с достоверностью сказать, что в истории *на всех уровнях применены одни и те же инварианты*, а результатом их соединения являются неповторимость и преемственность любой исторической последовательности. Возникновение *неповторимого из повторяющегося* дает возможность говорить о **формуле истории** [5].

Следует создать на этой единой методологической основе атлас мировой истории, где конкретные синхронизированные *факты будут трактоваться как связанные*. Мировоззрение едино и взаимосвязано, основано на одном и том же наборе ментальных индикаторов и маркеров, но разно проявленных. Интересно было бы проследить послойное и синхронизированное движение в истории человечества хотя бы основных *движущих составляющих истории*: параллельное движение в идеях, в видах деятельности, в технике и искусстве; акцентировать внимание на том, как переходит пассионарность к разным мировым центрам и как готовится выход на поверхность той или иной группы цивилизаций с единой ментальностью; выяснить, почему это происходит в истории и т.д.

Литература:

1. Александров Н.Н. Звезда деятельности (Введение в общую теорию деятельности). – Кострома: Изд-во КГУ, 2000. – 222 с.
2. Александров Н.Н. Числовые инварианты в менталитете. – Кострома: Изд-во КГУ, 2000. – 475 с.
3. Александров Н.Н. Понимание времени. Культура и циклы. Избранные статьи. – Кострома: Изд-во КГУ, 2000. – 446 с.
4. Александров Н.Н. Эволюция ментального хронотопа. – Кострома: Изд-во КГУ, 2000. – 434 с.
5. Александров Н.Н. Формула истории. – Кострома: Изд-во КГУ, 2000. – 516 с.
6. Александров Н.Н. Эволюция искусства (системогенетический очерк). – Кострома: Изд-во КГУ, 2000. – 475 с.
7. Александров Н.Н. Экзистенциальная системогенетика. – Кострома: Изд-во КГУ, 2000. – 732 с.
8. Кобзев А.И. Учение о символах и числах в китайской философии. – М.: Восточная литература, 1994. – 432 с.
9. Мечников Л.И. Цивилизации и великие исторические реки. – М.: Просвещение, 1998. – 434 с.
10. Панарин А.С. Евразийский проект в глобальном миросистемном контексте // Российский обозреватель, 1995. № 2. С. 110-116.
11. Смолина Н.И. Традиции симметрии в архитектуре. – М.: Стройиздат, 1990. – 344 с.
12. Субетто А.И. Системогенетика и теория циклов. В 2-х книгах. – М.: ИЦ ПК ПС, 1994. Часть I – 284 с.; Часть II – 321 с.
13. Субетто А.И. Управляемая социоприродная эволюция на базе общественного интеллекта. Неклассическая парадигма устойчивости развития и ноосферы. Материалы первой международной конференции. С.-Петербург, 9-15 сентября 1996 года. – СПб.: СПбГУ, 1996. С. 311-313.
14. Шкуратов В.А. Историческая психология. 2-е, переработанное, издание. – М.: Смысл, 1997. – 505 с.

3.3. МИФ КАК СОДЕРЖАНИЕ СОВРЕМЕННОГО МЕНТАЛИТЕТА

Три ипостаси мифа

Начнем с волшебной сказки.

Волшебная сказка обладает рядом парадоксов, которые невозможно осмыслить вне генетического контекста ее возникновения в истории.

Например: очень часто герои волшебной сказки не просто пассивны, а как бы принципиально абсолютно бездействуют. На это обратил внимание Михаил Задорнов. Но он направил свою иронию против русского характера, якобы присущей ему лени и т.п. Между тем он неправ. Самая классическая сказка Шарля Перро «Кот в сапогах» – это типичное проявление того самого характера, который известен нам как «Иванушка-дурачок». Проявлением этого же характера является Швейк. Поэтому перед нами черты, присущие и русскому, и французскому, и чешскому, и любому вообще *герою волшебной сказки*.

Дело в том, что волшебная сказка в принципе построена на бездействии героя, за которого (и это самое главное) действуют волшебные силы. Емеля сидит на печи, а щука устраивает его судьбу, делая его царём, обязательно женит на принцессе. Но буквально то же самое делает и Кот в сапогах.

Мы наблюдаем в данном проявлении последнюю ироническую стадию, обладающую множеством вариантов. Очень часто в волшебной сказке подвиги героя приписывает себе кто-то другой – его соперник и антипод, но в конце всё разъясняется и счастливо разрешается.

Что является причиной этих двух особенностей волшебной сказки, можно понять, если мы обратиться к ее первоистокам, к генезису.

ДЕМИУРГИЧЕСКИЙ МИФ

Как известно из истории архаических культур, первобытный человек не выделяет себя из рода, а род – из природы. Первое разделение общества и природы вне его является глубинным содержанием собственно мифологического. Поскольку человек воспринимал и мыслил природу в антропоморфных формах, то

космос ему представлялся великаном, человеческое общество так же обобщалось до некой природной формы и спрессовывалось в сознании до организма. Отсюда – тотемические и анимические представления. То или иное племя вело свой отсчёт от первопредка, например, от медведя. Здесь таится корень происхождения мифологического героя, такой герой замещает собой всё общество.

С точки зрения пространства, здесь мы имеем дело с космосом.

Мифологический герой, хоть и обладает именем, поведением и т.д., не является персоной в нашем понимании слова: он как бы предперсонален. Первобытный человек всегда наделял одушевленностью важные для него природные явления. Так появились духи леса, воды и т.д. Кстати, присутствуют они и волшебных сказках.

* * *

Итак, мифологический герой заменяет собой род. Мифологический герой действует в масштабе космоса. Миф выполняет функцию объяснения происхождения мира и делает это в форме повествования.

Ранние мифы – это *мифы о демиургах*, которые сотворили этот космос. У демиургов, или т.н. *культурных героев*, как правило, существует брат-близнец (трикстер – это плут с чертами шута, выступающий как иная ипостась того же героя). Его отличительной чертой является индивидуализм (Остап Бендер – проявление такого героя в XX веке). Так образуется дополнительность: *культурный герой*, выражающий собой род, и *антигерой* – индивидуалист, хитрец и плут, который потом воплотится в средневековых сказках о животных (Гёте: «Рейнеке-лис») и в жанре плутовского романа XVII века.

Выделим наиболее существенные характеристики, присущие мифу и героям мифа.

Во-первых, *пространство* предельно большое, т.е. космос (греч. порядок). Ранний миф посвящен *творению порядка в противовес хаосу*. Социум выступает как то, что удерживает порядок, а враждебная ему среда – как хаос. Демиург, организатор порядка, олицетворяется культурным героем, а Хаос и разрушитель порядка – антигероем. Сочетание героя и антигероя нередко трактуется как единс-

тво и дуализм мира. Ещё это явление носит название «архетипа близнецов». Время мифа можно охарактеризовать – «до начала времён», в каком-то смысле вечность.

Во-вторых, здесь мы обнаруживаем противопоставление социального и индивидуального. Масштаб космоса требует социальной сплочённости, организованности. Таким образом и возникает мифологический герой-демиург, он *олицетворяет собой организующую силу космоса*.

В-третьих, в этом масштабе герой должен обладать соответствующей энергетикой, и все ранние мифологические герои являются носителями *запредельно большой энергетики*. Если, например, в былинах герой обладает колossalной силой, двигает горы, то герой-демиург – тот ещё сильней. Он обладает силой, которая творит мир. Его функция для менталитета мировоззренческая: показать, как был сотворён мир.

В-четвёртых, в паре «содержание – форма» это как бы «содержание в чистом виде». В силу этой особенности ранние мифы всегда содержат набор наиболее существенных архетипов данной культуры.

ГЕРОИЧЕСКИЙ МИФ

Мифы демиургические, выполняющие функцию каркаса менталитета, со временем становятся «архаическими» и всё более трудными для восприятия, особенно по мере роста индивидуализации. Например, уже для древних греков классического периода демиургические мифы мало понятны, хотя в структуре мифологии они остаются как некое воспоминание о тёмном доисторическом прошлом (миф о Хроносе, или потом о Сатурне, пожирающем детей, и т.д.).

Переходной стадии от мифа к эпосу является *героический миф*. В нём герой персонифицирует собой не весь космос, а данный социум, но остается всё еще абстрактно-всеобщим. Например, греческий герой Прометей, который принёс людям знания, огонь, – это типичный *культурный герой*. Его брат, Эпиметей, принял ящик Пандоры – он *антигерой*.

Между мифом и эпосом есть переходное состояние, в котором герой имеет признаки не демиурга (с элементами вневечеровеческими) и антропоморфного героя (типа Геракла). Такие демиурги-герои образуют основу индийской мифологии, где есть сонм богов в их сложной иерархии (иерархия женских богов, иерархия мужских богов). В «Махабхарате» так же, как и в «Илиаде» и в «Одиссее», действуют *демиургические боги, исторические и мифологические герои и простые люди*. Здесь перед нами – три мира с тремя разными масштабами, и между ними возможны переходы. Боги могут изгнать своего из круга богов в более низкие миры, а мифологический герой типа Геракла за подвиги может быть приобщён к богам.

Мифологический герой кроме исключительных силовых и волевых качеств наделён так же гиперэротическими свойствами (один из подвигов Геракла).

В отличие от демиургов, которые космос изготавливают наподобие ремесленников, культурные герои вторичны (поскольку они человекоподобны). Они не могут «изготовить космос», поэтому всегда вынуждены добывать нечто сотворённое демиургами, похищать это у природных хранителей. Таков, например, миф о Ясоне и золотом руне. Золотое руно (или нечто подобное в данном случае) выполняет роль *универсальной ценности* для данного социума, но сами герои создать его не могут (иной масштаб).

Похожая коллизия наблюдается и в волшебной сказке. Но в ней воспоминания о первых демиургических мифах имеют уже совсем другое обличение. Например, герой должен сражаться со Змеем-Горынычом и т.д. Эти страшные звероподобные чудовища, охраняющие «золотое руно» или подобные ценности, как и Змей-Горыныч, одинаково присутствуют в той же роли во всех сказках мира («Синдбад-мореход», сказки «Тысячи и одной ночи»). Все древние эпосы (Миф о Гильгамеше) обязательно содержат двухслойность демиургических и героических мифов.

ЭПОС

Второй этап, где пространство сужается до *масштаба народа и его истории*, – это этап появления *героя-рыцаря*. Кто-то удачно назвал этот этап «рыцарской культурой Эллады». Здесь *герой заменяет собой народ*, а не всё человечество. Соответственно, его энергетика не чрезмерна, хоть и велика по мере людей. Такой герой может обладать признаками конкретного народного характера. Один из непременных признаков его характера – неистовость (проявление пассионарности, избыточности его энергетики).

Эпос содержит в снятом виде миф, и нередко внутри эпоса находятся весьма невнятно выраженные элементы его прообраза-мифа. Различие между мифом и эпосом, подчеркнем еще раз, в масштабности; *миф имеет масштаб космоса* и задает контекст, а *эпос происходит в пределах истории и народа*.

Практически все эпосы приводят героя в состояние максимально возможного социального статуса. Герой обязательно становится царём, хотя начать может с обычного пастуха (история Давида в Библии). Отличительной чертой эпоса является выражение особенностей истории и характерных черт данного народа: норвежский эпос и русский эпос – былина.

ВОЛШЕБНАЯ СКАЗКА

Сказка – это вырожденная, формальная былина. Отличительный признак героя волшебной сказки, – его индивидуализация. Былинный герой не может себе позволить обладать личностными свойствами. Герой волшебной сказки практически повторяет все структурные элементы эпоса: по рождению он, как правило, принадлежит социальным низам или обделён чем-то социально важным (младший сын из трёх – «третий вовсе был дурак»).

В основе обделенности нередко лежит майорат – это такое устройство общества, семьи, где все наследство передается только старшему брату. Из-за майората образовались немецкие государства с их спецификой. Немецкие юноши, если они в семье были младшими, уходили в близлежащие страны наемными воинами. Так возникло прусское юнкерство.

Обделённые – это те, кто лишался наследства или был слабосильным, больным (Илья Муромец в молодости), или был лишен ума (Иванушка-дурачок). В сказках XIX века все три признака уже соединились вместе («Конёк-горбунок» Ершова, «Маленький Мук» Гауфа, все сказки Андерсена).

Сказка трёхслойна. И очень часто её не могут «расшифровать» именно потому, что не видят за верхним слоем еще два: мифологически-демиургический слой и эпический слой. Прямо трактовать образ лешего – это полная бессмыслица: леший есть персонифицированный демиургический персонаж, создатель и хранитель леса, его порядка и т.д.; он участвует в сюжете с эпическим персонажем; как сказочный персонаж он приобретает острохарактерные черты формального плана (одежда, внешность, повадки, голос, жесты, мимика).

Сказочный герой очень часто наследует мифически-эпические черты своего происхождения (например, волшебное рождение: Дюймовочка, Снегурочка, Мальчик-с-пальчик, непорочное зачатие, рождение от старых родителей, стариков и т.д.). В детстве этот сказочный герой либо совершает невероятные подвиги, как Мальчик-с-пальчик, либо, наоборот, вообще немощен, недееспособен, как Илья Муромец, Емеля, Иванушка-дурачок. После перелома, связанного с появлением волшебных сил, этот герой приобретает нечто (свойство, позволяющее ему взойти на вершину социальной лестницы).

Волшебный герой, в отличие от эпического, не приобретает сверхсилы сам, но становится обладателем предметов, явлений, обладающих волшебными свойствами. Вспоминается «Сказка про Фому» или «Сказка про Федота-стрельца» («то, чего не может быть» – волшебная сила не персонифицирована, это – предельная аллегория).

Повышение социального статуса героя выражается в обязательной женитьбе на принцессе и получении полцарства в наследство. Перемещение происходит от предельного социального низа к предельному социальному верху, от обиженности (сиротство), гонимости, низкого положения и социального унижения – через испытания – к наивысшему социальному статусу. Словом, из гадкого утенка – в белого лебедя.

Самый отличительный признак волшебной сказки – это уменьшение масштаба до размеров семьи. Если миф – это масштаб космоса, эпос – масштаб народа, то масштаб волшебной сказки – это масштаб семьи. Мифиеский герой – это почти природная сила, эпический герой – квинтэссенция народного характера, а сказочный герой – он уже персонифицирован и различим.

Соответственно уменьшаются масштабы присущей им силы, энергии.

Сверхизбыточность, могучая былинность, немощность – три признака трех фаз, сменяющих друг друга в истории.

ПОВТОРЕНИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ В ФАЗАХ

То же самое можно сказать и по отношению к любому ментальному циклу, но уже с учётом глобальной исторической специфики.

Древний мир и античность в целом окрашены *мифом*.

Средневековье в целом окрашено *эпосом* (рыцарская культура).

Новое время *индивидуально, формально*. В нем и главенствует волшебная сказка.

Это порождает стройную троичную общеисторическую классификацию, объясняющую сходство и специфику основных этапов мифологического, эпического и волшебного периодов.

Например, средневековая евангельская история содержит основные черты демиургического мифа, но они выражены через менталитет рыцарского героя (служение). Соединение Бога и человека в этой истории точно соответствует сути средневекового менталитета. Но то же самое происходит и с Кораном и его создателем Мухаммедом: в качестве пророка он обожествляется, хотя о нём известно, что он был историческим лицом. Примерно в такой же эпической функции живут в своих культурах Будда и Конфуций.

Вот в этом пространстве между демиургическим мифом и эпосом возникает связка Ветхого завета и Нового завета. И та же проблема решается во всех прочих культурах.

На последнем этапе в любом историческом цикле расцветает плутовской жанр. В истории литературы он известен еще со времён Древнего Египта.

Что интересно, индивидуальный плутовской стиль нередко персонифицируется не в людях (чтобы не обижать людей низким жанром), а в зверях, как это происходило в баснях Эзопа и в произведениях древнеримских поэтов и писателей (Апулей, «Золотой осёл»). Та же ситуация наблюдалась в конце средневековья (Рейнеке-Лис и т.д.). Повторился этот прием и в Новом времени на границе XVII-XVIII веков, где есть огромное количество разных вариантов плутовских сказок о животных.

ТРИ ЭТАПА И ТРИ ФАЗЫ

Это в совокупности позволяет построить схему из трех этапов и трех фаз «мифологического» в истории:

Мифологический этап (Древний Мир):

первая фаза – мифо-мифологическая, демиургическая (мифология Древнего Египта и первых цивилизаций);

вторая фаза – мифо-эпическая, менталитет Древней Греции и эллинизма;

третья фаза – мифо-индивидуалистическая (Древний Рим).

Эпический этап (средневековье):

эпо-мифическая фаза с признаками демиургическими (Библия, Коран и т.д.);

классическая эпическая фаза – все эпосы, рыцарский эпос средневековья;

эпико-индивидуалистическая фаза – готический роман, волшебные сказки средневековья, плутовской роман средневековья.

Формальный этап (три фазы – три века Нового времени):

XVII век – зарождение Просвещения. Проявлено как демиургическая мифология индивидуализма (Мильтон, «Потерянный рай»);

XVIII век – век эпоса Нового времени, классическая литература;

XIX век – век волшебной сказки.

Ремифологизация в XX веке

Стоит осмыслить в этом плане и XX век.

Литература XX века обладает интересной особенностью, которая отчётливо проявилась в первой трети века. Это так называемая «ремифологизация» (возвращение мифа): Ж. Ануй «Жаворонок», Сартр «Мухи», Мештерхази «Загадка Прометея», Апдайк «Кентавр», Джойс «Улисс», Маркес «Сто лет одиночества», М. Булгаков «Мастер и Маргарита» и т.д. Даже вполне реалистические романы, типа романа «Тихий Дон», обладают этим мифологическим масштабом и библейским ритмом времени. Предельность пространственно-временных масштабов демонстрируют и художники, и поэты того времени.

Обращение к мифу и древним сюжетам происходит здесь с некоторой оглядкой на современную рациональность. И не только в искусстве, но и в науке.

Карл Юнг обращается к коллективным архетипам, проявляет интерес к мифу. Никогда в истории не предпринималось со стороны науки и искусства подобной попытки, во-первых, осмыслить мифологическое сознание и структуру мифа, а во-вторых, примерить её к современности. Это, кстати, генетически доказывает, что **XX век открывает абсолютно новую страницу в мировой истории**, сравнимую по значимости с моментом формирования человечества.

Предшественником «ремифологизации» были Ницше и Бергсон, а осознание мифа как самой важной символической формы человеческой деятельности произошло в Мальбургской школе Кассирера. В структурной антропологии Леви-Стросса мифология выступает как способ мышления, который можно назвать основой первобытной ментальности. В литературоведении этот поток новой мифологизации был осмыслен ритуальной мифологической школой (М. Бодкин и Н. Фрай). Они считали миф сущностью литературного произведения, хотя многие другие школы воспринимали его только как первоисточник.

Юнг и его школа, а также Леви-Брюль и Эмиль Дюркгейм в теории коллективных представлений и архетипов акцентируют коллективно-бессознательное, которое противостоит индивидуально-сознательному. Если довести их рассуждения до логического предела, то *миф и есть выражение коллективного*

бессознательного. Придавая этому психологическую окраску, можно определить мифологического героя как выражение души народа, создавшего данный миф.

Но ремифологизация возрождает не просто миф, а демиургический миф в совершенно особом «аналитическом» контексте начала XX века.

Масштаб такого мифа – космос. Стоит задуматься, почему в XX-м веке философы, особенно русские, обратились к космизму именно в этот момент истории, когда вся европейская литература пережила взлёт ремифологизации, а в середине века человек полетел в космос...

Получается, что все они вернулись к первоистокам демиургического мифа на новом витке спирали – на витке обобщения и поведения итогов исторического развития всего человечества. В преддверии человечества.

После этого этапа масштаб уменьшается, возникают местные эпосы, «герои народа» и «враги народа» 1930-50-х годов. Культ личности и сменивший его культ личности поменялись. Подобный политический эпос все еще пытались спинуть и из Брежнева, но получилась уже пародия. Эпос кончился во второй трети века.

И, наконец, сегодня мир заполнили герои «плутовских» историй и волшебных сказок. Чтобы это лицезреть, достаточно включить телевизор.

Цикл повторился, причем полностью.

Мы стоим на пороге демиургического Сверхмифа.

МИФ КАК СОДЕРЖАНИЕ СОВРЕМЕННОГО МЕНТАЛИТЕТА

Как мы выяснили, «миф» – это специфический социальный регулятор, обеспечивающий консолидацию коллективов и социальных групп. Он имеет непосредственное отношение к менталитету.

Менталитет – это всё, что существует в коммуникации для управления социальным поведением человека. Это – та часть коммуникации, управления, которая не зависит от воли людей. Состав менталитета можно зафиксировать в формах, архетипах, в ключевых представлениях, символах, образах, понятиях. Менталитет всегда историчен, что означает константность его состава на протяжении длительных исторических циклов.

Фундаментальные характеристики менталитета

Исходной характеристикой менталитета является социологический показатель, как соотношение свободы общества и свободы личности: в крайних вариантах преобладает свобода общества (и это время можно представить крайне неблагоприятным для личности) или свобода личности (соответственно, такая свобода оказывается негативно на жизни общества), срединный вариант демонстрирует равновесие свобод.

Не менее важен для понимания менталитета такой показатель, как ментальный хронотоп (время и пространство). Этот хронотоп прежде всего эстетический, он содержится в энергии образов.

Образному описанию основных характеристик менталитета в эстетических категориях трагического, прекрасного и низменного свойственна энергетическая мера, поскольку энергия и есть выражение (экспрессия). Эта мера заложена в спектре возможных ее проявлений, от максимального напряжения – через оптимальное – к минимальному, в пределах любого цикла. На языке уровней масштабы на протяжении любого, например столетнего, цикла, последовательно сменяют друг друга (макро-, мезо-, микро), и эта смена приводит к соответственным изменениям на всех уровнях жизни общества. На примере ментального цикла XX века (1920-2020 гг.) легко убедиться в данной закономерности: перемещение масштабной доминанты наблюдается от «макро-» (1920-1953 гг.) – через «мезо-» (1953-1986) к микроуровню (1986-2019 гг.).

Микроуровень – уровень малых социальных групп, достигающих своего предела в группе из двух человек, после чего фиксируется лишь отдельность человека, его единичность. Указанная совокупность основных параметров менталитета распространяется и на подобные малые группы. Более того: она позволяет говорить о возможностях исследования ментальной динамики малых групп в завершающей столетний цикл XX века фазе (1986-2019 гг.).

Ментальную закономерность нашего времени можно интерпретировать с позиций рассмотренных выше индикаторов, отображающих свойства социальной динамики данного периода. Легче всего это сделать с помощью системы трёх

стилей, создающих ментальную окрашенность последней фазы, жизненный срок которой – 33 года. Тогда мы сможем говорить о трех 11-летних микроциклах, которые, последовательно сменяясь, модифицируют актуальную *категорию низменного* следующим образом:

с 1986 года по 1997-й наблюдается ***архаический цикл*** – период социальных реконструкций;

с 1997 года по 2008-й общество проживает ***классический цикл*** – период социальной стабилизации;

с 2008 года по 2019-й наступит ***цикл деградации*** – период нарастания напряженности в социальной структуре, который приведет к распаду социальных связей.

В менталитете малых социальных групп это проявится в виде сложения признаков двух уровней. Если менталитет категории низменного (1986-2019 гг.) описывает состояние групповой психики российского общества в целом, то в малых группах он позволяет обнаружить некую ведущую тенденцию, которая модифицируется через разнообразие, морфологию групп и их микроментальность. Очевиден тот факт, что в *период социальной реконструкции* ведущее место обычно принадлежит наиболее активным группам, способным преодолеть предыдущие стереотипы (по сути, мифы) и сориентироваться в становящейся реальности. Минувший 11-летний цикл с 1986 года по 1997-й был периодом появления так называемого демократического авангарда, очень незначительного в численном выражении, но чрезвычайно важного с точки зрения судьбы страны: происходила замена советского социального мифа, с одной стороны, на либеральный западный миф, а с другой – на любые мифы, способные претендовать на смыслообразующую ментальную парадигму.

Между тем эти мифы (что практически не было отрефлектировано в литературе) должны были обладать одинаковым критериальным набором параметров: выражать содержание категории низменного, т.е. быть локальными или способными выдержать конкуренцию в области идеологем. Недостатком советского мифа в этот момент истории становится его всеобщность, потому что

важнейшей чертой конца ментального столетия является разъединённость (единичность).

Сравним: в начале столетного цикла, т.е. в противоположной фазе становления, в 1940-е годы, Сталин максимально модифицировал марксизм, осуществив переход от представления целей мировой революции (*архаический период категории трагического*: 1920-1931 гг.) к целям построения закрытого и прочного государства (период деградации начального 33-хлетнего цикла: 1942-1953 гг.). Эта конструкция не претерпела особых модификаций и во времена Хрущёва, и во времена Брежнева – в срединном цикле столетия (1953-1986 гг.). Однако уже в «хрущёвские» времена она начала давать сбои, а превращение ее в непогрешимую догму в эпоху правления Брежнева привела к застою. Видимо, дело в том, что советский идеологический миф не мог видоизмениться по определению (это стало ясно в Праге 1968 года), а социальная потребность в модификации уже возникла – это показал невиданный всплеск локальных тенденций (распад социалистического лагеря, затем – СССР, перестройка), а позже – поток откровенно националистических проявлений. На окраине бывшей империи снова вспыхнули, как и 100 лет назад, этнические конфликты, один из которых (чеченский) превратился в перманентный.

Разворот менталитета в прошлое в момент социальной реконструкции означал попытку выбора модели альтернативного типа из ранее существовавших социальных систем. То, что было построено в период правления Ельцина, есть *возрождение* идей Февральской революции. Некоторые социальные группы находят и принимают еще более поздние варианты социального устройства из прошлого, например монархизм, возрождение казачества, православную или мусульманскую религию в качестве идеологии. На идейно-религиозном поле начинается невиданная конкуренция различных конфессий и сект («ловцы душ»!). Заполнение вакуума идеологии приводит к парадоксам: в молодёжном городе Тольятти секта «сахаджи-йога» насчитывала тридцать тысяч человек – больше, чем во всём мире, включая Индию. Мифологию либерализма, учения кришнайотов, Н. Периха, Д. Андреева и т.д. осваивали поначалу немалые социальные группы,

однако постепенно, по мере естественной стабилизации общественной структуры, пропорция участников этих групп приблизилась к той, что была до революции. Происходит характерная сдвигка от авангардного либерализма к более лояльным проявлениям, связанным с предпринимательством. Большинство «новых русских», как и большинство тех, кто учится предпринимательству, усваивает в качестве основного мифа стилистический образ япи (индивидуальный стиль жизни, поведения, свой личный миф).

В результате вместо фальшивой многопартийности дело фактически свелось к новой однопартийности («Единая Россия») – это и есть лучшая характеристика классического периода завершающей столетний цикл фазы: социальная стабилизация – очередная *модификация всё того же, советского, менталитета* в упаковке либерального демократизма. Примечательно, что сменился и лидер среди социальных групп. От авангардных политиков, которые сегодня все до единого устраниены из органов власти, произошел переход к предпринимателям и функционерам полувоенного типа – исполнителям.

Проводя параллель с предыдущими столетними циклами российской истории, можно прогнозировать, что властителями дум последней фазы, фазы деградации (2008-2019 гг.), станут современные люди искусства и представители средств массовой коммуникации. Примерно такую же ситуацию явил серебряный век, но на другой технической основе (в настоящее время «важнейшим из искусств является»... телевидение).

Если в микроцикле социальной реконструкции (1986-1997 гг.) была необходима категория будущего (наложенная на категорию прошлого), то в классическом микроцикле (1997-2008 гг.) ведущей становится категория настоящего. Это отчётливо проступает в сознании малых групп, а особенно – их лидеров. Жизнь настоящим означает невиданный интерес к строительству собственного жилья, ремонту, к благоустройству загородных дач, к приобретению автомобилей, к культуре еды, одежды, а также (что очень важно) к резкому росту рождаемости. Вместе с тем проявляется и другая тенденция: огромная часть населения выступает в качестве аутсайдера этого процесса, её представляют люди,

находящиеся за «чертой бедности». Они либо маргинализируются, либо переживают социальную депрессию и аномию – потерю опоры, перспективы. В последующем именно это обстоятельство приведет к социальному взрыву, как уже было в России в аналогичные периоды истории. Обратим внимание на тот факт, что 100 лет назад земельные реформы Столыпина породили такую же напряжённость, давшую позже обратный ожидаемому эффекту результат. По свидетельствам, которые приводит В. Кожинов, именно столыпинские «отрезники» были самыми непримиримыми противниками восстановления монархизма и капитализма – итог развития оказался противоположным тому, что планировалось сверху.

Всё это приводит к выводу: менталитет малых групп может быть исследован с позиции разнообразия, презентирующего более высокий уровень менталитета: общество, народ и т.д. Малые группы представляют собой спектр (морфологию, состав), через который модифицируется более общее – менталитет общества. Именно так их можно изучать, ориентируясь на закономерное порождение ментальных доминант и их последовательную сменяемость на цикле «постсоветской» эпохи: для архаики определяющим является понятие страны в целом (общее), для классического периода – понятие территории области и города (средний – особенный – масштаб), для завершающего столетие периода – понятие своего надела, дома, усадьбы (единичное). Менталитет той или иной фазы выступает как набор ценностей для всех. Различие состоит в том, что одни – принимают, другие – отторгают, третья – приспосабливаются. Получая наративную и мировоззренческую оформленность, менталитет становится мифом.

3.4. МЕНТАЛИТЕТ И НАУЧНАЯ ПАРАДИГМА

Ментальные и парадигмальные циклы

Те или иные взгляды всегда включены в ту или иную научную «парадигму». Установим связь этого термина с интересующим нас менталитетом и близкими общенациональными понятиями.

Сегодня «парадигма» трактуется в широком диапазоне и означает ключевой набор идей и представлений, устойчивую совокупность взглядов и научного инструментария, определяющих развитие науки на протяжении определенного цикла. Здесь главные слова – «набор идей» и «цикл»: набор идей, проживающих свой цикл. В общем смысле это близко к понятию «ментального цикла», с той лишь разницей, что парадигма отнесена исключительно к науке и выражена инструментально, а менталитет пронизывает все общество. При этом понятие «менталитет» – философского уровня, а «парадигма» – научно-важеческий термин, совпадающий по значению с популярными в XX веке терминами «платформа» и «движение». Например, словосочетания «системное движение», «генетическая платформа» воспринимаются из временной дистанции уже как общенациональные парадигмы; такова же и системогенетика, относящая себя к интегративным научным комплексам. Расхождения с «парадигмой» в уровне: «парадигма» накрывает науку или группу наук, а «движение» и «платформа» – общенациональные понятия. Расширительно можно называть «парадигмами» и эти целостности, принадлежащие к общенациональному уровню. Последнее уточнение позволяет наряду с «парадигмой» использовать и термины «подход», «платформа» как близкие по смыслу.

Отнесение множества определений какого-либо предмета к тем или иным «парадигмам» служит способом упорядочения данного множества в науке. Парадигмы являются общенациональным проявлением монизма, т.е. несут функцию удержания целого.

Наша задача – сблизить и положить рядом ментальные и парадигмальные циклы. Этот прием интересен тем, что дает возможность группировать два уровня

циклики: циклы культуры и циклы науки. Таким образом создается ментально-парадигмальное целое, в котором есть единая модель мира и устойчивый набор содержащихся в них взглядов.

Представим, как выглядит набор ментальных формационных циклов.

Пока это выглядит просто: мы представим два ментальных цикла, на протяжении которых существует наука. Это – Новое время и XX век. Обозначим для начала циклы классической науки, опиравшейся на естественную ментальность Нового времени (XVII – XIX вв.), и циклы неклассической науки XX века, опиравшейся на ментальность искусственного.

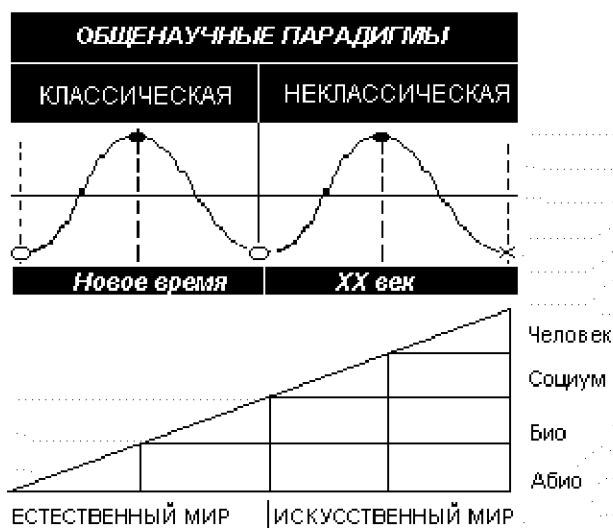

Рис. 1. Два цикла науки и их содержание.

Внутри каждого из циклов находим ряд научных парадигм, исторический набор особых подходов и их особых методов. Наука Нового времени сформировала четыре подхода: 1) механический; 2) органический; 3) психологический; 4) социологический. На границе Нового времени и XX века обозначился пятый – искусственно-технический – подход. Однако по установкам он отделяет себя от натурального подхода Нового времени – он ментально иной, принадлежит XX веку.

Именно в такой, строго заданной, последовательности названные парадигмы расположены в истории науки. Классифицируя науки, сходным образом их трактовал О. Конт, исключение составляет технический подход. Но весь мир техники и такая группа наук, как «технические науки», технознание и техногенетика, расцвели после жизни Конта.

«Психологический» подход в этом ряду узковат – если говорить об объекте, то речь должна идти о человековедении. Тогда под номером «3» мы имеем предельно широко понимаемый антропологический подход. И все-таки по поводу особого антропологического метода однозначности в науке пока нет.

Это – разные подходы, и у них – разные методы и т.д. Каждый из них соответствует своему научному объекту (или миру):

- ◆ механический – абиотическому миру,
- ◆ органический – биотическому миру,
- ◆ психологический или антропологический – миру человека,
- ◆ социологический – миру человеческого социума,

технический подход – миру технического социума.

В реальности взаимоотношения между методом и объектом – значительно сложнее: практически любой перечисленный метод так или иначе применялся ко всем объектам. Это обстоятельство дает редкую возможность построить матрицу «метод – объект» науки.

Табл. 1. Соотношение методов и объектов в науке.

МЕТОДЫ ОБЪЕКТЫ		Механи- ческий	Органи- ческий	Психологи- ческий	Социологи- ческий	Искусственно- технический
Природа	абиотическая					
	биотическая					
Человек	(психика)					
Общество	человеческий социум					
	технический социум					

Основные исследовательские подходы следуют из приведенного набора. Можно вывести их типологию и обозначить.

1. Объект в естественной парадигме (как принадлежность нового уровня природы):
 - а) механическая аналогия (Объект как механизм);
 - б) органическая аналогия (Объект как организм).
2. Объект в антропной парадигме.

Психологический ракурс исследования Объект (Объект как проявленность психического мира).

3. Объект в обществоведческом подходе:

- а) в социологическом подходе;
- б) в искусственно-техническом подходе.

Несколько слов следует сказать о техническом подходе, спроектированном на социальные Объекты.

Взгляд на общество как на машину был высказан в свое время А.А. Богдановым. Цивилизация тоже в определенном смысле может трактоваться как «мегамашина» из людей, по Л. Мамфорду. Однако вряд ли мы примем ее лишь за «техническую систему», хотя по всем признакам это нормальный искусственно-технический взгляд на общество. Но, как верно отмечает А.М. Пищик, «техническая мера социума не покрывает социальную его меру».

В современном гуманитарном знании в связи с этим наблюдается противопоставление двух программ наследования: социально-антропной и научно-технической. Их конфликт выражается в феноменах капитократии, технократии, технотронного фашизма и т.п.

Сегодня активно обсуждается вопрос: как носитель духовности может стать важнее духа, как «форма» становится важнее «содержания»? Аналогичная проблема известна в искусстве как проблема формализма, и появляется она в определенные исторические эпохи, глубоко осмыслиенные О. Шпенглером и П.А. Сорокиным. Однако если раньше это было проблемой какой-то одной цивилизации и являлось приметой ее скорой гибели, то теперь (при выходе на уровень высоких энергий) речь идет о возможной техногенной катастрофе Земли и человечества вместе с ней.

Теперь обратимся к интегративным подходам XX века.

Другие варианты анализа культуры – системный, генетический и деятельностный – относятся к неклассической науке XX века. Они имеют множество разновидностей, а также синтезы в виде системогенетического и системо деятельностного подхода. Варианты этих подходов различаются любопытным образом.

Системогенетический подход

О системогенетической линии следует говорить хотя бы потому, что она во многом наследует классическую науку и является ее пролонгацией в XX веке: это – время доминирования искусственных объектов, в котором объяснение мира, в его детерминизме, утратило свою актуальность и стали значимыми пределы доступной свободы и проектирование искусственных систем. Системогенетический подход крайне важен, ведь в нем «снимается» весь предшествующий этап: механицизм (в системности) и органицизм (в генетизме).

Идеи классической науки в области динамики привели к появлению многих разновидностей теории эволюции и попыткам построить единую эволюционную теорию (Синтетическую Теорию Эволюции, СТЭ). В XX веке эволюционизм как надсистемно ориентированный подход дополнился подходом генетическим.

Об их различии следует поговорить отдельно.

Системная генетика трактуется предельно широко, поскольку распространяется на любой предмет.

Например, с позиции социогенетики мы только и можем обсуждать механизм реализации программы социального наследования, воспроизведение общества, его социальной сущности. «Материалом» социального программирования служит человек. Это очень важный подход, потому что в социогенетике впервые общественная генетика осмыслена в сопоставлении с другими типами генетик: абиогенетикой, биогенетикой, техногенетикой и антропогенетикой.

С позиции техногенетики можно видеть, как обеспечивается наследование не только в человеческом социуме, но и в техническом, инновационная суть которой всегда связывается с рациональным познанием. В культуре, действительно, можно обнаружить научно-техническую ветку. Точнее было бы говорить о связке рационального познания и техноса, иначе эта функция будет выглядеть исторически неравномерной. Техногенез в связи с наукой активизировался локально, причем только в один известный нам период: в западноевропейском обществе Нового времени (хотя потоки открытых и изобретений в античности и в средних веках тоже имели место). Материалом в этом типе генезиса является

вещество природы, которое превращается в технические системы (начиная от палки и заканчивая космическими кораблями). Именно технические системы и их продукты являются несущим основанием современного общества. На начальных этапах истории в качестве таких же технических систем выступал сам человек.

Принцип деятельности

Наряду с системностью и генетикой в XX веке сформировалась парадигма деятельности. Она имеет, с нашей точки зрения, наибольшую объясняющую мощность в науке, поэтому к ней и обращались ученые весь XX век.

В центре наиболее известных исследований XX века стояли проблемы сочетания социальности и антропного начала. В этих исследованиях изучались коллективные архетипы, ментальность, деятельность, нормы, ценности и т.д.

Пределы деятельностной парадигмы (как искусственной) – деятельностная, с социальной доминантой – А.Н. Леонтьев, техно-деятельностная – А.А. Богданов, А.К. Гастев) и деятельностная, с личностной доминантой (прагматизм Д. Дьюи). Социальное и техническое входят в состав общественного. В таком случае парность внутри парадигмы обеспечивается в виде «общественного – личного».

Деятельность связывает общество и личность. Поэтому мы говорим не о специальных (социо- и антропо-) парадигмах, а об их динамическом сочетании в ядре деятельности.

Рис. 2. Неклассические парадигмы, относящиеся к принципу деятельности.

Отметим, что деятельностный подход не исключает системного подхода и даже образует с ним синтезы: системно-деятельностный, функционально-деятельностный, системомысле-деятельностный и т.д. Например, в системно-

деятельностном подходе Л.А. Зеленова культура получает трактовку в ракурсах ее устройства (как система деятельности), процессуальности (как процессы деятельности) и сферности (сфера деятельности). То же касается и соотношения деятельности и генетического подходов, где возможности только намечены. Но, фиксируя связи, важно четко понимать, какой ракурс преобладает, – от этого зависит исследовательский аппарат. Из сочетания системно-объектного и деятельностного рождается представление о «неклассической парадигме» XX века:

Табл. 2. Неклассическая парадигма науки XX века и ее разновидности.

НЕКЛАССИЧЕСКАЯ НАУКА XX ВЕКА

Основные подходы	Мир как		
	естественное	искусственное	
ПАРАДИГМЫ	Системная	Генетическая	Деятельностная
Разновид- ности			
	Общество	Личность	
	Социо	Техно	Антропо

Разворачивание всех основных разновидностей неклассической науки XX века и смешанных подходов порождает наиболее известные аспектные взгляды. Применение понятия «парадигма» дает возможность предельно крупной группировки множества определений изучаемых объектов – частные определения «накрываются» этими существенными разновидностями – парадигмами. Заметим, что принцип деятельности уже с некоторой натяжкой можно назвать научной парадигмой. Это именно принцип.

Проектный менталитет XX века

Наука, субстрат которой – знание, а цель – познание, принадлежит человечеству. Она открывает закономерности, законы, устойчивые детерминанты и дает на этой основе прогнозы. Важнейшая черта науки – ее аналитический характер.

Деление наук по объекту, к которому мы обращались, является наиболее крупным. У науки – два предельно больших объекта и один пограничный: естественный мир, общество и человек. В развертке это четыре объекта: природа, социум, техника, человек. До недавнего времени любое дифференцирование наук и синтез их ветвей (если не считать ряда междисциплинарных) происходило в

этих, объектных, рамках. Философия вплоть до XX века устойчиво обеспечивала наднаучный уровень удержания целого.

Наука способствовала быстрому развитию техники – научно-техническая революция (НТР) была успешной до тех пор, пока конструирование технических устройств выглядело как экспериментальное приложение знаний, т.е. в рамках классического менталитета Нового времени, сопутствующей ему просветительской пассионарности, с применением экспериментального метода. Суть состояла в целевом оперировании Природой: она изучалась и на этой основе использовалась в целях людей. В ценностном плане это обозначается у нас как связка Истины и Пользы. Процесс связывания Истины и Пользы в истории шел и раньше, но до запуска научно-технической революции (НТР) он не имел столь взрывного характера, потому что познание и польза существовали подчеркнуто раздельно. Изменения, произшедшие прежде всего в европейском менталитете в самом начале Нового времени, связали рациональное познание и производство, что привело к индустриализации и последующим «волнам» НТР.

В XX веке ситуация изменилась в связи с тем, что чрезвычайно актуализировалось инженерное конструирование и появилось широко понимаемое проектирование. Эти направления деятельности не аналитические, а синтетические, они используют аналитические достижения науки, не являясь наукой, а в ряде случаев могут обходиться без науки вообще. Если «конструирование» поначалу имело дело только с техникой, а затем осваивало и другие объекты, то «проектирование» изначально заявило о себе как тотальное, как принципиально не привязанное ни к какому объекту и не связанное генетически ни с каким конкретным предметом.

На место приоритетных возможностей науки (познание и эксперимент) пришли возможности, содержащиеся внутри деятельности. И, хоть сайентизм в качестве мировоззрения преобладал до середины XX века, проектно-деятельностный подход все больше демонстрирует собственный потенциал, не связанный напрямую с наукой. Данный момент истории важен потому, что он имеет решающее значение для понимания сути настоящего времени.

Проектирование позволяет реализовать цели субъекта, «Я». За понятием субъекта может стоять и отдельный человек, с его целями, и групповой субъект (иерархия: от личности – до государства и выше). Отсюда – принципиальный прагматизм проектирования, открыто продекларированный в философии Д. Дьюи. Поскольку деятельность целесообразна, активность человека проявлена иначе, чем у всего живого, существовавшего до него: человек действует сообразно цели. А цели человека социализированы уже в силу его биосоциальности.

Наука и проектирование различаются их разной ролью в деятельности, особенно – в отношении к будущему.

Наука есть знание об объективных детерминантах, в пределе наука дает прогноз развития. Наука – это знание, внешнее по отношению к деятельности.

Конструирование и проектирование – синтетические разновидности будущетворения. Это означает, например, что проектирование кое в чем уже конкурирует с менталитетом: прагматическая ориентация реализуется как технология и техника деятельности, результаты здесь проект и программа деятельности. Искусственные программы начинают конкурировать с естественными ментальными по своему воздействию на людей.

В проектно-прагматическом подходе детерминанты и прогнозы науки, если они точно установлены, могут выступать в качестве проектных (программных) ограничений или «границных и прочих условий».

Однако в реальности на деятельность такое знание влияет лишь косвенно: человек может знать прогноз, но это еще не значит, что он будет учитывать его в деятельности, – иначе человечество не подошло бы вплотную к экологической катастрофе.

Превращение знания в мотив деятельности, увы, не носит автоматического характера – иначе половина правовых ограничений была бы просто не нужна человечеству.

Такое различие понадобилось потому, что проектный и деятельностный подходы вообще не имеют отношения к научным парадигмам. И тем не менее в менталитете XX века они выполняли такую же функцию, какую в прошлом

выполняли научные парадигмы: это – определенная устойчивая точка зрения на мир, имеющая в своем распоряжении собственный набор идеальных инструментов. Эта точка зрения тоже опирается на знание, только на знание не объектное: это – знание о деятельности. В освещении Д. Дьюи и его продолжателей оно инструментально – позволяет человеку реализовывать его цели с помощью проектов.

Для нас очень важно, что деятельность человека орудийна и может быть рассмотрена все в том же пространстве: между Истиной и Пользой. Поэтому в человеке деятельность имеет основания в виде его потенциальных способностей, что можно представить в развертке его знаний (Истина) и умений (связанных с Пользой). Но линия технологизации орудийной деятельности, повышающая ее эффективность, живет вполне самостоятельно. Связка знания и пользы базируется на техническом абиотическом субстрате, и она обратным образом превращает человека в свое орудие – в придаток техники и технологии. Это – острое противоречие современности.

Проектирование связано с потенциалом деятельности и рождено внутри деятельностной парадигматики. Деятельность регулируется «нормами», априори социальными, и это – ядро культуры, ее технологическая суть. До XX века культурное нормирование деятельности носило преимущественно «естественный» характер – регулировалось менталитетом наряду с целевыми установками. Проникновение в технологию деятельности превратило и культурные нормы в искусственно управляемые. Накопление опыта, происходящее в культуре внешним образом, было рационализировано.

Причина такого странного противоречия – в том, что деятельность человека целесообразна, а цели человека проявляются не в потенциале его способностей, а в актуальном наборе его потребностей. Прежде в истории основным социальным регулятором формирования потребностей была глобальная ментальная программа, а многомерность менталитета обеспечивала историческую непрерывность развития общества. Разрыв начинается с момента, когда человек эпохи демократии реально становится «атомарным», его зависимость от социума иногда доходит

почти до нулевой отметки. Свои личные цели в деятельности он начинает ставить на первое место, а технологизация обеспечивает невиданную эффективность их достижения.

Искусственные, спроектированные, рационализированные нормы замещают в западной культуре XX века ранее существовавшие регуляторы менталитета, работавшие как неподвластные человеку естественные нормы и мотивы. Например, писаные правовые нормы на Западе практически полностью подменили мораль. Но ведь еще Кант отметил, что в моральной сфере есть нечто, неподвластное людскому разуму и не ограниченное его сиюминутной практичностью. Говоря системным языком, это – надсистемные регуляторы, находящиеся выше уровня личности и общества (например, Бог). Из культуры Нового времени по мере ее рационализации они постепенно изживались. А там, где это невозможно было сделать, искусственно блокировались.

Для обеспечения социальной устойчивости в «проектном» обществе XX века понадобилось множество компенсаторов, и они все более и более рационализировались. Понимая это, Дьюи поставил данный процесс в американском обществе «на поток», но точно так же поступили и другие рационалистические проектировщики «общественных машин»: Сталин, Гитлер, Муссолини и др. То, что сделали они, резко отличалось от западного демократического варианта в единственном – в целеполагании. Это – наиболее важный момент всего XX века: если деятельность можно эффективно технологизировать, то формулируемые цели могут принадлежать разным субъектам: и личности (как предполагали создатели западных демократий), и отдельным группам (например, партиям) и большим сообществам (например, религиозным). Русские космисты впервые заговорили о целях человечества, и сегодня именно они дают ориентир, способный повлиять на будущее и изменить ход истории.

Теперь вернемся к главному, ради чего, собственно, эта тема и была затронута. Цели человека в проектном подходе, в pragmatizme Дьюи и инструментализме его последователей не обсуждаются – из них исходят. Данный момент и порождает расхождение в инструментальном понимании культуры как

набора регламентирующих норм деятельности: регламентация – процесс искусственный, но откуда берутся цели?

Мотивационную основу деятельности установили в коллективной (групповой) психологии и в социологии групп. Одними из первых обратили на нее внимание: Э. Дюркгейм (коллективные установки), В. Бехтерев (групповые мотивы поведения), К. Юнг (архетипы коллективного бессознательного). Тому же посвящены психология народов и историческая психология. Развернувшись на этой основе «ментальные исследования» блестяще решали проблемы реконструкции культуры прошлого и определения движущих мотивов деятельности людей прошлого. Но подобная постановка вопроса в отношении настоящего и будущего требует построения обществоведческой теории, из которой можно было бы получить прогноз. Большинство же ментальных исследований ограничивается герменевтикой, являющейся стержнем экзистенциализма и постмодернизма, выступающей там в качестве метода.

Однако достижение понимания и построение детерминант и прогнозов – разные продукты. Для инструментализма этот подход вообще излишен: прогнозы детерминируют то, что можно спроектировать волевым образом. А теории А. Тоффлера и других исследователей дополняют эту однолинейность глобальными прогнозами на основе единственной линии развития – технологической по основаниям и технократической по ориентации.

Убрать противоречие между искусственной технологически-рациональной западной линией, с доминантой регламентации деятельности, и естественно-ментальной, с доминантой ментальной мотивации деятельности, можно лишь обращением к надсистемному уровню – к уровню человечества как минимум. В нем преобладает детерминация деятельности, которая сейчас отображается наукой и проектной аналитикой. В мотивационной сфере такая детерминация превращается в совокупность «глобальных императивов». Этот путь – искусственный. И в данном отношении все проекты типа «ноосферного общества», «образовательного общества» и т.п. сталкиваются прежде всего на ментально-мотивационном поле. Генерация людей, впитавших мотивы личного обогащения, будет

насмерть стоять против всех ноосферных и прочих ограничений – такие люди превосходно понимают, что в любом варианте обогащения они «изымают» что-то у человечества или, иначе говоря, идут против Бога.

Вывод из данного рассуждения таков: по отношению к деятельности технологическая линия (знания и нормы) задает детерминацию и регламентацию, а ментальная – обеспечивает мотивацию.

Модернизм (постмодернизм), экзистенциализм, прагматизм, инструментализм, проективизм, деятельностный подход предстают как нечто единое в том самом ментально-парадигмальном смысле, который мы уже сформулировали (единая модель мира, устойчивый набор содержащихся в них взглядов). Повторим: это – рациональное мировоззрение, но оно теперь обращено на процессы, а не на объекты, как было в классической науке. Парадигма, которую они образуют, не научная, как у Т. Куна (сложившаяся внутри научной школы), а ментальная – демонстрирующая совокупность взглядов людей XX века как большого ментального цикла. Это – новая ментальная формация, в которой мы продолжаем жить и сейчас.

Архетипы и парадигмы науки

Вспомним опыт культуры XX века с его всеобщими аналитическими и синтетическими устремлениями и обратимся к его началу, совпадающему по времени с поисками К. Юнга.

Визуальный словарь модернизма (и значительной части постмодернизма) XX века содержит набор архетипов от «1» до «4» в геометрической форме: это – круг, крест, треугольник, квадрат. Такой набор численно-геометрических символов впервые был отчетливо представлен в визуальном «словаре» Казимира Малевича времен супрематизма, а также – параллельно и синхронно – в аналогичных «словарях» немецкой школы Баухауз 20-30-х годов XX века, голландской группы «Стиль» того же периода и т.д..

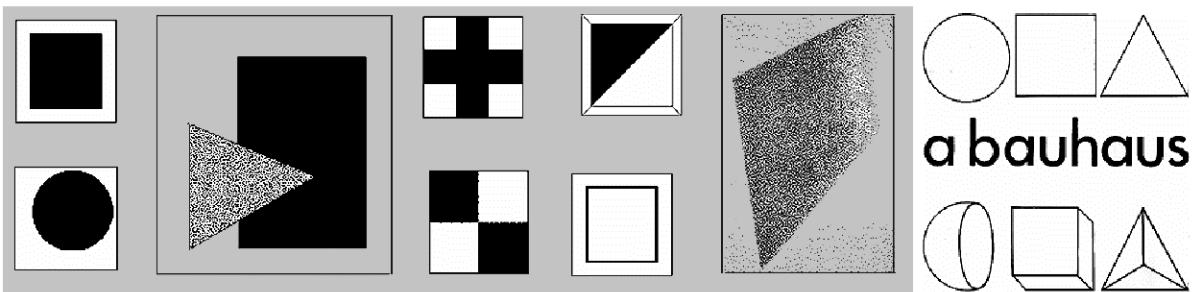

Рис. 3. Визуальный словарь раннего модернизма начала XX века.

Нельзя назвать случайным тот факт, что эти символические фигуры иным образом присутствуют в методологии философского анализа, как мы сейчас показали. Мыслители XX века искали архетипы и инварианты в содержании и в форме. Значения названных фигур (и стоящих за ними чисел) в менталитете неизменно то же. Их смысл не менялся в истории, что позволяет говорить о данных фигурах, числах и понятиях как о сложных и весьма многослойных архетипах коллективного бессознательного. Трудность обычно состоит в том, чтобы адекватно идентифицировать их значение, связать означаемое содержание, выражение и форму.

Числа
1
2
3
4

Единичность.
Несущий цикл
системы

Движущее
противоречие

Двухфазовость,
две подсистемы

Троичность
иерархии

Три ступени

Три фазы,
три подсистемы

Четыре типа,
"ящик состава",
морфология

Четыре фазы,
четыре
подсистемы

Рис. 4. Связь основных чисел с философским и обиценаучным содержанием.

Все перечисленные подходы одинаково важны. Рассмотрим их на общенаучном уровне, с позиции методологического набора архетипов и их связок. Речь пойдет о содержании ментальных формаций. Каждая из них является ядром мировоззрения своей исторической эпохи.

Единица как архетип цикла. Любое ментальное ядро проживает в истории свой цикл доминирования и живет как актуальная культура. В цикле ядро, бесспорно, модифицируется, но в данном ракурсе это не имеет особого значения потому, что оно остается качественно единым в цикле, – вот что наиболее важно.

Теряя доминирование, т.е. выходя из зоны исторической актуальности, ментальное ядро переходит в потенциальное состояние (начинает существовать как потенциальная культура).

Пара как архетип противоречия. Сочетание модусных разверток по линиям сущности и существования означает применение философского принципа единства исторического и логического. В образной форме он был выражен у Н.Г. Чернышевского: без теории нет истории, но и без истории нет и не может быть мысли о теории. «Логико-теоретическое» предстает в науке как статическое, а «историческое» – как результат динамического способа исследования того же предмета. Одновременно архетип противоречия дает два взаимосвязанных варианта приведения множественности определений понятия «культура» к единству: статическую целостность и динамическое целое. Следует сказать, что их сочетание так и остается сочетанием: общефилософский принцип единства исторического и логического в науке заявлен во всех подходах: есть теория механизмов, и в ней – динамический раздел; есть системность и генетика систем; есть теория организмов и история их жизни, онтогенез и филогенез.

Общенаучное требование, которого мы здесь придерживаемся, таково: логическое и генетическое должны совпадать и тем самым взаимопроверяться. Связь и взаимоотображение этих ракурсов возможны везде, где мы удерживаем и статическую целостность содержания и жизнь культуры.

Тройка как архетип иерархии. В системном мире архетип иерархии обозначает «вертикальное разнообразие».

В качестве пределов удерживает вертикальное разнообразие в интересующем нас разрезе пара: «ИДЕЯ – МАТЕРИЯ».

У системной вертикали есть три уровня: НАДМИР – МИР – ПОДМИР.

Иерархические уровни можно модифицировать масштабной пространственной «тройкой» («топос»): «Макро – Мезо – Микро» – и «тройкой» временных модусов («хронос»): «Будущее – Настоящее – Прошлое». Представим их в связке:

Рис. 5. Иерархические тройки, характеризующие систему.

Всякое целое предполагает свой способ уровневой группировки, хотя между ними всегда будут существовать некоторые параллели. Такой инструмент – таксономия в широком смысле – является наиболее важной частью аппарата и классической, и современной науки. Уровневое построение подобного рода иногда носит название «таксономического дерева», что указывает на его иерархическое происхождение.

Таксономическое дерево содержит иерархический аспект – здесь определяются разнокачественные уровни. Чтобы можно было рассуждать о каком-либо уровне, его следует отличить от уровней, лежащих выше и ниже по степени общности. Используя терминологию Л.С. Выготского, мы говорим о нашем предмете как об «объекте сверху» и о «объекте снизу». Анализ показывает, что сплошь и рядом определения объектов даются на одном иерархическом уровне. Нам представляется очень важным преодоление этого методологического недостатка современной науки.

Архетип иерархии наиболее тесно связан с системным понятием «структуры», потому что связи, удерживающие целое в системе, всегда имеют иерархи-

ческий характер. В структуре можно видеть и каузальность (аспект влияния более высокого уровня иерархии), и способ организации состава (закон развертывания более низких, чем система, уровней иерархии). Это – единство управления и организации.

Четверка как архетип состава. Всякое определение есть уже определенное (устойчивое) качество в границах меры. Говорить об этом нам позволяет его уровневая определенность, например системная (а не надсистемная или подсистемная).

Уровнем ниже мы имеем возможность развернуть качество в количестве, т.е. говорить о неких статических единицах состава. Данный аспект обнаруживает себя во множестве определений, раскрывающих «разнообразие внутри системы», в границах данного качества. При этом мы всегда имеем дело с составом, о каком бы подходе ни шла речь. Различаются лишь трактовки состава в разных ракурсах: «детали механизма» – в технике, «органы» – в органическом подходе, «элементы» – в системном, «фазовые подсистемы» – в системогенетическом, «компоненты» – в деятельностном, «морфологические единицы» – в проектном.

В ряду архетипов взаимосвязанные иерархический и компонентный (качественно-количественный) аспекты связаны с сущностью. Совокупность этих подходов будет особенно продуктивной, если мы в дополнение к ним обозначим цикл – жизнь целого (целостности), зафиксированную в сценарии модусов его существования, – то есть применим одновременно все архетипы.

Такие целостные процессуальные наборы редко удается построить, а тем более найти готовыми у других исследователей. Жизнь целостностей обычно описывается в пределах одного уровня, именно поэтому остаются скрытыми отраженные в структуре каузальность и закон развертывания состава.

Выход

Все сказанное по поводу общенаучных архетипов имеет отношение к любой из основных парадигм (и к смешанным типам – тоже). Поэтому связь между архетипами (метод) и парадигмами можно свести в матрицу, раскрывающую типы

исследовательских методов. Полное исследование общенаучного уровня, с нашей точки зрения, должно содержать следующие направления:

Парадигмы Архетипы	КЛАССИЧЕСКАЯ НАУКА					НЕКЛАССИЧЕСКАЯ НАУКА	
	Механическая	Органическая	Социологическая	Антропная	Системная	Генетическая	Деятельностная
● Цикл							
✚ Противоречие							
▲ Иерархия							
■ Состав							

Табл. 3. Соотношение архетипов и парадигм в науке.

Предлагаемая матрица охватывает практически все наиболее часто встречающиеся в литературе парадигмальные подходы и содержащиеся в них методы исследования. Но принципиально вопрос стоит, в общем-то, не в ее заполнении до полноты перечнем теорий и их аспектов. В конкретном случае речь всегда идет о выборе необходимого и обоснованного для каких-то целей современного пути исследования.

Часть 4. НЕБОЛЬШИЕ РЕПЛИКИ ПО ТЕМЕ

4.1. О СМЕНЕ МЕНТАЛЬНЫХ ПАРАДИГМ

Смена ментальной парадигмы в Новом времени. Доминанта Природы

Линейное *теологическое время* средневековья здесь поменялось на *естественное время*. Космос – это естественные циклы природы. Отсюда-то и произошел *переход к равномерным циклам*.

Мне раньше как-то не приходило в голову, что естественные циклы все равномерные. Отсюда гелиотараксия Чижевского, сама ее возможность. Отсюда и ментальная уверенность в равномерности прогресса и его неизбежности.

А если теперь сказать – и они меняются, и они не константны, возникает *релятивная картина мира*, работает закон неравномерности развития. Пока я понимаю релятивную картину мира в пределах конических циклов и импульсов, причем не прямых, а кривых (и потому близких к геометрии Лобачевского).

Геометрия Евклида и Декарта – прямоугольная, и она европейская. Восток применяет радиальную систему координат и принцип вращения (мандала, тайцзи, многоугольники в исламе). Из геометрии Лобачевского следует, что это одно и тоже. Тоже русский тип синтеза: Лобачевский этим ходом соединил европейскую прямоугольность и восточный круг, плоскость и сферу.

Новейшее время. Доминанта социума. Управляемость и проективность

Можно трактовать переход от естественно-научной картины мира к проективной как следующую ступень перехода от доминанты естествознания (абио-био) к социо. Это стадия познания с использованием в качестве объекта социума. Т.е., это та же евронаука, но управляющая социумом, как до того – Природой. ПОЯВИЛАСЬ УПРАВЛЯЮЩАЯ ВОЛЯ СОЦИУМА.

Тогда сама идея нашего тектолога Богданова – *управляемость*, и *идея цели* у Дьюи (цель как целое) – самые актуальные. Отсюда *целевая селекция знания* и никакой морали. Отсюда плановая экономика, НОТ и т.д.

Хайдеггер и экзистенциалисты по сути говорят о том же – наличие себя как цели.

Напротив, русские космисты от Федорова до Вернадского ищут и находят новую группу надсистемных детерминант. От космоса и единого человечества до биосферы и ноосферы.

Это – новая точка зрения на историю. Она перестает быть естественно текущей и становится продуктом организующей воли.

Эгрегоры и проективность

Эгрегоры как тема где-то рядом. Поскольку они и естественные, со своими программами, и поддающиеся перенастройке, т.е. проектируемые. Поэтому попадают в разряд ресурса, который можно использовать в новую эпоху. Религией он использовался и раньше (духовный тип управления), а теперь, последовательно, его начинают применять политика (светский тип управления) и брэндинг (в сновном – экономика).

Например, Гитлер перенастроил Германию за очень короткое время (СМИ и небольшая территория страны) и мощность энергетизированного эгрегора буквально подавляла всех на его пути – Европа сдалась практически без боя. Больше всего поражают чехи, у которых армия и вооружение были сильнее, чем у входивших в нее немцев: а сдаются без выстрела. Но энергетика Европы вряд ли ментально присоединилась к этому эгрегору, она не усилила его. Гитлер взял только ресурсы, которых у него до этого не было.

Хотя потом в войне против России эгрегор Европы объединился, что кажется странным только на первый взгляд. Против Англии он вряд ли смог бы его использовать, это не удалось в свое время и Наполеону. Против России в обоих случаях – пожалуйста.

А у нас в этой войне все шло наперекосяк, пока не проснулся (энергетизировался) наш гигантский эгрегор. Русские медленно запрягают? Или нужно было накопить в этот эгрегор необходимую энергетику, очень рассердив этот

народ. Получился канализированный русский бунт. Трудно такое удерживать, поэтому послевоенные репрессии были единственным способом «остудить» его.

Начальника! Не доводи русских до бунта. Не буди спящего льва.

Вспомнил известную фразу вековой давности «Россию надо подморозить». Значит энергетика-то была ключом.

Идеологии XX века выглядят как те же коллективные молитвы буддистов на всей планете, или моления, вызывание Камикадзе. Но опыт СССР показывает, что долго поддерживать действующую рациональную идеологию трудно, она формализуется. Сначала невиданный энтузиазм, потом энергия глохнет. Необновляемая идеология вырождается, можно даже срок посчитать. Это основная проблема ближайшего будущего: как?

Проблема веры и религии лежит в той же плоскости. Религия всегда формализуется. Походите по храмам, и что обсуждают люди – сплошную правильность соблюдения ритуалов и церемоний, и почти никто – веру. От них коллективной энергии не идет. И просят все о своем, и мало кто просит за Россию. Вот и ослабевает ее эгрегор.

А попытаться построить у нас общество только на жадности, как сейчас, – просто расташут все и будет куча мусора от великой цивилизации. Нет ни объединительной энергии, ни активного эгрегора. Есть очень много маленьких князьков. Период феодальной раздробленности, который закончился игом.

Американцы, напротив, культивируют свой «патриотизм» иногда до идиотизма. Но тем и держатся. А у нас едва начинают говорить о русском сплочении – записывают в нацисты.

Да плюнуть пора на этих записывающих, и история смоет их. Или смоет нас.

4.2. МЕНТАЛИТЕТ И СОЗНАНИЕ

Менталитет есть программа группового сознания (человечества), проявляемая через общество и его культурный механизм с целью руководства нашим поведением.

Сознание в этом ряду есть просто «бодрствование», по О. Шпенглеру. Его лучше всего изучать в психиатричке: на тебя смотрят глаза пациентов, свидетельствующие о наличии сознания. Непосредственный мир отражен в них, как в оптике телекамеры. Остальные уровни у них расстроены. Они могут коммуницировать, но с чем-то другим, не с тем, с чем мы. Разве это повод заключать их за решетку? Для общества – да, ведь они больше не могут быть включены в культурную коммуникацию по ее правилам.

Так и хочется сказать: так перепрограммируйте же их! Отлаживайте расстроенные верхние уровни, сознанием-то они обладают. Что-то в этом роде и делается в теоретической психиатрии, хотя глушить сознание больных химически куда проще.

Но от этого один шаг к выходу за пределы *естественной культурной эволюции* к полностью искусственной. Тогда и «нормальных людей» тоже можно перепрограммировать. Исчезает мера «нормы», потому что в pragmatizme я могу исходить из своих личных потребностей и целей и перепрограммировать весь мир под себя («Хорош в несознанку тут играть! Мы вам вправим мозги!»).

Что характерно, большая часть современных «педагогических технологий» родилась в ходе работы с «отклоняющимся контингентом» – разного рода инвалидами, очень юными и очень пожилыми, людьми с девиантным поведением и т.д. Психотронное оружие рождается из того же набора.

* * *

Если Мысление связано с будущим, то Сознание связано с прошлым, а Менталитет – с настоящим.

Сознание может жить без менталитета, но менталитет без сознания не может.

А верхние, надсистемные, уровни могут жить без человеческого сознания? Допустим, они могут жить на другом сознании, на сознании дельфинов и т.п. Но мы не видим там проявлений инструментальной деятельности. Так это и не обязательно. А вообще без «био» оно может?

Если это случится, то сформируется так называемый ИИ – искусственный интеллект. На какой именно основе он случится – на абиотической или измененной биотической – сказать трудно. Пока нам хочется думать, что компьютеры обслуживают наши потребности, а не наоборот. Хотя с позиции технической генетики посторонний наблюдатель увидел бы только очень быструю эволюцию технических систем – человек-то не развивается!

Стоп! А что же тогда развивается? Чьи потребности обслуживает техника? **Человеческого социума.** Это социум развивается и меняет свои формы в истории. Накопление объема и скорости действия происходит у совокупного общественного интеллекта, а не у человека и не у техники.

Кроме гипотетического искусственного интеллекта существует пока только **совокупный общественный интеллект.** И больше никакого другого не существует. Нет ни естественного интеллекта (выдумка картезианства), ни отдельного человеческого. Все, что есть в человеке, – это программная представленность совокупного общественного интеллекта, часть невидимой общественной программы, записанная культурой в нас, ведь мы в этом ракурсе всего лишь ячейки гигантского компьютера под названием *человеческий социум*. Никакого иного интеллекта нет, поэтому есть всего один Интеллект – интеллект Человечества, живущий как совокупный общественный интеллект.

А креативность? Способность создавать новое, не бывшее?

Разочаруем большинство из вас. Мысление мыслит нами, и, когда это происходит, человек создает то новое, которого пока нет в культуре. Нами Интеллект пополняется новым, а общественная машина культуры штампует его фиксированное состояние на прочих людях. Конечно, почетно достигнуть состояния гения, когда тобой мыслит Мысление, но никаких привилегий в обществе это не дает – одни только неприятности. Более того, культура всячески

противится обновлению, и это естественно для всякой инертной системы, сохраняющей стабильность. Вот почему пушкинский Сальери отравил Моцарта – по идейным соображениям. «Он несколько занес нам песен райских», чем изменил привычную Культуру мира, где Сальери таким тяжким трудом добился своего высокого статуса.

Креативность есть самодеятельность. Поэтому *изменение и сохранение* по отношению к культуре тождественно *самодеятельности и деятельности*.

Но откуда в человеке берутся мотив быть самодеятельным и воля к этому? Что подпитывает наше стремление творить и создавать новое, в то время как в социуме хорошо живут только торговцы уже созданного? Когда нас учили, что «эти дворцы были созданы гением народа, поэтому их нужно народу вернуть», не верилось. Народ это все исполнил в камне, но придумал эту красоту кто-то один. С будущим общается один человек, а не народ. Это и есть понятие *элиты* в ее истинном смысле – единицы, способные общаться с будущим.

Как, казалось, был принжен творческий человек в СССР! А сегодня? До уровня земли, если только он не из сферы экономики или политики! Так в чем разница? Культивирование творчества («пусть расцветут сто цветов, пусть будет сто школ», по Мао) всегда происходит по политической воле только в очень короткий период выбора альтернатив. Возникает авангард, а функция авангарда состоит в том, чтобы принести новое и погибнуть. Потом отобранное из нового превращается в мертвееющий культурный канон, а цветы творцов первого периода выкашивают вместе с ними. Хватит творить, пора маршировать, «строить и месть». А сегодня – торговать, ибо сказано: «Обогащайтесь»!

Если взять историю в целом, как цикл, можно рассмотреть ее с позиции противоречия «изменение – сохранение» (изменчивость – устойчивость):

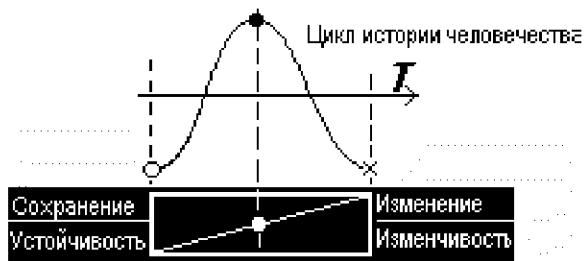

Рис. 1. Векторные ориентиры на полюсах цикла истории.

В цикле возможны три простейших варианта связки этих противоположностей, и их последовательность создает сценарий истории.

Всестороннее развитие личности и достижение состояния, когда все будут сплошь самодеятельными, есть момент *полного преобладания изменчивости над устойчивостью*. Очень хочется, чтобы все строем пошли в светлое будущее, но пока это можно лишь имитировать. Масса, превращенная в сплошную элиту, – это нонсенс. Но именно с этого и началась история человечества: изменчивость у первых людей преобладала над устойчивостью.

И то и другое – и изменение и сохранение в равной мере – есть признак срединной культуры – от античности до Нового времени.

И вот мы подходим к концу истории. Сегодня потребность человека в ощущении устойчивости достигла апогея. Чем быстрее развивается общество, тем сильнее жмет на тормоз человек, поскольку он выдыхается. Но его потоком общественной экзистенции «тащит по камням». Общество пытается сохраниться в прежнем состоянии, поэтому его все больше тянет к глобализму. Остановите историю, я хочу выйти!

* * *

Все то же повторяется в культурном цикле любой длительности, хотя и более специфично.

«Пусть расцветут сто цветов!» – лозунг первого этапа. Изменчивость преобладает над устойчивостью, элита и авангард – над инертной массой. «Мы наш, мы новый мир построим».

И изменение и сохранение одинаково важны на среднем этапе. Это – лозунг второго, гомеостатического, периода, когда между элитой и массой нет особых противоречий. Они нуждаются друг в друге и понимают это, что редко.

«Давайте вернемся к традициям!» – такой призыв означает, что сохранение, достижение устойчивости – важнее креативности, изменений, изменчивости. «Будем торговать!» Сие есть лозунги третьего этапа, когда масса преобладает над элитой. Горьковским дачникам и чеховским героям, которые «наголодались в юности», очень хочется стабильной сытой жизни ионьчей. Но

ждут их, увы, очередная революция и лагеря. Революцию устроят авангардисты – футуристы – буревестники, которым страсть как хочется бури! А почему? Да потому, что масса задавила элиту, в общественном отношении буквально размазала и унизила ее. Она пишет и жиরует. Ну-ну.

* * *

Сопоставим изменчивость с будущим, а устойчивость – с прошлым, а с ними – Дух и Тело, Мышление и Сознание и т.д. И увидим странную закономерность: вбрасывание энергии будущего, энергии Духа, происходит в обществе порциями. Это вбрасывание напоминает пассионарность, какой ее описал Л.Н. Гумилев [89], размышляя об этносах. Перемещение по культурному циклу весьма напоминает движение Души от Духа к Соме.

4.3. КАЛЕНДАРЬ МАЙЯ И КАМИКАДЗЕ

Являются ли безобидными игры в пророчества, тем более, что они облекаются в форму научности? С ментально-эгрегориальной точки зрения, не являются. И даже наоборот: они опасны.

Когда много людей думают об одном и том же и эмоционально относятся к этому (жаждут, боятся и т.д.), это происходит. Не надо и объяснять, что это главный механизм магии.

Классический пример – это знаменитый Священный ветер, в переводе Камикадзе, потопивший огромный флот захватчиков, идущий на Японию.

Как известно, 1274 году Хубилайхан, внук Чингисхана, завоевав Северный Китай и Корею, решает покорить Японию, которая пренебрегла его ультиматумом. В ноябре гигантский флот из 900 кораблей с 40 тысячами человек десанта подошел к Японии. Первое сражение для японцев было неудачным, несмотря на это завоеватели все же решили первую ночь провести на кораблях. В это время японцы продолжали молить небеса о ниспослании на врагов всяческих бедствий и стихий. И вот неожиданно для завоевателей начался сильный шторм. Корабли Хубилайхана были вынуждены выйти в открытое море, но и там свирепый шторм швырял и топил корабли монголов и их союзников. Когда шторм закончился, выяснилось, что около 200 кораблей затонуло, а вместе с ними нашли свою смерть почти 10 тысяч человек. Завоевание Японии сорвалось.

То же самое повторилось через семь лет и силы завоевателей были настолько велики, что японцам с их островными ресурсами оставалось только снова молиться. Истово молились император и его сановники и в этот раз грянул ветер и разразился такой шторм, что от флота монголов практически ничего не осталось. Некоторые историки считают, что тогда затонуло около 4 тысячи кораблей, а потери в живой силе составили до 100 тысяч человек. Больше монголы уже никогда не представляли для Японии серьезной опасности.

В XX веке подобная история повторилась вновь. Только теперь не монголы, а американцы угрожали Японии. В 1944 году 3-й флот США направился к Филиппинам, чтобы массированным десантом поставить окончательную точку в войне с этой страной. Не имея значительных сил, чтобы помешать американцам в осуществлении их намерений, правительство Японии обратилось с просьбой к своему народу совершить молитву и попросить небеса обрушить на головы врагов священный ветер Камикадзе. Когда с помощью разведки об этом узнали на флоте США, там буквально надорвали животы от смеха. Но, как говорят, смеется тот, кто смеется последним — невиданной силы тайфун обрушился на американские корабли. Сразу перевернулись и затонули три эсминца, с авианосцев смыло за борт почти 150 самолетов, 28 кораблей получили серьезные повреждения, погибло 800 человек, и вся операция сорвалась.

Менее известны негативные примеры. В моменты концентрации ненависти одного народа к другому, особенно на юге, где страсти всегда кипят, начинают происходить неожиданные землетрясения и прочие катаклизмы.

Поэтому нагнетание надуманных страстей вокруг календаря майя программирует некие последующие события. А страхи – это та энергетика, которой питается эгрегор.

Остается вопрос: кому выгодно?

4.4. ПОПУЩЕНИЕ БОЖЬЕ ИЛИ ЛИШЕНИЕ РАЗУМА

«Эти козлы сдадут нас при первом удобном случае».

Из разговора в трамвае.

Как-то недавно у нас завязался спор с преподавателями по поводу предреволюционной ситуации вековой давности. И я с удивлением понял, что мы практически не имеем иной точки зрения, кроме мифологем, навязанных нам еще в молодости. И никакое самообразование не спасает от этой ситуации, если только не заниматься профессионально историей. Но в ней всего так много, что, будучи знатоком в одном, в другом непременно будешь дилетантом. Но невозможно понять то, чего не знаешь!

В нашем тексте речь пойдет не совсем об истории в обычном понимании. Речь пойдет об эгрегоре и менталитете в ситуации окончания культурного цикла, век назад. Или сегодня, поскольку во многом наблюдается почти полная идентичность.

Вот скажите, вас не поражает, что в русско-японской войне при достаточно сильной позиции и очень боеспособных русских солдатах с непосредственными руководителями армии и флота происходят не просто странные, а совершенно уж мистические события. Надеждой флота был адмирал Макаров, и поставлен он был в нужное время и на нужное место. И вдруг он гибнет вместе с кораблем и окружением. А с прочими высшими руководителями постоянно происходит одно и то же: паралич воли.

Зиновий Рожественский превратил практический явную победу в поражение. И другие высшие чины, и их не один или два, массово – капитулируют буквально перед возможной победой, когда ресурсы противника полностью истощены. Или не предпринимают никаких действий, когда нельзя не действовать. И т.п. Эти высшие чины ведут себя **на грани безумия. Это некое выборочное лишение разума, распространяющееся только на элиту.** При этом низовой состав армии

и флота проявляет чудеса героизма и стоит насмерть, даже перед впятеро превосходящим противником. Воюют с умом, вычка потрясающая: 2-3% потерь с нашей стороны в этой русско-японской войне. А русского солдата бездарно предают, предают и предают его высшие начальники.

Что говорят об этом историки? Случай, судьба, русский народ отвернулся от Бога, поэтому Бог отвернулся от такого народа. И т.п. Короче, разводят руками.

А теперь вспомним, что именно мы постоянно говорили о распределении *ментальной энергии народа* в культурном цикле. Эта энергия в обсуждаемый момент истории иссякла. Как иссякла она и сегодня, о чем можно поговорить особо. И проявляется это в таком непонятном и почти невероятном явлении: «если Бог захочет наказать, лишит разума». У высших чинов армии и флота словно какая-то сила вынимает волю и лишает их разума. Они ведут себя как самоубийцы, причем массово, у них наступает ступор.

Ступор (от лат. *stupor* — оцепенелость, неподвижность), состояние обездвиженности и молчания; симптом психических болезней. Здесь же ступор социальный, и тем более он страшен, что от действий этих людей зависят судьбы не только сотен тысяч солдат и матросов, но и будущее страны.

Второе, что не менее поразительно: наша интеллигенция тогда патологически жаждала поражения русской армии. «Ненавистный царизм, тюрьма народов, жандармская власть» и прочие мифологемы – вот что у нее было в голове и в текстах. И это при том, что у нас было всего 10 000 жандармов на всю империю, а во Франции, которая в 3-4 раза меньше – 35 000, да с такими крутыми правами, которые нашим и не снились.

Не так давно, если вы помните, вся эта ситуация повторилась. И ситуация ступора, и настроения национальных элит, которые с садомазохистским удовольствием жаждали поражения России то в Афганистане, то в Чечне. И тот же геройзм простых солдат, и их стойкость.

Знаете, какой именно «недостаток» был главным у Николая Второго? Нет, не безволие, в котором его огульно обвиняют. Как раз с этим у него все было нормально, как и со всем другим, что должно быть у государственного лица такого

масштаба – об этом говорят документы. Нет, этот недостаток – интеллигентность. Ее все принимали за мягкотелость.

В ситуации стагнации империи, в которой последний император никак не был повинен, наличие на престоле железной руки могло бы спасти ситуацию? Это я сам себя спрашиваю. А не знаю...

Были ли исторические прецеденты, когда в период нулевой энергетики народа какой-нибудь местный Наполеон всех построил и тем спас страну? А вот не вспомню у нас такого. Но только понимаю, что машина государства работала в тот момент вполне正常ально. И потому была успешной деятельность Столыпина. Который был ментально обречен, как и адмирал Макаров. Вот теперь я понял: да, может встать нужный человек с железной рукой на нужное место, но он – смертник. В него обязательно попадет снаряд или пуля. А вот русский снаряд на полметра пройдет мимо японского адмирала. И это не мистика. Это закон. Снаряды люди выпускают. А людьми ментосфера руководит. Эгрегор империи.

Так что же происходило на ментальном плане в этот момент? Конец династического цикла в 300 лет. Конец 100-летнего культурного цикла. И, похоже, конец 1000-летнего цивилизационного цикла. Резонанс конца трех таких циклов в тот период и привел к серии революций. Кстати, из первой революции Николай Второй корабль вывел. И без больших потерь, вопреки мифологемам.

Вообще, если говорить в рамке геополитики, этот интеллигентный царь практически не совершал ошибок на своем месте. Но историческое время ему досталось – не позавидуешь. Машина государства состоит из людей, а у этих людей «ментальная батарейка» разрядилась.

И вот кто реально противостоял ему внутри: «Словно по команде заполыхали дворянские усадьбы». Это не может быть организованностью неких политических сил, поскольку происходит синхронно, на всей громадной территории империи. Волны всеобщего возбуждения и такой же всеобщей апатии за последнее десятилетие жизни империи слишком очевидны, чтобы не понять, о чем речь идет. Ни провокаторы типа Гапона, ни возможное внешнее финансирование внутренних врагов империи этой синхронности вспышек не

объясняют. Хотя чем точнее действовал последний русский император вовне, тем больше все враги стремились взорвать Россию изнутри, это есть.

Кстати, попытки объяснить происходившее тогда наличием разных проектов, в том числе самых хитроумных, объясняет только повод, но не причину. Вот убивают в Сараево эрцгерцога. Не обязательно же войну начинать по этому поводу? Обязательно, хотя повод мог и другой найтись. Вполне возможно, что этот конкретный случай – чей-то проект, поскольку невзрачный убийца эрцгерцога спокойно себе переждал мировую бойню в тюрьме, а не был расстрелян по законам военного времени. Ну и что?

Ментальная ситуация конца цикла уже была чреватая взрывом, она была беременна войной, вот причина почти безумного поведения огромных масс людей. Посмотрите, с каким подъемом русские бросились на призывные пункты воевать – их и позвать-то еще не успели. И какой апатией все это кончилось перед 17 годом, когда разбалансировка общественной психики достигла предела. И все та же оцепенелость, ступор управленческой элиты, как и в русско-японской войне, даже еще хуже. Узнаете ситуацию?

И то, и другое – одинаково необъяснимо с рациональных позиций. Но легко понимается с ментальных. Или привычнее – по циклам Солнца, которые социально объяснил А.Л. Чижевский в своей историометрии. Но между Солнцем и людьми он искал посредника, и не нашел его, осталась только гипотеза. Мы же считаем таким проводником эгрегоры. В данном случае – эгрегор империи в момент исчерпания запаса ментальной энергетики народа.

И теперь сегодня. Ситуация та же, но только «та же» в ментальном плане. Ни резкого подъема промышленности, ни расцвета наук и искусств, как век назад, не наблюдается. Про армию умолчу, но понимаю, что живет на всем последнем. А ситуация все так же взрывоопасна.

А кто рвется к власти? Все те же, что и век назад. Вот, кстати, единственный и роковой проигрыш царя во внутренней политике: дворянство лишилось реальной экономической опоры и перешло в прямую оппозицию, а нувориши – им царь не нужен. Они сами рулить хотят. Тем более перед глазами

многочисленные западные образцы. А политической культуры – нуль. Неоткуда ей было взяться, ее выращивать надо, чем Николай второй и намерен был заниматься, учредив Думу. Но тут он опоздал.

Вот на этом разрыве и сыграли большевики. Предпринять такой эксперимент в Европе не позволили бы традиции. Они и не позволили, ни в Германии, ни в Италии, хотя обернулось это потом фашизмом. А здесь традиций не было. Были бесправные низы и скороспелые элиты. Материал, из которого лепи что хочешь.

4.5. ПРИЗНАКИ ФАШИЗМА И ЭГРЕГОРЫ

Воспользуемся нашей теорией менталитета, чтобы расставить кое-что по местам в только что опубликованном на АТ материале о фашизме (Владимир Солонарь, Научный расизм).

И в СССР, и в Италии, и в Германии времен Гитлера некие группы людей активно запускают каждая свой эгрегор. Их надо классифицировать по историческим результатам: или это эгрегоры нации, как было в Новом времени (кстати, это его главная характеристика: национальные государства). Или это эгрегоры, собирающие нацию как ядро для мощной внешней экспансии и с другими целями. Зачем: в истории наблюдается рост масштаба и действенности эгрегоров. Момент бифуркации, начиная с Первой мировой войны – это момент запуска укрупненных эгрегоров, более крупных, чем национальные.

Если взять Наполеона, он примерно в таком же положении исторического цикла (бифуркация), но есть и разница: Наполеон опирался на нацию и действовал в ее интересах. А эгрегор с участием Гитлера предполагал большее: внешняя экспансия за счет мобилизации одной нации в качестве ядра. Направленность его идеологии укрупняла некий наднациональный эгрегор, что отмечали уже все предвоенные геополитики Германии (путь на восток, идея единой Европы и т.п.). Ситуация здесь только выглядит как национальный «нацизм», между тем посмотрите на итоги: от такого нацизма более всего пострадал именно немецкий народ. Так жертвой чего он стал? Чего-то такого, что стремилось к континентальному масштабу и с претензией на последующее мировое господство. То, что мы сегодня называем «глобализмом» уже под другими знаменами.

Суть немецкого фашизма – в этом. Образовавшийся наднациональный эгрегор использовал Германию, где накопилось достаточно отрицательной ментальной энергетики, и которую так старательно унижали и ограбили после первой мировой победившие союзники. Конфигурация политики и идеологии Гитлера, как нетрудно увидеть, во многом случайная. Но! Очень и очень pragматичная. Пробуется многое, отбирается то, что работает с этим народом.

Поэтому такая сложная эволюция идей и постоянная смена лозунгов и групп влияния.

Вот рядом находится «игровой» эгрегор Муссолини. Его постоянно заносит, поскольку он больше артист. И нация при нем артистическая, надо с ней резонировать. Она не воевать стремится, а больше озабочена галунами.

И вот это то, чему Гитлер у Муссолини научился, хотя обладал совершенно другим типом темперамента и был в другой ситуации: поток образов запускает эгрегор. И чем выше плотность этого потока, тем быстрее процессы запуска. Поэтому он лично столько занимался искусствами, собой как оратором, стилем империи и т.д.

Американцы написали про наши 30-е годы, что у нас было запущено «излучение счастья», конечно же, насилиственное. Оно исходило изо всех средств массовой информации, прежде всего кино и музыки, но не только. И что произошло: это-таки село на людей, зарезонировало с ними, стало особой реальностью и немало способствовало последующей Победе. Я уже имел случай объяснить, что это ментальный циклический резонанс, а не дурацкое желание партии: менталитет по желанию не запускается, он живет сам по своей программе. И наоборот, сегодня: изо все щелей и окошек на нас выливают смерть, смерть, смерть. Некрофилия парализует нацию, вгоняя ее в депрессию. Нация неизбежно умрет, если этот поток яда не перекрыть. Поскольку ментально она и так переживает циклическую фазу стагнации.

А то, что в Италии происходящее имело вид буффонады, хотя и нешуточной, так это ментальная специфика очень старой нации. Ее *период имперской экспансии* прошел еще в конце античности. А потом ее насиливо пришлось собирать по частям Гарибальди и компании. Вот почему главным достижением искусства XX века там стал итальянский футуризм, который и обслуживал артистически одаренного дуче. Именно этот артистизм небольшой группы ярких единомышленников через СМИ запустил эгрегор новой недолгой «сборки» нации в новой мировой ситуации, здесь художественные образы имеют решающее значение. Образы, а не содержание! Итальянцы артистичны от

природы, и как все южане эмоциональны и экспансивны, хотя бы во внешнем выражении. А содержание того, что именно говорит «главный начальник» – оно всегда политически актуальное: все его реформы разрушились в кратчайшие сроки, поскольку были мыльными пузырями. Циничные англичане в лице Черчилля это хорошо понимали, но поначалу отдавали ему должное, как отдают оперному тенору.

В отличие от Италии и Германии, Сталин не принимал за основу идеологии внешний экспансионизм. У него не было установки на непосредственный захват территорий, поскольку внутренний резерв неосвоенных территорий был и остается до сих пор колоссальным. Все его последующие «присоединения», включая финские, были продиктованы исключительно геополитическими ситуациями на границах. Об этом говорит хотя бы то, что он впоследствии вернул Польше часть ее территории, когда она перестала быть актуальной в военном отношении.

Более того, именно Сталин подготовил роспуск Коминтерна, идеология которого была направлена на мировую революцию. Коминтерн – это была проба включения все того же эгрегора «глобализма». Вот почему он не сел на нас окончательно, хотя устроил невероятную по своей кровавости и безудержности мясорубку нации еще до Сталина. Я посмотрел 82 серии «Истории России XX века» и многое для себя понял, хотя совершенно не согласен с концепцией этого «документального» фильма. Но вот момент от 1917 года до воцарения Сталина мне стал более ясен: новорожденный эгрегор глобализма – гигантской мощности – втягивал в себя энергетику нашего народа, выкашивая слой за слоем его самую энергичную и интеллектуально мощную часть. Сталин его отключил, последовательно выбивая проводников этого эгрегора во власти, иначе это нас ждала бы судьба Германии. У тех, кого он уничтожил, руки были уже по локоть в крови. И если сопоставлять с цифрами в руках, неизвестно еще, кто был самым кровавым правителем этого первого тридцатилетия СССР – он или его предшественники.

И в 1945-м Сталин не пошел во Францию, Грецию и Италию, хотя политически и ресурсно он мог бы это сделать (хотя и на самом пределе, но

Троцкого бы это не остановило). И образование послевоенного «соцлагеря» – это не из арсенала его довоенных планов. Холодную войну начали не мы. Все наоборот: освободившись от выпотрошенного немецкого народа, этот эгрегор глобализма сел на США, которые ввязались в мировую войну и тем самым зарезонировали с этим эгрегором. До войны в ментальном плане это была относительно тихая, полусонная торговая страна с хорошей техникой и нормальным уровнем жизни, но без мировых амбиций и фактически без серьезной армии. Все резко изменилось в послевоенной Америке, взять хотя бы сугубо идеологическую «охоту на ведьм», которая местами напоминала наш 1937 год с учетом американской специфики. Маккартизм (от имени сенатора Дж. Маккарти) был откровенным проявлением тоталитаризма в общественной жизни США, которая всегда отличалась ориентацией на демократию, хотя бы у себя дома. Но между концом 1940-х и концом 1950-х годов, политические репрессии против инакомыслящих, сопровождаемые настоящей истерией, выглядели ничуть не лучше наших действий тов. Ежова. В итоге Маккарти вполне снискал себе славу Американского Лаврентия Берии.

И теперь весь мир – зона интересов единственной супердержавы, на которой этот растущий эгрегор упокоился.

Поэтому, как ни парадоксально это звучит для кого-то, при Сталине включился эгрегор «собирания нации» в ее естественных границах. Естественных для великороссов как «имперской нации». Все последующие попытки разных групп включить некий «русский» эгрегор размером поменьше не кончаются ничем, как и век назад. Как и попытки расчленить это государство изнутри или извне. Если это и произойдет, то получится чудовище Франкенштейна, не обеспеченное эгрегорами, а значит, заведомо мертвое. Ну а чего натворило это чудовище, известно.

Поэтому приведенные характеристики нацизма, фашизма, а также тоталитаризма и прочие в том же духе, не убеждают. И напротив, если говорить об истории в эгрегориальном освещении, можно много чего интересного сказать про будущее.

4.6. ЗАПИСКИ ОБ ЭВОЛЮЦИИ

Противоположностью истины является другая истина, а между противоположными мнениями лежит не истина, а проблема.

То ли Гёте, то ли Нильс Бор.

Предположим, что в основании эволюции лежит некий достаточно простой процесс. Вселенная рождается и умирает (сворачивается и разворачивается в точку сингулярности) не впервые, и при этом всякий раз усложняется. Как и все, что нам известно, по закону Тота Гермеса «как вверху, так и внизу».

И, по моему, Вселенная имеет «память» о тех предыдущих циклах, должна иметь. Как эта эволюционная память проходит через игольное ушко сингулярности, судить не берусь, но самый простой вариант состоит в том, что она записывается вне Вселенной. Как и наша, общественная память – записывается вне нас (трансперсональная психология и т.п.).

Эта память до достижения определенного момента сложности выступает как ее *программа саморазворачивания*. В этот раз Вселенная должна разворачиваться быстрее, чем в прошлый. Есть близкий закон системогенетики, описанный А.И. Субетто (сжатие системного времени).

А дальше, когда Вселенная становится сложнее, чем была до того, начинается «чистое творение», уже без опоры на отработанную программу. Оно еще чего-то добавляет, в плюс или в минус. Это чистый поиск, и времени на это отпущено ровно столько, насколько позволяет «сжатие».

То же самое относительно людей и общества. Мы тут не первые, и не последние, чего обольщаться. И наличие алгоритма истории ясно говорит, что он проходится не впервые. Момент нашего собственного «чистого поиска» в эволюции уже рядом. Но мы можем «проскочить» его, поскольку не рефлектируем свою эволюцию как целое. Тогда она смоет нас как неудачную пробу. Таких полно было в космосе.

Критерий очень простой: отрефлектировав свой алгоритм, нормальное человечество применяет Разум для перехода в свое полноценное состояние. Это состояние «Человечество как единый организм». Это другие связи между людьми, поскольку цель уже другая.

Только с этого момента с нами могут начать «контакты» любые иные. С разделенным человечеством, недочеловечеством, все пока иначе.

Очевидно, что среди нас присутствуют и помощники, и искусители человечества на этом его Пути. Мы – арена их борьба. И мы очень важны для космоса, я это точно знаю почему-то.

* * *

Что касается живого на Земле, в нем тоже этот закон проявлен.

При достижении некоторой степени сложности живых систем (и, вероятно, их массы на Земле) у нас включается контур цефализации. Но нервная система и органы чувств – это только условие для.

По Эшби, в основе самоорганизации лежит механизм самообучения и его моделью являлось становление нервной системы в онтогенезе. Это, так называемые, *классические системы*, самоорганизация которых основана на присущих им внутренних механизмах управления. А сама «самоорганизация» здесь определялась как способность систем спонтанно изменять свою структуру в зависимости от опыта и окружающей среды (У. Росс Эшби «Принципы самоорганизующейся динамической системы», 1947).

В рамках *неклассической* концепции самоорганизации Г.фон Фёстера это происходит на базе *циклических процессов*, порождаемых в живых организмах в ответ на случайные события. Здесь уже нет внутреннего управляющего органа. Зато ниоткуда появляется «цель»: направление развития, которое «выбирается» самой системой. А что предполагает такой выбор? Внешний контур. Сознание биосферы, один из его уровней, видовой, популяционный.

Но когда вся эта неклассичность трактуется как системы «синергетические», децентрализованные, формирующиеся на основе стохастического взаимодействия компонентов, это означает только признание нашей беспомощности понять,

откуда приходят эти самые «цели». А это обыкновенное внешнее алгоритмическое управление.

Самообучение, самоорганизация, опыт и т.д. все равно требуют не внутренней, а внешней записи. Чтобы чего-то из видовых достижений записалось мне само на химическом уровне в ДНК – не верю. Только извне.

Поэтому самым главным является вопрос о взаимодействии этих двух точек зрения, двух уровней управления: внутреннего и внешнего. Мне нет необходимости ставить здесь вопрос о материальных носителях, поскольку поставьте себя на место «проектировщика»: первое, что надо сделать, ввести «защиту от дурака». Находясь уровнем ниже, ты не должен и не сможешь понять материальные и прочие особенности устройства уровня, который тобой управляет. Пусть думает, что это стоатистика. И хорошо. Математика там всякая, нобелевки и прочие глупости.

Поэтому сама идея синергетики, сами понимаете. Пусть себе будет ниоткуда способность «физиологических процессов организовываться в определенную синергическую деятельность» (Н. Винер, 1969).

Большинство не слышит, чего на самом деле говорит И. Пригожин.

А говорит он странные в рамках этой гипотезы вещи: в условиях, удаленных от состояния равновесия, на фоне разбалансировки и роста энтропии в открытых системах *могут возникать новые упорядоченные структуры*. Эти «диссипативные структуры» элементарно трактуются в циклической картине мира: в условиях распада системы (конец цикла) появляются новые организованности, вроде бы никак не связанные с только что прошедшем генезисом этой системы. Но так и должно быть: это же гегелевское «отрицание», или тот же принцип дихотомии, лежащий в основе всех эволюционных моделей в биологии. Взаимодействие между сторонами пары тут трактуется в терминах «наследственность – изменчивость», «часть – целое» или «кооперация – конкуренция», Короче, речь идет о взаимоотношениях между двумя уровнями иерархии. А тут в системном анализе биологам нужно вводить такие термины, как «организованность и материал». А их там пока нету.

На новом витке не просто изменяется вектор развития, здесь система или полностью модифицируется, или «революционно» ломается на компоненты и становится материалом для новой. Например, наши дуроломы свою систему в 1990-х сломали и получили груду мусора, теперь торгуем ресурсами – кровью нашей Земли. А китайцы модифицировали, и по-прежнему берегут у себя каждое дерево. Хотя и нам никто тогда не мешал строить нормальную двухэтажную экономику. Мы ведь все равно к ней сейчас приходим. Но откуда, из какого дикого прошлого.

Обнаружив отрицание, остается поискать наверху «узловую линию мер». Это алгоритм истории, алгоритм биоэволюции и т.д. Для этого надо посмотреть на систему с позиций проектировщика эволюции.

Новые структуры, естественно, не зависят от состояния исчезающей системы, и от ее предыстории в этом цикле. У них новое качество, новое содержание, структурно они вообще некоторое время «пустые». А точки бифуркации – это точки разрыва между циклами, когда скачкообразно меняется качество. Все это хорошо известно в стратегическом менеджменте, который оперирует с точно такой же моделью.

В этой связи, в чем была дебильность выбора 1990-х: наступил явный момент *модернизации*, а вместо него системе искусственно сотворили *бифуркацию*. А цикл системы на самом деле еще не кончился, ему положено было 30 лет отпахать. Ментально система продолжает все то же движение, поскольку ментальным уровням (организованности) до лампочки «судьбоносные решения» Горбачева с Ельциным. А на поверхности плавает только то, что всегда всплывает: мусор и щепки, поскольку экономическая основа этой системы (материал) разрезана на микрочасти, как были быстренько разрезаны наши титановые подлодки и стратегическая авиация – на металлом, и тут же проданы за бесценок.

Это решение наших «управленцев» немедленно отбросило нашу систему в глубокое прошлое, после чего она начинает цивилизационно опираться не на социализм или капитализм, и даже не на средневековье и рабовладение, а на более

ранние механизмы устойчивости социальных систем: первобытные – клан, род, семья. Отсюда «русская мафия», великая криминальная революция, на рынках одни южане и т.п. Этим «выбором альтернативы» страна, до того озабоченная «Буранами» и новыми космическими станциями, превратилась в первобытное сортище банд с «каменными топорами» в виде импортных автоматов наперевес. Такого и в такие короткие сроки история еще точно не видела.

Поэтому, возвращаясь к эволюции, централизованные «классические» системы с заданной генетической программой, и децентрализованные «синергетические», – это две разновидности одного и того же. Просто одни исследователи как бы видят и акцентируют одну сторону, другие – другую. Остается нарисовать вполне очевидную схему *третьего*, т.е. целого.

Четыреединый фундамент Вселенной

Четыреединый фундамент Вселенной: информация, железо, время, пространство. Нашел фразу «триединый фундамент Вселенной: информация, время, пространство». И понял сразу: это не рядоположенность. Это крест. Поскольку Время-Пространство – это горизонталь, и i (информация) – она вертикальная.

Но это узко и это односторонне. Ракурс пары «Время-Пространство» – вторичный.

У меня есть первичная четверка.

Дух-Душа по горизонтали. Она и воплощается в хронотопической паре Время-Пространство. В искусстве, в образах – как хронотопических концентраторах.

Связка Разум-Тело существует вне времени по вертикали. Не станем же мы эту пару сводить к «информации»? Воплощается в чем? Идеи и вещи. Информация и ? «Железо»! На сленге все точно: такая «материя» у современных комов, крашеная китайская жесть, «железо».

Материя внизу (развести материю и сому). А что вверху? Не Дух, а Разум в этой паре.

Тогда неверна исходная пара Дух-Материя. Не Дух проникает в материю, а Разум?

А если разум есть свойство материи?

Тогда проникает Дух. В развертке это Дух-Душа. Кстати, про это, именно про это, у Флоренского: материя, к которой прикасается дух, пронизанная Духом, обладает иными свойствами. Она намного прочнее. Рукописи не горят. Но только – пронизанные Духом!

МЫ – ТОПЛИВО

Соотношение человеческого и технического социумов в истории – это пара. По мере приближения к концу, технический социум начинает доминировать.

В чем это проявляется? В падении рождаемости в технически развитых странах. Технический социум пожирает человеческий. Ведь развивает его только «Я», атомарный человек.

Это происходит хоть при капитализме, хоть при социализме. Но обязательно – при власти технократии.

Когда этот кризис обнаруживается, начинается втягивание в эту «топку мегаполисов» тех неразвитых окраин, которые все еще имеют высокую рождаемость. Чтобы возникала иллюзия, что все нормально. Сначала своих, потом чужих. Так у нас порушили деревню, ее нет больше. И теперь в Москву потоком идут гастарбайтеры.

Получается, что если как-то не остановить экспансию технического социума, нас просто скоро не станет. Технос совершают самоубийство, а мы ему только суетливо способствуем. Конкуренция, geopolитика и т.д.

Хотя в целом население Земли растет, это не меняет описанной тенденции. Поскольку в процентном отношении население технически развитых стран просто пока невелико. Но все стремятся туда, в это технократическое будущее.

Мы – топливо НТП.

Сведения об авторе:

Александров Николай Николаевич

Доктор философских наук,

Член Союза дизайнеров РФ

АВТОР СЛЕДУЮЩИХ МОНОГРАФИЙ:

1. Н.Н. Александров, Эгрегор народа и государство. // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.17936, 20.03.2013.
2. Н.Н. Александров, Циклическая динамика. Книга 4. Фазы цикла // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.17936, 14.03.2013.
3. Н.Н. Александров, Циклическая динамика. Книга 3. Базовая модель цикла // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.17936, 07.03.2013.
4. Н.Н. Александров, Циклическая динамика. Книга 2. Основные понятия циклической парадигмы // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.17932, 05.03.2013.
5. Н.Н. Александров, Циклическая динамика. Книга 1. О методе. // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.17920, 27.02.2013
6. Н.Н. Александров, Модернизм и будущее // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.17676, 04.10.2012
7. Н.Н. Александров, Цвет и его динамика в культуре // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.17628, 20.08.2012
8. Н.Н. Александров, Спиральные формы в искусстве, дизайне и архитектуре // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.17547, 22.06.2012
9. Н.Н. Александров, Проблемы художественной композиции // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.17452, 12.05.2012.
- 10.Н.Н. Александров, Метод системокинетики. Книга первая: Статика // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.17362, 18.03.2012.

- 11.Н.Н. Александров, Т.В. Зырянова, Проблемы художественной герменевтики и акмеология // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.17348, 06.03.2012.
- 12.Н.Н. Александров, Очерк истории психологии восприятия // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.17251, 24.01.2012.
- 13.Н.Н. Александров, Эволюция перспективы. Ментальные модели пространства // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.17208, 12.01.2012.
- 14.Н.Н. Александров, Анализ картины Питера Брейгеля «Зима» (Охотники на снегу) // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.17167, 02.01.2012.
- 15.Н.Н. Александров, Проблемы инновационного менеджмента // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16924, 31.10.2011
- 16.Н.Н. Александров, Философские вопросы брендинга // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16866, 02.10.2011.
- 17.Н.Н. Александров, Три цикла развития скульптуры в искусстве XX века // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16838, 25.09.2011.
- 18.Н.Н. Александров, Генезис ментального хронотопа. Книга 2. Генезис представлений о пространстве // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16806, 01.09.2011.
- 19.Н.Н. Александров, Генезис ментального хронотопа. Книга 1. Генезис представлений о времени // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16795, 29.08.2011.
- 20.Н.Н. Александров, Структура и динамика многоуровневых образных систем. Монография / В сб. Системогенетика, 94. Раздел 2 // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16720, 03.08.2011.
- 21.Н.Н. Александров, Моделирование индикаторов качества в эстетической системогенетике / В сб., Системогенетика, 94. Раздел 1 // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16703, 31.07.2011.

- 22.Н.Н. Александров, Понимание времени. Культура и циклы. Избранные статьи. // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16682, 27.07.2011
- 23.Н.Н. Александров, Дизайн как предтеча бренда // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16658, 21.07.2011.
- 24.Н.Н. Александров, Методология системно-генетического исследования общества // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16633, 13.07.2011.
- 25.Н.Н. Александров, Философия экономики. Рыночный период // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16624, 09.07.2011.
- 26.Н.Н. Александров, Платформа философии. Философия, менталитет, цикличность // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16617, 06.07.2011.
- 27.Н.Н. Александров, Философские вопросы теории менеджмента // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16554, 09.06.2011.
- 28.Н.Н. Александров, Числовые инварианты в менталитете // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16542, 02.06.2011.
- 29.Н.Н. Александров, Стагнация, или Декаданс // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16532, 28.05.2011.
- 30.Н.Н. Александров, Деятельностная антропология // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16521, 21.05.2011.
- 31.Н.Н. Александров, Эстетика (курс лекций) // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16518, 16.05.2011.
- 32.Н.Н. Александров, Звезда деятельности // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16510, 14.05.2011.
- 33.Н.Н. Александров, Формула истории // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16506, 07.05.2011.
- 34.Н.Н. Александров, Системогенетика ментосферы // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16449, 25.03.2011.

- 35.Н.Н. Александров, Генезис пространствоощущения в истории // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16425, 09.03.2011
- 36.Н.Н. Александров, Эзистенциальная системогенетика // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16416, 06.03.2011.
- 37.Н.Н. Александров, Эволюция симметрии в искусстве // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16294, 15.01.2011.
38. Н.Н. Александров, Менталитет и эгрегор // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16213, 11.12.2010.
39. Н.Н. Александров, Моделирование индикаторов качества в эстетической системогенетике. Монография / В сб. Системогенетика, 94. Раздел 2 // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16720, 03.08.2011.
- 40.Н.Н. Александров, Моделирование индикаторов качества в эстетической системогенетике. Монография / В сб. Системогенетика, 94. Раздел 2 // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16720, 03.08.2011.
- 41.Н.Н. Александров, Мир воздухоплавания. Альбом постеров // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16817, 03.09.2011
- 42.Н.Н. Александров и др Конкуренция и конкурентоспособность. Основные понятия и история их становления. – Нижний Новгород: изд-во ВВАГС, 2004. – 176 с.

***В СБОРНИК ВОШЛИ СТАТЬИ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ НА САЙТЕ АТ,
В ЖУРНАЛАХ, АЛЬМАНАХАХ И КОЛЛЕКТИВНЫХ МОГОГРАФИЯХ, А
ТАКЖЕ НА МОЕМ БЛОГЕ (ВЕСТНИК АТ)***

1. Мировоззрение и культура в зеркале эзистенциальной системогенетики // В сб. «Актуальные проблемы гуманитарных и общественных наук». – Самара, Из-во СаГА, 2002.
2. В.И. Вернадский и неклассический менталитет XX века // Материалы Всероссийской научной юбилейной конференции “Вернадсианская революция в системе научного мировоззрения – поиск ноосферной модели будущего человечества в XXI веке”. – СПб.: ПАНИ, 2003.

3. Имперская стадия культурно-цивилизационных образований. // В сб. “Ленинская теория империализма и современная глобализация”. –Коллективная монография. / Под науч. ред. А.И. Субетто. В 2-х кн.: кн. 1. - СПб.: Астерион, 2003. – С. 700-706.

4. Александров Н.Н. В.И. Вернадский и неклассический менталитет XX века // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.10421, 19.05.2003

5. Ноосфера и ментосфера. // В сб. Вестник ННГУ. Социальные науки. – Нижний Новгород, ННГУ. им. Н.И. Лобачевского, 2004.

Александров Н.Н. Ноосфера и ментосфера. Научное издание. – М.: Изд-во Академии Тринитаризма, 2013. – 180 с.

© Александров Н.Н., 2013.

АТ

• АЛЕКСАНДРОВ Н.Н. НООСФЕРА И МЕНТОСФЕРА

Н.Н.АЛЕКСАНДРОВ

НООСФЕРА

И МЕНТОСФЕРА

МОСКВА, 2013